

В. Б. Станкевичъ

ВОСПОМИНАНІЯ

1914—1919

Берлинъ 1920

Handwritten signature or initials, possibly reading "М. В. Л." or similar, written in cursive script.

РЗ 1К
1916

В. Б. Станковичъ

ВОСПОМИНАНИЯ

1914—1919 г.

250

Берлинъ 1920

Издательство И. П. Лодыжниковъ

EB_1920_LRZMON_00000074

Право собственности въ Россіи закрѣплено за авторомъ во всѣхъ странахъ, гдѣ это допускается существующими законами.

Alle Rechte vorbehalten, insbesondere das Übersetzungsrecht in fremde Sprachen.

ОГЛАВЛЕНІЕ

Часть первая: Война.

Глава первая: Пріятіе войны.

1. Передъ войной	7
2. Первые дни войны	12
3. Общественныя настроенія	17

Глава вторая: Въ инженерскомъ училищѣ. 24

Глава третья: На военной работѣ.

1. На позиционныхъ работахъ	28
2. Обстановка и люди	48
3. Въ Петроградѣ	55

Часть вторая: Революція.

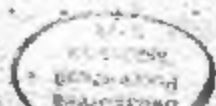
Глава первая: Первые дни революціи. 63

Глава вторая: Исполнительный комитетъ.

1. Внешній характеръ	80
2. Ихъ власть, ихъ войны	91
3. Пріятіе войны	107
4. Пріятіе власти	124

Глава третья: Наступленіе 18-го іюня.

1. Подготовка наступленія	133
2. Наступленіе	150

Глава четвертая: Комиссарство на
фронте.

1. Командный состав и сотрудники	169
2. Солдатская масса	182

Глава пятая: Падение Риги 202

Глава шестая: Дело Корнилова.

1. Политическая обстановка в Петрограде	216
2. Керенский, Савинковъ, Борглазовъ	222
3. Конфликты	229
4. После дела Корнилова	242

Часть третья: Война в стране.

Глава первая: Октябрьское восстание.

1. Наказание в Станку	251
2. Восстание в Петрограде	258
3. В Царском Селе и Гатчине	267

Глава вторая: Падение Ставки 284

Глава третья: Возстановление восточ-
ного фронта.

1. Брестский миръ	301
2. Походка в Литву	314
3. В Киевъ	321

Глава четвертая: В Соединенн 331

Глава пятая: Последние дни в России. 349

Заключение 354

Часть первая
Война

Глава первая.

ПРІЯТІЕ ВОЙНЫ

1. Передъ войной.

Осенью 1913 года я прочелъ пробныя лекціи въ петербургскомъ университетѣ и ожидалъ утвержденія приватъ-доцентомъ уголовного права и командировки за границу. Въ особенности меня манила заграничная поѣздка возможностью работы надъ моей книгой, содержаніе которой уже вырисовывалось передо мной въ существенныхъ чертахъ: выводы ея я уже напечаталъ въ сборникѣ статей по уголовному праву и, кромѣ того, прочелъ докладъ на съѣздѣ криминалистовъ въ Петербургѣ. Работа эта меня увлекала. Я выбралъ весьма обширную и «модную» тему объ «опасномъ состояніи преступника» и, разработавъ ее, приходилъ въ изумленіе отъ громадныхъ сдвиговъ въ практикѣ и теоріи за последнее время. Въдѣ на съѣздѣ русскихъ криминалистовъ я считалъ себя въ правѣ выставить парадоксальныя тезисы, что задачей современнаго, создающагося уголовного права является помощь преступнику и борьба съ наказаніемъ, при чемъ подтверждали эти тезисы десятками фактовъ изъ области законодательства и цитатами изъ бесспорныхъ авторитетовъ уголовного права. . . . Въдѣ новое законодательство цѣлымъ рядомъ институтовъ, выработанныхъ практикой англо-са-

исонскихъ странъ, все время отъѣсняло наказаніе на задній планъ, стараясь воедѣйствовать на преступника другими мѣрами: леченіемъ, воспитаніемъ, опекой, словомъ — помощью. вмѣстѣ съ тѣмъ я наглядно ощущала тѣснѣйшую связь уголовного права со всѣми другими областями общественной жизни и связь между видонимѣніями карательной дѣятельности и всего механизма человѣческихъ взаимоотношеній. Всѣе право, въ конечномъ счетѣ, покоилось до сихъ поръ на наказаніи, на принудительно-устрашающемъ началѣ. И я задавала себѣ вопросъ, что это будетъ за общество, гдѣ въ лицу, нарушившему законъ, вмѣсто наказанія примѣняютъ ласку и опеку. Видъ это болѣе похоже на большую и добрую семью, чѣмъ на прежнее государство. Именно, на семью... И не случайно дѣти-преступники въ англо-саксонскомъ правѣ называются «дѣтьми государства», которое, въ самомъ дѣлѣ, со всей серьезностью материнскихъ заботъ начинало выполнять свои родительскія обязанности. Да и въ Россіи въ послѣднее время мы были свидѣтелями, какъ проступки дѣтей являлись для нихъ началомъ новой, болѣе счастливой эры въ жизни, когда они впервые знакомились съ серьезной заботой, опекой, воспитательнымъ воедѣйствіемъ и даже лаской, втягивая подчасъ всю семью въ сферу попечительнаго вниманія общества.

Мои выводы, конечно, не были общепринятыми. Но я уже имѣла возможность высказывать ихъ въ докладахъ, въ статьяхъ, какъ въ научныхъ изданіяхъ, такъ и въ газетахъ и общіихъ журналахъ. И мнѣ хотѣлось подвести подъ нихъ солидный фундаментъ изъ нѣкѣ большой систематической работы, опирающейся на всю доступную литературу и систематизиро-

щей весь соответствующий законодательный материал. Но для этого нужно было познать за границу

За мною числились, однако, некоторые политические грехи - три мѣсяца въ «Крестахъ» за устройство митинга по случаю роспуска первой Государственной Думы и секретарство въ трудовой фракции 3-ей Думы. Эти обстоятельства являлись солиднымъ препятствиемъ, и дѣло о моей командировкѣ и пріятель доцентурѣ тянулось очень медленно и по большимъ ухабамъ, то проваливаясь, то вновь выполая наверхъ. Приходилось покаместъ заниматься публицистикой, формально числясь оставленнымъ при университетѣ. Къ веснѣ 1914 года я, совместно съ Сухановымъ и Богучарскимъ, редактировалъ журналъ «Современникъ». Но какъ разъ начинало чувствоваться значительное расхождение взглядовъ Суханова и моихъ. Сухановъ стоялъ на строго социалистической точкѣ зрѣнія и даже эволюционировалъ въ то время отъ народничества къ марксизму. Мнѣ же казалось, что новое общество создается совсѣмъ иными путями, чѣмъ предвидѣли основоположники социалистической догмы, что каждый день приноситъ колоссальныя завоеванія общечеловѣческой солидарности, что классовая борьба значительно смягчается, что мелкими камѣньишками и повседневной будничной работой создается новый строй, безъ сравненія болѣе волшебный и чудесный, чѣмъ строй, о которомъ говорили и Фурье и Бобель. Мнѣ казалось, что само противоположеніе социализма и либерализма въ значительной степени потеряло свой смыслъ. И, во всякомъ случаѣ, въ Россіи, гдѣ политическія условія нуждались еще въ самыхъ примитивныхъ усовершенствованіяхъ, не стоило спорить довѣ-ва такихъ вопро-

совъ, которые практически могли встать на очередь еще въ очень далекомъ будущемъ.

Военные вопросы занимали насъ тогда меньше всего. Но весной 1914 года, въ связи со статьей въ одномъ изъ германскихъ офицеровъ, прокатилась волна тревоги, и тѣнь войны на несколько дней надвинулась на всю Европу. Мы въ нашемъ журналѣ, согласно нашимъ убѣжденіямъ и взглядамъ, отписались отъ этого новой статьей, гдѣ я выпучивала милитаризмъ и утверждала, что интересы народовъ настолько переплелись между собой, что война стала фактическимъ самоубійствомъ для всякой націи. Цитируя обращеніе нашихъ социалъ-демократовъ къ социалъ-демократіи Австріи и Германіи, я высказывала надежду, что новые международные отношенія сложатся подъ знакомъ братской солидарности народовъ, а не звѣриныхъ выкриковъ шовинистовъ и милитаристовъ.

Но, несомнѣнно, это была только отписка. Мы не могли не видѣть, что фактическое распоряженіе всѣми ресурсами европейскихъ государствъ находилось въ рукахъ людей, совершенно иначе глядѣвшихъ на войну. Какъ-то разъ, при перелистываніи журналовъ, мнѣ попался на глаза отрывокъ изъ воспоминаній германскаго кронпринца, гдѣ между прочимъ, онъ пишетъ, что во время маневровъ, когда ему приходилось во главѣ кавалерійскаго полка летѣть въ атаку съ обнаженной машкой, ему невольно думалось: какимъ счастьемъ было бы опустить щину на голову настоящаго, реальнаго противника. Но развѣ русскіе принцы и вообще правящіе сферы были чужды такимъ чувствамъ? Больше того, развѣ не были они изъ насъ самихъ?

Вѣдь военные вопросы въ Россіи переставали уже быть вопросами бюрократическихъ канцелярій и при посредствѣ Государственной Думы входили въ обиходъ общественности, которая уже давно втянулась въ фарватеръ военныхъ идей. Уже чувствовалось, что правое крыло русской общественности подчеркивало, что оно лучше справится съ военной задачей, чѣмъ бюрократія. Дѣлалось моднымъ говорить о вооруженіяхъ и со всѣми техническими подробностями и деталями оцѣнивать стратегическіе планы. Помню, весной, въ моментъ военной шумихи, я былъ на засѣданіи у лидера одной изъ оппозиционныхъ партій Думы. Присутствовало много парламентаріевъ, во главѣ съ предсѣдателемъ одной изъ важнѣйшихъ постоянныхъ комиссій. За ужиномъ и послѣ ужина въ непринужденной бесѣдѣ мы обмѣнивались впечатлѣніями на злобы дня, и предсѣдатель комиссій заявилъ что, дѣйствительно, падаетъ война, но для Россіи война не страшна, такъ какъ армія уже приведена въ порядокъ, финансы въ блестящемъ положеніи — всегда имѣется большой запасъ свободной наличности, а на послѣднихъ маневрахъ неопровержимо сказало, что французскія пушки Крезо во всѣхъ отношеніяхъ превосходятъ нѣмецкія пушки Круппа. Хотя перспектива войны воспринималась крайне абстрактно, какъ арифметическая задача, какъ техническая проблема, но все же оптимистическіе цифры и факты невольно будили какія то гордыя ощущенія силы коллектива, невольно рождали мысль «А что, если бы эту силу опустить на голову извѣстнаго пруссачества».. И когда въ апрѣлѣ мѣсяцѣ, въ связи съ обсужденіемъ въ Госуд. Думѣ, такъ называемой, «великой» военной программы, Бородинскій пытался возбудить въ обществѣ тре-

вогу, что принятие этой программы влечет за собой войну, то онъ не встрѣтилъ серьезной поддержки даже въ кругахъ ближайшихъ сторонниковъ — Даже въ «Современникѣ» мы, на ряду съ антиимпериалистическими статьями, которыя мало кѣмъ читались, печатали статьи о новейшей военной техники, которыя читались съ большимъ интересомъ и вынуждали большое одобрение издателей. И остается фактомъ я теперь припоминаю сравнительно очень мало статей, гдѣ бы по существу разбирался конфликтъ или противорѣчіе интересовъ России и Германіи. Но я прекрасно помню много военныхъ соображеній и заключительный аккордъ предвоенной газетной тревоги заявление Сухомлинова въ одной изъ газетъ, что Россія хочетъ мира, «но она готова къ войнѣ», причемъ все удареніе заявления было именно на готовности воевать.

2. Первые дни войны.

Въ день получения текста австрійскаго ультиматума Сербіи я выѣхалъ изъ Петербурга и свѣдѣнія о войнѣ получалъ уже у себя дома, въ дитовской глуши. Въ первый моментъ, исходя изъ принципіальнаго пассивизма, я говорилъ о необходимости соблюдать духовный нейтралитетъ въ борьбѣ, тѣмъ болѣе что германская опасность послѣ выступленія Англіи представлялась крайне незначительной, и можно было ожидать, что въ пару недѣль война закончится. Такому отношенію способствовала и среда, которая, хотя и привыкла къ русскому господству и была проникнута русской культурой, тѣмъ не менѣе, а, можетъ быть, именно поэтому всегда была склонна надеяться на

поудачамъ русской государственности. Даже обращение къ полякамъ вызвало больше проническихъ усмѣшекъ, чѣмъ серьезныхъ надеждъ. «Что стоило», шутили провинциальные политики «издать это обращение иѣсколькими иѣсцами передъ войной. А теперь — не будетъ ли это только военной хитростью?»

Но изъ столицы приходили совсѣмъ иные вѣсти. Засѣданіе Думы, съ торжественными объединеніемъ большинства партій, съ рѣчами, рѣшительно заглушавшими сдержанныя и равнодушныя голоса трудовиковъ и социалъ-демократовъ. Рѣчи представителей национальностей, которые, казалось, были искренне захвачены всеобщимъ подъѣмомъ. Все это создавало бурные потоки новыхъ воинственныхъ настроеній, разливавшіеся широко по всей странѣ, которымъ трудно было противостоять.

Кромѣ того, война разгоралась совершенно по-новому, чѣмъ предполагали. Вѣлья пройдены, французская армія на границѣ разбита, французское правительство перешло въ Бордо. Серьезные разговоры о невозможности удерживать Парижъ, въ виду котораго уже появились германскія развѣды. Все это создавало впечатлѣніе страшной германской опасности. Это впечатлѣніе усиливалось сообщеніемъ о чудовищныхъ изобрѣтеніяхъ германской военной техники, о 42-хъ-сантиметровыхъ пушкахъ, о непреодолимости военной организаціи.

Пока дѣло было еще о бояхъ на французскомъ фронтѣ, дѣло казалось болѣе отвлеченнымъ. Но вотъ, послѣ ряда мелкихъ усмѣховъ на всѣхъ фронтахъ, пришло извѣстіе о пораженіи подъ Сольдау. Необычный тонъ воинскаго сообщенія, гдѣ надежды на усиленность новыя мѣры для направлення удара возмѣлились на

Господа Бога, цѣлый рядъ тревожныхъ слуховъ, отступление нашихъ войскъ изъ Восточной Пруссии, бѣгъ на Нѣманъ, все это дало ощутить громадное преимущество германской военной техники и создало немалую тревогу за успешный исходъ войны и опасения, что она продлится не недѣли, а, во всякомъ случаѣ, долгие мѣсяцы.

И вотъ чуть ли не къ концу перваго мѣсяца мой настроеніе рѣзко измѣнилось. Помню двѣ свои статьи, напечатанныя въ то время — обѣ очень патристически. Одну изъ нихъ нѣкоторые называли «исторической» а другіе «историческою» — якто изъ представителей лѣвыхъ партій не высказывался въ пользу духовнаго пріятія войны съ такою безоглядностью. — Нѣмцы, писалъ я, воинственная нація, использовавшая всѣ завоеванія науки для военныхъ цѣлей, напала на мирные народы, не утѣшающе воевать. Для того, чтобы предотвратить искаженіе всего культурнаго развитія, необходимо и мирнымъ народамъ научиться воевать. Какъ Петръ Великій въ мигнута ошншности, послѣ Нарвскаго пораженія, перелазилъ въ пушки церковныя колокола, такъ и мы должны всѣ наши духовныя дѣятели и способности бросить на алтарь войны, отдавая не только матерію и живую силу, но принося наиболѣе тяжкую жертву — свой духъ. И въ качествѣ прикѣра я предлагалъ приступить къ организаціи изъ высшихъ учебныхъ заведеній курсовъ по военнымъ предметамъ для того, чтобы заинтересовать молодежь въ войнѣ, въ военной техники и выдвигать изъ жизни тѣхъ талантливыхъ военачальниковъ, которыхъ у насъ не хватало.

Въ другой статьѣ я, отвѣчая на свои собственные сомнѣнія о томъ, что возможные победы войдутъ на пользу русской реакціи, писалъ,

что теперь нечего еще спорить изъ-за чести и славы, и что плоды победы будутъ принадлежать тому, кто болѣе всего обусловитъ ее.

Переходъ къ новымъ настроеніямъ совершился настолько незамѣтно, что теперь я помню только два момента начальный — только отрицаніе войны и ужасъ передъ ней и стремленіе остаться самому въ сторонѣ, и конечный моментъ — проповѣдь участія въ войнѣ, и участіе не только тѣлеснаго, но всѣми силами духа.

Но я не замѣчалъ тогда противоположности между этими двумя возрѣзанными. Я попрежнему крайне остро воспринималъ несчастіе, причиняемое войной, и приводилъ сравненіе, которое не разъ припокиналъ и впоследствии нѣмѣлая война, совершенно небывавшая по своему размаху — это мировая катастрофа, аналогия которой мы находимъ лишь въ преданіяхъ древнѣйшихъ временъ, во всемірномъ потоцѣ или вавилонскомъ столпотвореніи. И, согласно послѣднему сравненію, я комментировалъ всѣ новѣйшія изобрѣтенія, примѣняемые на войнѣ. Всѣ чудеса нашей величавой техники изъ-за сѣженія дымаго вѣются теперь на наши бѣдныя головы, словно нахальная насъ за нашу сѣдность въ дѣлѣмъ устремленіи вверхъ, въ сверхчеловѣческому могуществу.

Но мнѣ казалось, что мой военный пылъ легко примирялся даже съ такими пассивистскими настроеніями. Ходъ разсужденій былъ
■■■■■.

Война ужасна, и результаты могутъ быть ужасны, изъ особенности, если одна сторона побѣдитъ. И такъ какъ мнѣ казалось, что Германія имѣла всѣ шансы побѣды, то необходимо было сражаться съ нею, чтобы окончить въ мирѣ. Опасность надъ Паризомъ, опасность

наде Варшавой, поэтому надо защищать Париж и Варшаву. Но, говоря и, если дойдет очередь до Берлина, и если это действительно будет угрозой не только германскому правительству, но германскому народу — тогда необходимо будет защищать и Берлин. Нужно, чтобы война окончилась вничью, тогда долго никто не решится больше воевать, но если одна сторона победит — тогда военная психология только укреплется. Надо воевать против Германии для того, чтобы предотвратить возможность, что война окончится победой на чьей-либо стороне.

Странным образом, даже соображения международной солидарности способствовали созданию военной психологии. Для меня было большое значение, что я чувствовал себя действительным в тисках с демократией Англии — надо было стоять перед великими портретами Асканта и Ллойд Джорджа. Царя, висель и портреты Бебеля. Но Бебель был оппозицией в своей стране, и то, что его последователи поддерживали войну и голосовали за военные кредиты, служило опять таки доводом в пользу участия в войне. Смотрите, вот ведь истинные демократы, у которых мы всегда учились политической мудрости, поступают в минуту войны — они, скрывая зубы, поддерживают коммунистическое правительство. Мы должны следовать их примеру и также, скрывая зубы, поддерживать свое правительство.

Таковы были двойные оправдания, сознательный ход мыслей. Но достигла действительная ли факт самых разнообразных и неожиданных благоприязненных настроений. Оказалось, что война отозвалась в душе тысячи разнообраз-

ных переживаний, которыми мы познали только во время войны.

Они пришли к нам неожиданно, безъ подготовки, безъ возможности критического отношения, безъ подготовленных контръ-представлений, и потому стали почти монопольными въ нашей смущенной, сбитой съ толку душѣ.

Уже разговоры о бояхъ на Иманѣ, идѣ назывались знакомыя мѣста, будучи во мнѣ странный, неожиданный, но вѣстный вопросъ война въ предѣлахъ твоей родины, почему ты бездѣйственъ, почему ты не слышишь звука боевой трубы?..

Вотъ тянутся по улицамъ какіе то военные обозы — невольное стремление идти съ ними, отправиться въ неведомую даль, переживать невзгоды, непогоды, неудобства и опасности, лишь бы не оставаться дома, когда идетъ борьба. Вѣдь это идетъ Россія борющаяся за свое существование, та слава Россія, гдѣ все свое, и съ которой связано столько надеждъ, и чаяній, и вѣры.

Словомъ, все, и тайные инстинкты, и идеологические выводы, и эстетическія представленія, и бытъ, и дѣтскія воспоминанія, и вѣсь любимыхъ героевъ, и воспоминанія о юношескихъ играхъ — все говорило въ пользу войны. И что можно было противопоставить этому, кромѣ сухихъ, абстрактныхъ, безцвѣтныхъ разсужденій? Разсказъ Фламмаріона, какъ онъ въ осажденномъ германцами Парижѣ работалъ надъ изобрѣтеніемъ свѣто-направительнаго аппарата?

3. Общественныя настроенія

Мнѣ кажется, что мой ходъ мысли и отношение къ войнѣ не представлялъ собой чего-

либо принципиально отличного от хода мыслей большинства русского общества, во всякомъ случаѣ - лѣвой части его.

Вначалѣ очень многие восприняли войну, какъ катастрофу несчастье. Помню предсказанія В. В. Водовозова о томъ, что въ результатѣ войны на улицахъ Петербурга и Берлина будутъ ходить медвѣди. Помню впечатлѣніе, произведенное статьей Г. А. Ландау о сумеркахъ, сгущающихся надъ Европой, которая сама себя уничтожаетъ въ бессмысленной войнѣ. Помню растерянность «Русскаго Богатства», которое въ ужасѣ передъ войной старалось утѣшить себя только тѣмъ, что война расшатываетъ частную собственность и тѣмъ приближаетъ воцареніе новаго общественнаго строя. Даже въ такихъ правыхъ органахъ, какъ «Русская Мысль», гдѣ развивались империалистическія взгляды П. Б. Струве, и тамъ была растерянность, и авторъ одной изъ статей характерно отмѣчалъ, что послѣ перваго угара манифестацій и патриотическаго воодушевленія хотѣлось вернуться домой, разобраться въ душѣ, найти примиреніе для новыхъ фактовъ, такихъ необычныхъ для всегдашняго строя мыслей.

Эта растерянность надолго оставила слѣды. Многие до конца войны такъ и оставались къ себѣ дома, разбираясь въ своихъ ощущеніяхъ или горюя надъ совершившейся катастрофой. И почти во всѣхъ чувствовалось, что война воспринимается, какъ нѣчто внѣшнее, чужеродное: масса русского общества никогда не почувствовала въ войнѣ своего собственнаго дѣла. Оно говорило «мы сочувствуемъ войнѣ», «мы помогаемъ ей», но оно не сказало «мы воюемъ». Но зато настроены сочувствіемъ и желаніемъ помочь

являлись немедленно и очень скоро стали всеобщими

Правда, духовная мобилизация совершалась не стройно. Чуть ли не каждый имел свою собственную теорию восприятия войны или даже несколько теорий — последовательно или одновременно. Во всякомъ случае, не помню, чтобы одна какая-либо идеологическая концепция или хотя бы отчетливое чувство объединяло ихъ. Все воспринимали войну, какъ фактъ, но каждый по-своему старался создать себѣ духовную атмосферу для нея. Однако, въ большинстве случаевъ результатъ былъ одинъ и тотъ же: различіе теорий давало поводъ къ оживленнымъ спорамъ и страстнымъ прениямъ, но практический выводъ былъ всегда — войну надо принять. Правда, были значительные отбѣйки практического смысла восприятия. Для однихъ, назовемъ ихъ «правыми», дѣло сводилось къ безусловной помощи правительству — въ поступленіи и добровольцемъ въ армию (добровольцемъ если не въ формальномъ, то въ психологическомъ смыслѣ слова) или въ развертываніи военно-вспомогательной дѣятельности. Для другихъ — и къ нимъ принадлежало большинство мнѣ политическихъ друзей — задача представлялась въ видѣ служенія войнѣ критикой правительства, предостереженіемъ его отъ ошибокъ, грозящихъ успѣху войны или ея принципиальной чистотѣ: преслѣдованія евреевъ на театрѣ военныхъ дѣйствій, свирѣпствованіе цензуры, подлитва Бобринскаго въ Галицію — все это давало оправданіе этой идеологии борьбы внутри какъ помощи войнѣ на фронтѣ. Керенскій, Кускова, Лутутинъ, Потресовъ, Пѣшихоновъ, Богучарскій, Микотинъ и другіе, группировавшіеся вокругъ Вольно-Экономическаго общества, особенно отчетливо форму-

лировали и практически проводили эту линию. Можно указать еще существенное различие в идеологии в том, что для одних первенствующую роль играли национальные интересы России, для других же — соотношение мировых сил и интернациональные последствия войны. Но все это было различие в путях служения или использования войны, не колебав общего приятия ее.

Но война не особенно и нуждалась в теоретическом обосновании.

Что то азартное, захватывающе-интересное, как в совершенно новом спортивном развлечении, было в войне. Даже сидя в своих кабинетах, все делалось немного военным, мыли свои гипотезы, свои теории, свои стратегические взгляды, оправдания которых ждали от войны. Кроме того, бытовым образом война захватывала даже штатских людей. Одним отличался при мобилизации удачной организацией снабжения пищей сборных пунктов. Другой увлекся помощью семьям запасных. Третий обнаружил поразительные таланты при сборе пожертвований на подарки солдатам. Четвертый с восторгом делится впечатлениями о поезде в Льеж. А кто слышал пушечный выстрел или свист ружейной пули — тот уже совсем увлечен войной, которая доводит нас до героических инстинктов. Все это можно, но он забывал о смысле войны, ее истинный лик.

Даже женщины были втянуты в войну. Стали служить в лазаретах, сестрами милосердия, стали работать во всяких благотворительно-патристических учреждениях. И о войне стали говорить с такой же готовностью, как и мужчины. Это имело огромное значение. Ни-

какіе призывы и прокламаціи не дѣйствуютъ такъ, какъ одно только колебаніе со стороны женщины удерживать своего близкаго отъ войны

Если уже она колеблется, значитъ и дол-
женъ идти!

Но я помню лишь одну женщину, которая, правда, не говорила противъ войны, но съ полнымъ сознаніемъ своей правоты и своего права говорила, что не понимаетъ войны, не понимаетъ увлеченія ею, и своихъ близкихъ людей сама для этого непонятнаго и чуждаго дѣла не отдастъ. - Но въ большинствѣ было даже не колебаніе, а прямое сочувствіе, подчеркнутая готовность къ самопожертвованію, а подчасъ и требованіе. Какъ ничтожна область совѣтательской идеологіи въ этой войнѣ. Но, влеченная массы и питаемая скрытымъ расположеніемъ, война превращалась въ силу, побуждающую величайшія душевныя переживанія

Кромѣ того, война стала единственнымъ большимъ дѣломъ, дающимъ возможность работать и зарабатывать. И кто не поддавался ни теоріи, ни новымъ чувствамъ, того загоняла въ это дѣло житейская необходимость, даже если не было воинской повинности. Всѣ мирныя отрасли труда или отмирали или чахли, и лишь тѣ предприятия и учрежденія, которыя хоть какимъ-либо образомъ связаны были съ войной, пышно расцвѣтали, поглощая все ищущее труда и заработка. Но, вставъ, въ силу необходимости, на военное дѣло, приписывали теоретическое оправданіе своей слабости. И легче всего, конечно, было поддаться общему току настроеній, приемлющихъ войну

И смежно, въ той же плоскости, стоятъ еще иныя соображенія. Помню одинъ разговоръ от-

носительно материальных дел. Несколько товарищей жалуясь на тяжелое материальное положение, утешали себя, что после войны все изменится. В особенности если война окончится успешно. Тогда откроются самые широчайшие перспективы для службы на всех поприщах — подумать только, напр., о вост. Константинополе. И среди представлений о самой войне, о боях, переходах преследованиях и пр. не малую роль играло представление о возможности легкой легкой добычи, чему не мало, в конце концов, способствовали как рассказы о поведении наших войск в Восточной Пруссии, так и не прекращавшиеся сведения о поведении войск противника в оккупированных областях России и Франции. Несомненно, война будила самые низкие инстинкты во всех областях. И многие офицеры совершенно спокойно говорили, что не стоит дома покупать блискля или револьвер, так как гораздо лучше можно легко достать на фронте во время боя, в особенности если поощрять тогдашних солдатиком вознаграждение за это.

И что можно было противопоставить этому комплексу мыслей, чувств и интересов? Единственной слышной критикой войны была впоследствии аргументация Суханова. Но вначале и Суханов аргументировал совершенно иначе и был одним из первых, кто очень активно воспринимал войну, хотя по совершенно особым соображениям. Он находил, что необходимо, чтобы война окончилась разгромом одной из реакционных стран, революцией в ней. Так как, по его мнению, положение Германии безнадежно, то необходимо разгромить ее до конца, взять Берлин и пр. Лишь позднее он изменил свое мнение и в ряде статей и книг

развивалъ антивоенную идеологию, доказывая, что Россія не имѣетъ никакихъ интересовъ въ войнѣ, что она «наймать» союзниковъ которые, испуганные промышленнымъ развитіемъ Германіи, побѣжденные «рублемъ», вѣли за «дубье». Но такъ какъ самъ Сухановъ не дѣлалъ выводовъ относительно необходимости сепаратнаго мира, разъ война уже началась, то его выводы встрѣтившіе больше брани, чѣмъ дѣловыхъ возраженій, имѣли, по существу историческій характеръ. Подливный же цинизмъ и пораженчество ютились въ глубокомъ подпольѣ или въ эмигрантскихъ кругахъ и никакого даже отдаленнаго вліянія на настроенія имѣть не могли.

Глава вторая

ВЪ ЮНЬЕРСКОМЪ УЧИЛИЩѢ

Какъ-то на одномъ собраніи, послѣ моей горячей рѣчи о необходимости подчинить воѣ интересы войнѣ, Беренскій замѣтилъ, что, если я хочу быть послѣдовательнымъ, я самъ долженъ идти на войну.

— Не безпокойтесь, съ раздраженіемъ отвѣтилъ я ему, — вы меня вскорѣ увидите въ военномъ плащѣ.

И, дѣйствительно, съ перваго декабря я преобразился въ юнкера Павловскаго военнаго училища, въ «павлона», какъ насъ называли тогда. Трудно представить себѣ большій контрастъ, чѣмъ это превращеніе представителя вольной профессіи въ предметъ цѣланныхъ и неустанной муштровки.

Уже первыя впечатлѣнія изумили меня. Мы, новички, стояли еще равношерстной толпой въ очереди въ докторскому осмотру, какъ все зданіе — а зданіе было выстроено на славу прочко, Николаевскими временами дышали стѣны двух-аршинной толщины — стало дрожать отъ мѣрныхъ ударовъ наверху, при чемъ до насъ доносились какіе-то странные истерическіе крики, значенія которыхъ мы не могли разобратъ. Въ тотъ же день я узналъ, въ чемъ дѣло. Это воспитанники

шли рогами въ сторону, держа ногу твердо, то-есть выбивая ногами изъ всѣхъ силъ, при чемъ «старшіе» въ изчествѣ погонщиковъ шли по сторонамъ, выкрикивая все время «лѣва-права» или «ать, два, три, четыре». Къ концу моего пребывания въ училищѣ начальство вынуждено было само прекратить эти прогулки, такъ какъ здание не выдержало, и полы стали давать трещины. Но въ первое время, дивясь самъ себѣ и другимъ, я выбивалъ ногой, какъ другіе, при чемъ единодушное мнѣніе моего начальства было, что я феноменъ по неумѣнью ходить и въ особенности махать руками.

Вечеромъ новая неожиданность. Мы, юнкера, остались въ ротѣ одни, безъ офицеровъ — всѣ вчерашніе студенты, помощники присяжныхъ повѣренныхъ, словомъ, молодежь. Казалося бы, можно было на минуту позабыть о маханіи руками и поворотахъ головы. Но тутъ-то было. Намъ, новичкамъ или, какъ назывались по юнкерски «хвостогамъ», надо было представляться «старшему учителю», тоже юнкеру старшаго выпуска, т. е. поступившему въ училище двумя мѣсяцами раньше. Процедура состояла въ томъ что надо было пройти «вольномъ», т. е. махая руками шаговъ двадцать, потомъ, въ четыре шага до старшаго учителя, поднять руку къ фуражкѣ, держа ногу твердо, а въ два шага надо было остановиться и произнести стереотипную фразу «Молодой человекъ со стороны, фамилия такая-то, представляется по случаю зачисленія въ Павловское военное училище». Потомъ — полуоборотъ направо, не отрывая глазъ отъ учителя, и съ первымъ шагомъ оторвать руку отъ фуражки, повернуть одновременно голову и отойти въ сторону. Мнѣ, какъ и другимъ товарищамъ, съ трудомъ давались эти пер-

ные шаги служения войны, и при общем сѣхѣ миѣ пришлось продѣлать это разѣ десять, пока прихотливый вкусъ «старшаго» былѣ удовлетво-ренъ.

Каждый день приносилѣ что-нибудь новое и неожиданное. Прежде всего и неприятнѣе всего поразило отсутствіе отпусковъ. Занятія были только до 5 часовъ, послѣ же вечеръ былѣ со-всѣмъ свободный, проводимый обычно самымъ несѣлымъ образомъ, въ разсказыванія анекдо-товъ и пр. Почему бы не имѣть права выйти и посѣтить семью или знакомыхъ? Но не тутъ-то было. Отпускъ полагался всего два раза въ недѣлю и при томъ не сразу послѣ поступленія въ училище, а лишь недѣлю черевъ дѣѣ, послѣ того какъ воспитанникъ достаточно усвоитѣ пра-вила отданія чести. Увы, я былѣ совершенно неспособенъ къ премудрости шагистики, одна-ково плохо отдавалѣ честь, «сѣ поворотомъ го-ловы надѣво», какъ и «сѣ поворотомъ ее на-право», и приводилѣ учителей въ полное от-чаяніе своимъ неулажкимъ вставаніемъ во фронтъ. Съ большимъ трудомъ, послѣ цѣлаго ряда экзаменовъ и перекэкзаменовъ, удалось по-лучить разрѣшеніе покинуть училище на нѣ-сколько часовъ, и то лишь послѣ того, какъ я сообщилѣ, что моя квартира почти рядомъ съ училищемъ, при чемъ миѣ были даны настоя-тельные свѣты — не ходить по улицамъ и не-медленно идти домой и сидѣть тамъ безвыходно. Но и это еще не все. Сама процедура вы-хода была крайне тягостной и связанной со мно-гими затрудненіями, рапортами, докладами, по-воротами, топаніемъ, маханіемъ руками и от-даваніемъ чести.

Особенно были неприятны и много огорченій доставляли «старшѣе». Воспитанники, пробывшіе

въ училищѣ два мѣсяца, переводились въ разрядъ старшихъ, пользовавшихся известной дисциплинарной властью. Изъ нихъ же набиралось младшее начальство, при чемъ, конечно, выбирались наиболее подходящие, т. е. грубые, формалисты, придирки и архаики. Въ этомъ выборѣ начальство проявляло адмѣчательную проицательность, и очень рѣдко случалось, чтобы выборъ былъ неудаченъ. И новое начальство изъ всѣхъ силъ старалось оправдать оказанное ему довѣріе, доводя своей грубостью и придирчивостью до слезъ робкія и слабыя натуры среди подчиненныхъ.

Особенно большой просторъ для придирчивости давали правила укладки платья передъ сномъ. Платье должно было быть уложено въ строго опредѣленномъ порядкѣ такимъ образомъ, чтобы бѣлье, брюки, гимнастерка и поясъ вмѣстѣ составляли правильную фигуру въ 8 дюймовъ ширины и длины и около 5 дюймовъ высоты. Несмотря на всѣ старанья, покоенное платье не хотѣло укладываться въ законныя формы. И ретивымъ «старшимъ» доставляло особое удовольствіе обходить століки по ночамъ и будить иногда по нѣскольку разъ неудачнаго геометра за торчащія кончики гимнастерки и недостаточно приглаженные носки.

Подобная придирчивость съ одной стороны создавала мелочность съ другой. И я помню великое торжество моихъ товарищей по выпуску, когда однажды мнѣ удалось «посадить въ дужку» одного изъ самыхъ исправныхъ, глупыхъ и придирчивыхъ старшихъ. Дѣло было за столомъ во время обѣда. Старшій о чемъ-то спросилъ моего сосѣда. Тотъ по простотѣ душевной отвѣтилъ.

Я не знаю, господинъ старшій.

- Надо отвѣчать «не могу знать», а не «не знаю», настаивательно отвѣтилъ старшій.

Позвольте доложить, вышлся я въ разговоръ.

— Ну, докладывайте, въ чемъ дѣло?

— Намъ батальонный командиръ напроцѣдъ на урокахъ произноситъ «не могу знать» и всегда напоминаетъ поговорку Суворова, что «немогузнаекъ» надо быть по мягкимъ частямъ ниже спины.

Весь столъ окаяннѣлъ отъ изумленія перады мой дерзостью и ожидалъ, что будетъ дальше. Дѣло закончилось тѣмъ, что курсовой офицеръ вываля меня передъ строй роты и сдѣлалъ сравнительно, впрочемъ, мягкое внушеніе за «стонъ» моего замѣчанія, но такое же внушеніе было сдѣлано и старшему за неумѣстный формализмъ.

Всѣ эти мелочи, забавныя выходы, но весьма тягостныя во время переживания, мѣшали и искажали панетия, которыми я пытался отдался со всѣмъ жаромъ. Вездѣ приходилось сталкиваться съ чрезвычайной формалистикой и очень много времени тратить на зубрежку такихъ уставовъ, которые могли пригодиться только въ мирное время. Но наши офицеры принимали отождествлять военную жизнь съ исполненіемъ опредѣленнаго количества уставовъ и не могли примириться съ мыслью, что офицеръ военного времени можетъ не знать какихъ-нибудь мелочей распорядка въ казармахъ. Впрочемъ, и при желаніи они ничему яному не могли насъ научить, такъ какъ невѣжество рядовыхъ офицеровъ было поразительное. И волей-неволей приходилось зубрить правила о томъ, когда въ казармахъ могутъ быть выдаваемы дрона, или что должны сдѣлать подчиненный, если встрѣтитъ началь-

ника на узкомъ мѣстѣ, или обязанности барабанщика. При нѣкоторой способности въ короткое время и на короткое время удерживать въ головѣ громадное количество свѣдѣній, я скоро выучилъ уставы лучшихъ офицеровъ и нѣсколько разъ доставилъ себѣ удовольствіе «посадить въ лужу» офицера, особенно одного штабсъ-капитана, читавшаго намъ уставы и славившагося своимъ формализмомъ.

Все это было, конечно, страшно мелко. Ипр. во время экзамена по винтовкѣ, гдѣ все казалось бы должно было быть направленнымъ на существо дѣла, штабсъ-капитанъ все время придирался къ чисто формальнымъ мелочамъ, требуя не только знанія дѣла, пониманія соотношенія частей и умѣнія разбирать винтовку, но и того, чтобы все это дѣлалось «по уставу». Такъ, при отвѣтѣ одного изъ товарищей, онъ прервалъ:

— Это не по уставу. Защелку магазинной коробки надо вынимать большимъ и указательнымъ пальцами правой руки, а не большимъ и среднимъ. Уже коли отвѣчать уставы, такъ надо по уставу..

— Господинъ капитанъ, позвольте доложить, выѣшиваюсь я съ мѣста.

— Въ чемъ дѣло?

— Въ Наставленія сказано, что защелку надо вынимать именно большимъ и среднимъ пальцемъ.

Проверили по уставу — оказалось, я правъ. Юнкера торжествуютъ и ликуютъ. Но черезъ день — мѣсть. Начало урока. Входитъ штабсъ-капитанъ — онъ былъ въ этотъ день дежурнымъ по батальону — грустный, озабоченный и унылый. Садится и произноситъ меданхолическимъ голосомъ:

Юнкеръ Станкевичъ.

— Здѣсь, г. капитанъ.

— Видите ли, юнкеръ Станкевичъ, когда сегодня всѣ роты шли въ столовую, я стоялъ и внимательно смогрѣлъ, какъ юнкера идутъ. И знаете кто шелъ хуже всѣхъ?

— Никакъ нѣтъ, г. капитанъ.

— Вы шли хуже всѣхъ. Садитесь, юнкеръ Станкевичъ.

Но мы живемъ не только въ атмосферѣ мелочей и формалистики, но и въ атмосферѣ вѣчнаго страха. Наказанія лишениемъ отпуска, анфочередными нарядами и карцеромъ сыпались, какъ изъ рогъ изобилія, особенно на новичковъ. Сыпались неожиданно, непредвидимо, неустранимо сыпались за пустяки, за случайные промахи и даже сонеты безъ промаховъ — при кнѣ былъ случай назначенія карцера за недостаточное послѣдній изгнѣлъ. Мнѣ «высыпали» четыре наряда за то, что, будучи дежурнымъ, не вышелъ въ корридоръ роты на встрѣчу ротному командиру съ рапортомъ, хотя наканунѣ дежурный получилъ выговоръ отъ батальоннаго командира именно за то, что рапортовалъ ему въ корридорѣ — «кнѣ помещенія роты». Какъ-то уже подъ конецъ пребыванія въ училищѣ, въ разговорѣ съ моимъ товарищемъ, я жаловался на ту психологию вѣчнаго страха передъ какими-то бѣдствами и напастями, которыми подкарауливаютъ на каждомъ шагѣ изъ за каждого угла. Мой товарищъ, уже отдѣленный командиръ, смѣлся и говорилъ, что теперь сдѣлавшись «старшимъ», онъ началъ чувствовать себя вполне уверенно и не думаетъ, чтобы могъ понастаться. По странной irony судьбы, черезъ полчаса, во время самаго мернаго урока топографіи, мой бѣдный отдѣленный улыбнулся невольно, какъ разъ въ то

время, какъ преподаватель топографии запутался въ объясненіяхъ существа горизонталей. Преподаватель рѣшилъ, очевидно, что ошибка относится къ нему, и засадилъ отдѣленного на пару сутокъ въ карцеръ. Но этимъ его бѣдствія не окончились: на слѣдующее утро онъ одѣтъ «заскочилъ». Одинъ изъ младшихъ юнкеровъ его отдѣленія извѣщалъ что-то невпопадъ батальонному командиру. Батальонный командиръ рѣшилъ, что такое грубое незнакіе объясняется недостаточнымъ вниманіемъ отдѣленного, и засадилъ его уже на 8 сутокъ.

Въ этой жизни, съ утра до вечера полной напряженности, вниманія къ мелочамъ и опасній большія мысли естественно исчезали. Даже война была мало замѣтна въ училищѣ. Въ ротѣ очень удивились, когда я принесъ собственную карту военныхъ дѣйствій и просилъ разрѣшенія повѣсить ее въ помещении роты, да и тогда очень немногіе слѣдили по картѣ за новыми флажками. Военный порывъ, который былъ несомнѣнъ во многихъ невольно приобреталъ какой-то пассивный, недѣятельный характеръ.

Сперва я былъ склоненъ объяснять всѣ эти особенности юнкерской жизни складомъ нашего училища, которое издавна славилось суровостью своего режима. Но впоследствии, ознакомившись съ другими частями военного механизма, я понялъ, что это опредѣленная система.

Въ системѣ этой нѣтъ мѣста доброй къ чувству и мысли человека. Порывъ, воодушевленіе, настроеніе, убѣжденіе — все это ненужно, непрочное. Война же требуетъ увѣренности, что всякій приказъ будетъ всегда выполненъ. Механизированіе человека, превращеніе его въ автоматъ, исполняющій приказъ безусловно просто потому, что это приказъ — вотъ

задача военного воспитания. Поэтому — голоду
мышо и могу тверже, здесь намъ не универси-
тетъ, въ атмосферѣ страха и формализма. И
быть можетъ, что для своихъ задачъ эта си-
стема была правильной и единственно цѣле-
сообразной. Помню яркие моменты, когда не
привычныя слова и вещи парализовали душу почти
физическимъ ощущеніемъ какого-то безпорядка,
неправильности, противостественности и без-
духовности. Нпр., при разборѣ винтовки намъ
объясняли устройство штыка и задали вопросъ
зачѣмъ у штыка выемка выемъ или «долы»,
и кощунствомъ прозвучало объясненіе:

— Для того, чтобы легче стекать кровя.

Хотѣлось въ первую минуту съ отвраще-
ніемъ отбросить въ сторону штыкъ, хотѣлось,
по крайней мѣрѣ, осмыслить эту фразу, найти
примиреніе съ ней. Но некогда, офицеръ объ-
ясняетъ дальше, заставляетъ повторять, грозитъ
выскакиваніемъ за невниманіе къ вопросу, какой
стороной отвертки надо отвинчивать очередную
винтъ при разборѣ. Потомъ всего 5 минутъ
перерыва, во время котораго надо переодѣться
съ ногъ до головы для строевыхъ занятій. По-
томъ усиленная муштра. Потомъ въ строю, вы-
бравъ ногой и махая руками, въ столовую на
обѣдъ. Потомъ подготовка къ репетиции. Мо-
литва и еще упражненія въ отдачѣ чеюти, а то
завтра же пустить въ отпускъ. Потомъ сонъ.
А на другой день мы на этотъ же вопросъ уже
идѣмъ радостно, что помнимъ объясненіе, хорошо
кричимъ «Для того, чтобы стекать кровя». А
черезъ мѣсяцъ — сами объясняемъ другимъ.

Но были, несомнѣнно, и хорошія стороны
въ этихъ черныхъ шагахъ военной жизни. По-

стоинными физическими упражнения осыжжл
всѣхъ насъ, слинкомъ много сидящихъ и не-
подвижныхъ горожанъ. Я постоянно раньше
страдалъ простудой, и мнѣ казалось, что здѣсь
я просто погибну отъ постоянныхъ сквозняковъ,
на которые я долженъ былъ выходить разгоря-
ченный послѣ строевыхъ учений. Но докторъ
только улыбнулся на мои жалобы, и я самъ,
не замѣчая того, привыкъ къ новой жизни на
столько, что сталъ даже брашировать, выбѣгая
во время нашей «большой переѣмки» на дворъ
въ самые злые морозы въ одной гимнастеркѣ
и безъ фуражки и катаясь съ горъ на салаз-
кахъ, дыша всею грудью морознымъ воздухомъ.

Потомъ, къ началу весны, насъ отправили
въ лагерь для практическихъ занятій на мѣст-
ности. Пробыли тамъ двѣ недѣли какъ разъ
перелома отъ зимы къ веснѣ когда прѣхали,
все было еще покрыто снѣгомъ. Въ первые дни
промокали насъвозъ отъ маршировки въ дыря-
выхъ сапогахъ по тающему снѣгу. Потомъ увиди
на футъ въ размокшей глинистой почвѣ. Подъ
коведъ — дни были теплые — бродя по окрест-
ностямъ, наслаждались весеннимъ солнцемъ. Все
время приходилось рѣшать разнообразныя тех-
ническия задачи, на сторожевое охраненіе, на
наступленіе, на укрѣпленіе позицій, приходи-
лось дѣлать съѣмки. Но это заставляло все время
внимательно приглядываться къ мѣстности, ко
всѣмъ холмкамъ, бугоркамъ и кряжамъ почвы,
отмѣчая всякій кустарничекъ, рошу. Это лишь
усиливало близость къ природѣ. Такую весну
мало кто въ насъ имѣлъ въ теченіе всей
жизни...

Ученіе подвигалось къ концу. Явились до-
суги. И тутъ военно-техническій интересъ могъ
находить безпрепятственное удовлетвореніе. Въ

общемъ, преподавание въ училищѣ скорѣе дѣлало интересъ, чѣмъ вызывало его. Но, быть можетъ, это участь всякаго средняго преподавателя. Но мы имѣли и исключение — лекція по тактикѣ были полны подлиннаго интереса и привлекательности. Ихъ читалъ полковникъ, уже успѣвшій побывать на войнѣ, понасть въ плѣнъ съ тяжелой раной, освободиться (онъ будучи парламентаромъ, по ошибкѣ былъ обстрѣлянъ) и вернуться преподавать въ училище. Онъ любилъ войну и разсказывалъ о ней съ восторженной страстью. Глаза горѣли, весь онъ воодушевлялся, каждое правило пояснялъ тысячью примѣровъ изъ жизни, изъ военныхъ воспоминаний, изъ опыта маневровъ, изъ литературы. Онъ являлся заражалъ своей страстностью и другихъ. Онъ тоже былъ безпощаденъ в суровъ въ требованіяхъ и въ формахъ. Но подлинная страсть къ военному дѣлу наполняла этотъ формализмъ содержаниемъ. Онъ вѣрилъ въ военное дѣло и старался передать эту вѣру и намъ, посвятивъ нѣсколько лекцій доказательствами, что война свойственна природѣ человека. И странно — даже самые отягченные тѣни, жестоко страдавшие отъ его требовательности, гордились тѣмъ, что они проходятъ тактику подъ его руководствомъ. Но это было исключение въ унылой и сѣрой атмосферѣ военнаго стана.

Нашъ выпускъ, въ видѣ исключения, держалъ въ училищѣ не четыре, а цѣлыхъ пять мѣсяцевъ. Двѣ недѣли послѣдняго, дополнительнаго, мѣсяца мы провели въ лагерѣ, но послѣднія двѣ недѣли мы ничего не дѣлали. Досугами этихъ дней я старательно воспользовался для

чтенія военныхъ книгъ. Особенно тщательно я ознакомился съ исторіей японской войны и анализъ чуть ли не наизусть всѣхъ перипетій даже такихъ сложныхъ боевъ, какъ подъ Ляояномъ и Мукденомъ. И у меня при чтеніи складывалось впечатлѣніе войны не было. Съ русской стороны не было проявлено ничего, что можно было бы назвать хотя бы защитой. Всѣ атаки войскъ неопровержимо свидѣтельствовали что армія не умѣла бояться жалкія попытки маневровъ неизмѣнно оканчивавшихся неудачей, защита сводилась къ отступленію. Войны не было не только духовно, но и технически.

Выходъ изъ училища — цѣлое событіе для юнкера. Въдѣ всѣ мы были «нижние чины». И вся система училища была построена на подчеркиваніи принципа громадной разницы между офицерами и нижними чинами. И всѣмъ намъ, уже пропитаннымъ военнымъ духомъ, казалось крайне заманчивымъ, чуть ли не переходомъ черезъ какую-то пропасть, надѣть погоны, хотя бы съ одной звѣздочкой. И нѣкоторые, въ особенности изъ воспитанниковъ кадетскихъ корпусовъ, забавляли насъ всѣхъ своими вдохновенными разсужденіями, какъ это будетъ «стойко» надѣть «галфе» и фуражку съ кокардой и всучить пятерку первому солдату, отдавшему честь.

Глава третья

НА ВОЕННОЙ РАБОТѢ.

1. На позиционныхъ работахъ.

Наконецъ, послѣ долгой и утомительной, а въ значительной степени и бесполезной подготовки, началась военная работа въ настоящемъ смыслѣ этого слова.

Первые шаги были такъ же неожиданны, какъ и въ юнкерскомъ училищѣ. Такъ какъ въ училища дорога была одна — въ запасный батальонъ то я избралъ 1-ый запасный на Охтѣ. Въ назначенный день мы, человекъ 20 молодыхъ прапорщиковъ, собрались въ батальонной казначаркѣ. Насъ выстроили «по росту». Вошелъ батальонный командиръ, старенькій, но бойкій генералъ. Каждый изъ насъ по очереди рапортовалъ заученную формулу представлень начальству, генералъ жалъ руку и спрашивалъ, при чемъ, въ сущности, интересовался только однимъ вопросомъ.

— Были ли вы португей юнкеромъ и кто-рымъ по счету окончили училище?

Онъ высказалъ большое неудовольствіе, когда первые рапортованіе всѣ оказались даже не изъ первыхъ десятковъ. Немного утѣшился

на мнѣ, когда узналъ, что я окончилъ училище первымъ, но радость его была омрачена тѣмъ, что я не былъ фельдфебелемъ и несъ скромную должность ротного библиотекаря!

Мнѣ не хотѣлось на военной службѣ отдать себя въ полное распоряженіе начальства, а хотѣлось по-своему использовать себя. Поэтому въ первый же день моего пребывания въ сапашномъ пѣхотномъ батальонѣ на Охтѣ я отклонилъ предложеніе быть делопроизводителемъ батальоннаго суда — какъ разъ это мѣсто освобождалось, и на меня, какъ за приватъ-доцента уголовного права, упивались обѣими руками. Но я категорически отказался, настаивая, чтобы меня оставили въ строю, такъ какъ мнѣ казалось рѣшительно неприимымъ, получить офицерскую шапку для того чтобы сидѣть въ полковой канцеляріи. Офицеры отнеслись къ этому, какъ къ донкихотству, но мое желаніе было исполнено.

Въ обычныхъ ротахъ подготовка солдатъ продолжалась всего шесть недѣль, и на это время, конечно, едва успѣвали сообщить самыя примитивныя свѣдѣнія и только начать обученіе строю. Въ общемъ, какъ я шутилъ, солдаты разучивались ходить и говорить по-человѣчески и не научались дѣлать это по-военному. Такъ какъ, какъ разъ въ этомъ отношеніи я самъ былъ весьма слабъ и не чувствовалъ никакого желанія совершенствоваться, то вынужденъ былъ постоянно озвратъся на своихъ унтеръ-офицеровъ. Но вскорѣ мнѣ представился случай перейти въ команду развѣдчиковъ, гдѣ надо было дать гораздо большія свѣдѣнія, такъ какъ туда отбирались и оставались тамъ въ теченіе двухъ мѣсяцевъ уже закончившіе шестинедѣльное обученіе. Начальникъ команды съ первыхъ же дней отдалъ мнѣ ее въ полное распоряженіе, руко-

води лишь административной и хозяйственной частью, и я безпрепятственно могъ проводить всѣ дни съ моими солдатами въ полѣ, работая съ такими напряженіемъ, что мое рвеніе передавалось и солдатамъ, и я съ удивленіемъ сталъ замѣчать громадные успѣхи съ ихъ стороны. Научились писать полуграмотныхъ, но толковыхъ донесеній, составлять планы мѣстности — не хуже, чѣмъ это дѣлалъ юнкера. У многихъ открылись таланты: одинъ оказался природнымъ начатынкомъ маленькихъ партій, получающихъ самостоятельныя порученія, другой обнаружилъ талантъ живописца для зарисовыванія перспективныхъ чертежей въ, третій прекрасно и точно чертилъ планы. Было пріятно чувствовать на себѣ ихъ доверчивые взгляды, такъ какъ, мнѣ казалось они цѣнили мое неформальное отношеніе къ дѣлу и то, что я дѣлаю все, что было въ силахъ, для использования времени наиболѣе продуктивнымъ образомъ. И я никогда не забуду того искренняго прощанія, которое было у меня съ командой, когда мнѣ пришлось уйти. Успѣхи обученія были крайне пріятны, но иногда неловко являлись мысли о томъ, что было бы еще сто кратъ пріятнѣе обучать чему-нибудь иному, а не военному дѣлу, но серьезнаго впечатлѣнія эти мысли производить, конечно, не могли.

Оставаться рядовымъ пѣхотнымъ офицеромъ мнѣ, однако, не члѣбалось, и прослуживши военно-техническимъ интересъ гнулъ въ другую сторону, въ сторону инженерныхъ войскъ. Пришлось прибѣгнуть къ большому хлопотамъ, но, въ концѣ концовъ, мнѣ удалось добиться своего и былъ переведенъ въ запасный саперный батальонъ.

Я былъ твердо увѣренъ, что въ саперномъ

батальонѣ мнѣ удастся побыть хоть одинъ мѣсяцъ для того, чтобы ознакомиться съ основами искусства укрѣпленія. Но уже въ первый день при первомъ разговорѣ съ командиромъ батальона, судьба моя опредѣлилась иначе. Командиръ батальона очень обрадовался моему приѣзду и сообщилъ, что онъ былъ въ великомъ затрудненіи — у него требовали офицеровъ для посылки на фронтъ, а ему некого было послать, такъ какъ всѣ офицеры были нужны.

Вы вѣдь не знакомы съ Ригой? спросилъ онъ, вѣроятно, желая представить знакомство съ городомъ какъ приманку для меня.

Ничуть нѣтъ, я учился въ Ригѣ.

Ну вотъ, тѣмъ лучше, вы пойдете иичтъ въ знакомый городъ.

И мнѣ было дано 18 часовъ на сборы. На другой день — это было въ концѣ юня — съ двумя ротами якобы обученныхъ саперъ и въ обществѣ пяти офицеровъ я отправился въ Ригу.

Въ Ригѣ дѣло пошло еще быстрее, и я самъ не успѣлъ оглянуться, какъ очутился съ двумя взводами солдатъ на участкѣ позиціи за Ригой, на берегу озера, съ верстовкой въ рукахъ, на которой смѣлой карандашной чертой черезъ лѣса, поля, болота и озера была указана позиція, которую мнѣ должно было укрѣплять. Не успѣлъ я осмотрѣться на участкѣ, какъ были присланы рабочіе и матеріалъ. Пришлось сразу окунуться въ заботы о размѣщеніи рабочихъ, объ организаціи работъ и надзора. Приходилось самому не только выбирать мѣсто укрѣпленій, но входить во всѣ детали разбивки, такъ какъ мои саперы оказались совершенно неподготовленными къ этому: даже унтеръ-офицеры въ боль-

живыми были дружки специальностей — подрышники, водные минеры, телеграфисты и пр. В общем, работа была тяжелая, изнурительная. Съ раннего утра до позднего вечера на ногахъ въ полѣ, потому канцелярская работа, писаніе всякихъ донесеній и отчетовъ.

Были ошибки и недоразумѣнія, но, въ общемъ, работа сверхъ всякаго ожиданія оказалась очень успѣшной, и военные офицеры отзывались, что мои окопы соответствуютъ опыту войны. Меня же самого работа не удовлетворяла. Я чувствовала всю невозможность придерживаться старыхъ уставныхъ предписаній. Исклаъ новыхъ формъ и методовъ. Но не могла не сознавать, что я все-таки идѣю ощупью. Быть можетъ, кое-что угадываю, но во многомъ только фантазирую. Кроме того, ясно было, что наши работы страдаютъ отсутствіемъ общаго плана и, быть можетъ, въ конечномъ счетѣ, являются вовсе ненужными. Это предположеніе покрѣпилось тѣмъ, что подъ Ригой намъ не дали ничего окончить — только начали строить одну позицію — какъ перевели на другую. Только что начали строить тамъ, какъ пришла приказъ оставить работы и ѣхать обратно въ Петроградъ. Такимъ образомъ, послѣ большихъ усилій, работъ осталась впечатаніе зря загубленнаго времени, силъ, материала, напрасно испорченныхъ полей и вырубленнаго лѣса. Особенно ясно почувствую горе одного конюха въ баронскомъ имѣніи черезъ которое шла моя позиція. Имѣніе моихъ окоповъ должна была пройти какъ разъ по грядѣ его огорода, гдѣ пышно росли всяческіе овощи. Но гряда шла какъ разъ около крутого берега, и окопъ нельзя было отодвинуть ни назадъ, ни впередъ. Насколько возможно было, я оттягивала распоряженіе объ отрывкѣ. На-

конецъ оттягиваніе стало невозможнымъ, и я далъ приказъ приступить къ работамъ. Но окопъ не удалось отрыть до конца на другой день пришлось приказъ сняться съ работъ, я, вмѣсто пышнаго огорода, осталась лѣпкому неужная канавка.

Словно нарочно для того, чтобы подтвердить наши сомнѣнія въ правильности работъ черезъ некоторое время послѣ нашего отъѣзда мы узнали, что вся позиція, на укрѣпленіе которой мы потратили столько времени и усилій, была признана бесполезной и даже опасной, и новыя партіи саперъ и рабочихъ были присланы затѣмъ, чтобы разрушить все, созданное нами.

Тѣмъ временемъ насъ перевели подъ Псковъ. Но тамъ насъ ждала та же участь. Тотъ участокъ, куда послали меня, оказался болотомъ, расположеннымъ въ виду высотъ со стороны противника. Уже въ августѣ мѣсяцѣ медвяя было вести отрывку болѣе, чѣмъ на $\frac{1}{2}$ аршина, а осенью и весной, какъ утверждали крестьяне вся мѣстность сплошь покрывалась водой. Но цѣлыхъ двѣ недѣли пришлось работать тамъ, при переводѣ матеріалъ и затрачивая египетскій трудъ по насыпкѣ окоповъ, утѣшая себя по дачей рапортовъ и докладныхъ записокъ. Наконецъ, въ сентябрѣ перевели насъ на новыя позиціи, гдѣ мы оставались дольше. Некоторый опытъ, приобретенный подъ Ригой, мнѣ очень пригодился, и такъ какъ мѣстность по природнымъ особенностямъ была крайне благоприятна для укрѣпленія холмы, передъ которыми располагались болота, то работа закинула и при томъ съ такимъ успѣхомъ, что высшее начальство собиралось привезти государя, и даже специально построили дорогу для царскаго автомобиля на два моихъ участка. Въ результатѣ, не-

смотря на чинъ прапорщика и отсутствие специального образования, я получилъ сравнительно очень высокое назначение начальника отдела работъ.

Къ веснѣ меня перевели на новыя тыловые позиции около Двинска, при чемъ опять-таки не было ни опредѣленнаго плана, ни опредѣленныхъ задачъ, и чувствовалось что само начальство не въ состояніи выйти изъ состоянія колебаній и нерѣшительности. Но десять часовъ въ день приходилось сидѣть на лошади, прохѣмъ нать невѣроятное количество работъ, такъ какъ мой отделъ оказался чрезвычайно разбросаннымъ. И каждый день приходилось получать новыя, противорѣчащія прежнимъ директивамъ. Черезъ мѣсяцъ перевели опять на новый участокъ, уже за Двинскомъ около Креславки, гдѣ предстояло просто ремонтировать старые окопы, при чемъ для этой цѣли не было ни людей, ни лошадей, ни материала.

Работать все время приходилось съ небывалымъ и въ мирное время неизвѣстнымъ напруженіемъ. Задачи обыкновенно давались очень неопредѣленно, а, по существу, безиредѣльно. Но ограничиваться формальнымъ выполненіемъ дѣла не хотѣлось, потому приходилось буквально выбиваться изъ силъ. Вставали мы въ 6 часовъ утра, въ 7—8 часовъ уже въ полѣ и до 4—5 часовъ вечера съ малымъ перерывомъ на обѣдъ. Потомъ приходилось часовъ до 10 сидѣть въ конторѣ, возясь съ табелами, нарядами и жалобами. Ночью — составленіе чертежей и схемокъ для руководства старшимъ и писаніе всѣхъ отчетовъ и отписокъ по командѣ. Къ лѣту я настолько выбился изъ силъ, что былъ способенъ заснуть въ любое время дня въ любомъ положеніи.

2 Обстановка и люди

При такихъ условияхъ для наблюдений не оставалось ни времени ни силъ. Обстановка и люди памятливы только въ самыхъ общихъ чертахъ.

Большое впечатлѣние производитъ на меня рабоче Подъ Ригой это были эсты и латыши. Хотя съ ними трудно было сговориться такъ какъ они очень плохо понимаютъ по русски, но они такъ скоро схватывали смыслъ работъ и такъ хорошо владѣли шотландскими инструментами что мои саперы не могли нахвалиться ими. Подъ Псковомъ намъ дали тверскихі и витебскихъ рабочихъ было также много псковичей которые поражали меня своимъ страннымъ уборамъ своеобразнымъ говоромъ, своеобразнымъ способомъ мышления. Какой то стѣдой древностью вѣяло отъ этихъ обитателей Фатасской и Башинкой горъ, горы Веретъ, Князьего бора, живущихъ въ сторонѣ не только отъ «машинки», но и отъ «струнной дороги» (дороги съ телеграфными столбами). Псковъ былъ въ сорока верстахъ, но мой хозяинъ не рѣшился свести меня туда, такъ какъ его лошади никогда не была еще въ городѣ. и я подозреваю, что онъ самъ былъ тамъ лѣтъ двадцать тому назадъ. Когда они собирались массей для полочки, нарядившись въ лучшія платья, то напоминали мнѣ болѣе статистовъ изъ «Аскольдовой Могилы», чѣмъ современниковъ, ведущихъ войну при помощи аэроплановъ и удушливыхъ газовъ. Что то мягкое, душевное, примитивное было во всемъ складѣ жизни, что сглаживало даже мелкія плутни, безтолковость въ работѣ и лѣдность до денегъ. О войнѣ говорили крайне мало, иногда не спрашивая, иногда не высказывая от-

ношения. Только жаловались на работу, отвле-
кающую от домашнихъ дѣлъ, на «разореніе»
причиняемое полямъ нашими окопами, буйвально
плакали надъ вырубленной рощей («расчистка
обстрѣла» объясняли мы имъ). Словомъ, вос-
принимали войну, какъ досадное безпокойство.
И не только крестьяне. Окопы нашего отряда
проходили черезъ имѣніе довольно известнаго
октябриста-богача Дерюгина. Случайно линия
окоповъ пришлось натолкнуться на какую-то
историческую сосну, на которую, по утверждению
г. Дерюгина, жилили его предки. Прапорщикъ,
руководившій постройками, ничтоже сумняшеся
приказалъ рубить сосну. Дерюгинъ не плакалъ,
но устроилъ колоссальный скандалъ и не по-
стѣсняясь даже отправить телеграмму самому
Главкомандующему фронтомъ Ржевскому съ
воплемъ за обиженную сосну. Черезъ нѣсколько
дней пришла телеграмма отъ стрелка повиднѣ
со строгимъ наказомъ сосны не рубить, и она
такъ и осталась надрубленной.

За время работъ мнѣ приходилось сталки-
ваться со многими десятками интеллигентныхъ
лицъ. Съ нѣкоторыми мнѣ пришлось жить въ
одной комнатѣ по нѣскольку мѣсяцевъ. Но,
страннымъ образомъ, я не приближаю ихъ од-
ного разговора о войнѣ. Я знаю семейное поло-
женіе, симпатіи, мелкие черточки характеровъ.
Но я не знаю отношенія моихъ сотрудниковъ
къ войнѣ. Какъ будто было непрялично, без-
тактично или, во всякомъ случаѣ, неинтересно го-
ворить о войнѣ. Бѣдь все равно, война уже
принималась, какъ неотвратимое, къ чему всякій
по-своему старался примириться своимъ сторо-
намъ своего бытія.

Приспособленіе это было далеко не легкимъ
дѣломъ. Особенно ясно чувствовалъ я это по

своимъ ближайшимъ сотрудникамъ, инженерамъ М и Л, начальникамъ двухъ техническихъ отделовъ, работавшихъ на моемъ отделе. М., какъ мнѣ казалось, по ошибкѣ сталъ инженеромъ-путейцемъ. Онъ былъ вѣстель въ некоторыхъ литературныхъ кругахъ въ качествѣ поэта, тонко чувствующаго слово. Теперь онъ усердно и честно старался уловить размахомъ нашихъ работъ, организаторствомъ, приведениемъ въ движение массы труда и материала. Но такъ какъ это неконкретнымъ образомъ не укладывалось въ стройныя, красивые рамки, и такъ какъ возня съ таблицами мѣста своей ширины, то увлечение не всегда удавалось. И если слово «скучно» и сдерживалось, то лишь потому, что обстановка работъ въ этой дышущей старинной мѣстности и «древность» населения сглаживали неприятности. М. не могъ насладиться достаткомъ мѣстнымъ мягкимъ, уменьшительнымъ дѣтскимъ говоромъ, своеобразными выражениями, простодушными словечками и самобытными нравами. Потому онъ перекочевалъ со своимъ отрядомъ въ Ригу, строить дороги подъ выстрѣлами противника. Потому — въ Трапезундъ. Потому еще куда-то. Говорилось «Ищу дѣла». Но несомѣнно было, «Ищу впечатлѣній». На то и поэтъ.

Полной противоположностью тонко ощущающему и думающему поэту былъ другой инженеръ Л. Онъ весь — исполнение долга. Прежде всего по отношению къ работѣ. Это было не легко — видѣ окопы онъ видѣлъ въ первый разъ. Онъ путалъ названія и самъ смѣялся и смѣшили другихъ поварскими «блиндированными подмышниками», какъ онъ въ шутку называлъ подбрустверные блиндажи. Но вскоре освоился съ задачами, систематизировалъ работу, подтянулъ контору и гордился тщательностью и

аккуратностью отделил. Онъ даже иногда пытался негодовать на примитивность военныхъ методовъ работы. Но все свободное время онъ посвящалъ семьѣ. Ему пришлось съ нею бѣжать изъ-подъ Риги и бросить жену и дѣтей на произволъ судьбы въ Петроградѣ. Самъ же онъ, впервые разставшись съ семьей за всю свою жизнь, вынужденъ былъ поступить на работу въ военно-общественную организацию и очутиться въ псковской глуши. Но душа его оставалась съ семьей, и онъ почти ежедневно писалъ, какъ я шутилъ, «простыми» письмами къ женѣ со всеми подробностями своей новой такой нескладной жизни.

Я лично, несомнѣнно, глубже увязъ въ войнѣ, чѣмъ мои во всѣхъ отношеніяхъ штатскіе сотрудники. Но за то и чувства неудовлетворенности, мнѣ кажется, были ярче и отчетливѣе. Я вспоминаю весну 16-го года. Помню, во время моихъ переездовъ по полямъ и лугамъ я слушалъ пѣніе птицъ и съ удивленіемъ улавливалъ мотивы птичьяго голоса въ Вагнеровскомъ «Зигфридѣ». И являлся съ весной, послѣ года упорной работы, когда она стала приобретать естественно нѣсколько рутинный характеръ, оставаясь мѣсто для мыслей на постороннія темы — впервые появились ярко окрашенные сомнѣнія. Помню разговоры съ моимъ спутникомъ-техникомъ, которому я доказывалъ правильность антивоенной позиции Либкнехта. Помню письма, въ которыхъ я жаловался на невыносимый гнетъ той лжи, которая преподносилась ежедневно въ галеткахъ. Во время работы, во время увлеченія техническими деталями, во время польстоукъ изсаждать трудъ и правильно, съ максимальной продуктивностью организовать работу — смыслъ войны забывался. Но стоило прочесть любую

патриотически настроенную газету чтобы отвращение властно охватывало всю душу. Отвращение и утомление.

И когда я вспомнить о тѣхъ громадныхъ усилахъ и жертвахъ, которыми вѣсны народами приносились для войны, когда я думалъ о количествахъ материаловъ, зарытыхъ въ землю, взорванныхъ въ воздухъ, сожженныхъ, разрушенныхъ — я думалъ о томъ, чего человечество могло бы достигнуть этими массами духовной и материальной энергия. Почему война имѣетъ силу рождать героевъ, побѣждать эгоизмъ, вызывать чрезвычайное напряжение ума, и воли, и чувства? Неужели среди тѣхъ цѣлей, которыя ставитъ намъ мирная жизнь, нѣтъ такихъ же или еще болѣе вы оныхъ цѣлей? Нѣтъ мотивовъ къ массовой жертвенности и подвигу? И я не разъ давалъ себѣ клятву послѣ войны работать самому и другихъ звать къ работѣ съ такими же бѣшенными напряженіемъ, какъ на войнѣ для мирныхъ задачъ новаго мирнаго устройства. Демобилизации не должно быть, только цѣль усилій должна быть иная.

Странно, но ни въ себѣ, ни въ другихъ штатскихъ людяхъ я не чувствовалъ контраста по сравнению съ военными. Такъ, командиромъ роты былъ поручикъ Б., кадровый офицеръ, поступившій наканунѣ войны въ военно инженерную академию. Къ войнѣ онъ относился, какъ къ тяжкому и безспорному долгу, и дѣлалъ все что въ силахъ, чтобы лучше использовать время, людей и материалъ. Сомнѣній не допускался. Но они часто прорывались сами собой. Не разъ онъ говорилъ, что послѣ войны непременно поѣдетъ въ Австралію для того, чтобы тамъ разводить барановъ. Мы слушали его соображенія о привозѣ австралійскихъ степей и

дѣловъ и невольно соглашался, что его планъ недуренъ.

Мой начальникъ, полковникъ Б., преподаватель инженернаго училища, былъ въ августѣ 1915 года буквально въ 24 часа поднятъ на ноги и направленъ на позиціи подѣ Псковомъ, гдѣ съ чрезвычайной энергіей и неутомимостью работалъ въ совершенно непривычной для него обстановкѣ. Но онъ попрежнему числился преподавателемъ инженернаго училища. Война не ломала его жизни, а только гнула. Но согнутая жизнь старалась выпрямиться, и, въ концѣ концовъ, само училище возбуждало всмѣхлившіеся ходатайства о его возвращеніи, и онъ вернулся въ Петроградъ къ своему военно-мирному дѣлу. Такимъ образомъ, быть военнымъ иногда создавала большую тягу отъ фронта, чѣмъ у штатскихъ людей.

Пришлось мнѣ имѣть дѣло и съ офицерствомъ пѣхоты, артиллеріи и даже кавалерійскимъ. Около Двинска я работалъ въ районѣ перваго гвардейскаго корпуса, который былъ расположенъ на отдыхѣ. Я постоянно сталкивался съ гвардейскими офицерами, постоянно бесѣдовалъ съ ними на разныхъ темахъ и нѣкоторое время даже жилъ съ ними въ одной комнатѣ. Особенно тѣсными стали отношенія съ тѣми поръ, какъ на моемъ отдѣлѣ стали работать ежедневно по одной или по двѣ роты отъ Иомаловскаго, Егерскаго, Преображенскаго и Семеновскаго полковъ. Въ первый день работы не обошлось безъ недоразумѣній. Такъ какъ мои работы были раскинуты по фронту на 25 верстъ, то я физически не могъ самъ посетить всюду и долженъ былъ во многомъ полагаться на моихъ

унтеръ-офицеровъ (помощниковъ у меня въ это время не было, Поэтому къ участию, гдѣ долженъ былъ работать Пресображенскій полкъ, я поспѣлъ только послѣ окончанія работъ. Мои саперы сразу стали жаловаться на гвардейцевъ. Выяснилось, что офицеру, который пришелъ съ солдатами, показалось, что работы, которыя мы вели по своимъ новымъ методамъ, начаты были неправильно. Мой унтеръ-офицеръ не былъ въ состоянiи дать объясненiя, но изобрѣлъ отказался слѣдовать указанiямъ пѣхотнаго офицера, такъ какъ понималъ ихъ неправильно. Кончилось тѣмъ, что офицеръ разсердился, приказалъ моимъ саперамъ выстроиться въ строй и сталъ командовать разными строевыми упражненiями, разсыпной строй и пр. Потомъ собралъ своихъ людей, которые посмѣивались надъ неуклюжими саперами, и скоро оставилъ работы. Я немедленно отправился въ штабъ полка и выяснилъ, что офицеръ этотъ былъ — Родзянко, сынъ председателя Думы. Я составилъ подробный рапортъ о происшедшемъ и подалъ его по начальству. Рапорту ходъ не былъ данъ. Но изъ полка мнѣ прислали другихъ офицеровъ, которые хотя и часто бесѣдовали со мной на равныя темы о методахъ фортификацiи, но сами уже не вѣщивались въ мои распоряженiя.

Во время разговоровъ я выяснилъ, насколько далеко стояли психика стараго офицерства отъ новыхъ требованiй войны. Очень часто, послѣ долгаго обсужденiя тѣхъ или иныхъ техническихъ вопросовъ, они со вздохомъ начинали вспоминать прежнiе дни, когда пѣхота не варывалась въ окопы. Глядя на наши тыловые сооруженiя, они восторгались ихъ прочностью, солидностью и удобствомъ. Но почти неизмѣнно прибавляли:

— Но для нашей армiи это не годится. На-

шего земляка изъ такихъ окоповъ и убійницъ и не выманяшь...

Нынешняя война казалась намъ только грубымъ нарушениемъ всѣхъ священныхъ принциповъ военного дѣла, закалываніемъ духа въ землю. Даже дыханіе новой военной техники, долетѣвшее къ намъ впервые въ видѣ книги полковника Ермолаева о западномъ фронтѣ, захватило только молодежь, прапорщиковъ, которые зато мучивали ее чуть ли не наизусть.

Но мнѣ казалось, что въ каждомъ полку былъ одинъ или два прапорщика, которые олицетворяли душу военного дѣла и фактически руководили полкомъ. Это было исполнѣ естественно въ начальныхъ частяхъ. Но, повидимому, то же было и въ гвардейскихъ полкахъ, гдѣ, послѣ двухъ-трехъ вѣнтовъ въ штабъ полка, и приходилъ къ заключенію, что мнѣ назначить боевые вопросы своимъ вопросамъ командира полка, а надо говорить или съ адъютантомъ, или съ его помощникомъ, или даже съ какой-либо третьей-степенной по рангу фигурой, которая фактически составляла движущую пружину дѣла.

Разговорами съ офицерами всѣхъ родовъ оружія мнѣ удалось составить представленіе о нѣкоторыхъ существенныхъ звеньяхъ изъ прошлаго нашей войны. Около Пскова стояли артиллеристы изъ Ковно, ожиданіе присылки новыхъ орудій, взаимѣ оставленнымъ въ крѣпости. Во время неоднократныхъ вечернихъ бесѣдъ они рассказывали мнѣ всѣ детали боевой подѣ Ковно. При этомъ рассказы оснѣдвали дѣло съ разныхъ сторонъ, такъ какъ среди офицеровъ были племянники команданта Ковно, генерала Григорьева. Въ обществѣ, картина получалась

чрезвычайно поучительна, какъ двѣ капли воды, напоминающая описанія боевъ въ японской войнѣ. Не защита, а просто уходъ, въ данномъ случаѣ осложненный только тѣмъ, что комендантъ уѣхалъ первымъ, не предупредивъ даже никого о своемъ отъѣздѣ.

Другой эпизодъ рассказывали намъ участники боевъ подъ Илукстомъ, недавно занятымъ нѣмцами. Я теперь не припоминаю деталей. Но помню, что послѣ разсказа я воскликнулъ:

— Но какъ же можно воевать при такомъ неумѣнии!

Общій смыслъ разсказа былъ тотъ, что мы отступили не подъ давленіемъ противника, а отъ путаницы и дезорганизации съ перваго момента боя.

Сравнительно полную картину боя намъ рассказывали о мартовскомъ наступленіи подъ Якобштадтомъ. Опять говорилось о бесплодности, нецѣлости и неумѣлости атаки, стоившей многихъ жертвъ и не давшей никакихъ результатовъ.

Я не думаю, чтобы я случайно наталкивался на офицеровъ-пессимистовъ — подобный тонъ былъ общимъ во всѣхъ разсказахъ о нашей войнѣ, по крайней мѣрѣ, на сѣверномъ и западномъ фронтахъ, т. е. тамъ, гдѣ противникомъ былъ нѣмецъ. При этомъ неудачи были ярче и запечатлѣвались въ памяти ярче, чѣмъ удачи. Не было эпоса войны, была лишь мрония и терпѣливость.

Разсказы эти разжигали мое любопытство — посмотреть самому на жизнь на фронтѣ. До сихъ поръ я работалъ въ тылу и, кромѣ грохота пушекъ и полета аэроплановъ, не имѣлъ по-

наты о жизни на фронте (как, впрочем, все
тыловые инженеры, с которыми мне приходи-
лось работать). Такая неполнота впечатлений
жизни и практическое значение у меня были
сомнения относительно правильности многих
методов укреплений позиций, и хотѣлось про-
вѣрить на своемъ опытѣ, личнымъ знаком-
ствомъ съ боевой жизнью. Конечно же своей
цѣлью я ставилъ занять мѣсто помощника кор-
пуснаго инженера, который въ своей дѣятельно-
сти непосредственно сталкивается съ самыми
основными боевыми проблемами. Въ концѣ кон-
цовъ мнѣ, дѣйствительно, удалось попасть на
фронтъ, правда, на нѣсколько дней, въ цѣляхъ
самообразования. Все эти дни я бродилъ по
окопамъ одного изъ корпусовъ около Двинска,
детально изучая все особенности боевых по-
строекъ, методовъ работы, бытъ солдатской жизни
на фронтѣ, словомъ, выясняя все проблемы своего
собственного образования. Попасть я случайно
также на участокъ около имѣнія Мадунъ, пре-
краснаго культурнаго уголка Е. А. Ляцкого, съ
богатой историко-литературной библиотекой...
Увы, только обгорѣлыя трубы да развалины по-
чей указывали на то мѣсто, гдѣ находился домъ.
Впечатлений было много... Яркой была полоса
между нашими окопами и проволокой против-
ника, поросшая дѣйственно свѣжей травой,
только въ нѣкихъ мѣстахъ разрытой воронками
снарядовъ. Удивляли гуляе выстрѣлы изъ око-
повъ по задержавшемуся противнику, гудѣли сна-
рядовъ и взрывы ихъ послѣ нѣсколькихъ мину-
тъ томительнаго ожидания у стѣнки окопа...
Разсуждения провожающаго меня унтеръ-офицера
о томъ, что послѣ 12 часовъ можно свободно
ходить, такъ какъ сонъ идетъ кофе... Раздра-
женныя разговоры офицеровъ... Недовѣрчивымъ

взгляды солдатъ, сидѣвшихъ въ какихъ-то норахъ-землянкахъ .. Чрезвычайная убогость и бездарность выдумки въ самой постройкѣ закрытій и жилищъ, неподвижность и неряшливость во всемъ окопномъ быту. Помню, я вошелъ въ землянку ротнаго командира и удивился, что стѣны землянки не «одѣты» ни досками ни жердями, что было не только негигиенично, но и опасно, такъ какъ земля могла обвалиться не только при попаданіи снаряда, но и при взрывѣ его на далекомъ сравнительно разстояніи. Въ отвѣтъ я услышалъ:

— Нѣтъ материала.

Но какъ разъ при входѣ въ землянку лежала большая груда жердей, давно уже доставленныхъ, и какъ разъ для «одежды» этого убѣжища. И саперы мнѣ жаловались, что пѣхота ничего не хочетъ дѣлать безъ особаго приказа или нагоняя.

Впечатлѣніе отъ нашихъ построекъ я вскоре могъ подтвердить впечатлѣніемъ отъ окоповъ противника. Послѣ наступленія 16-го года у меня явилось непреодолимое стремленіе лично осмотрѣть окопы, отбитые нами у противника для того, чтобы выводы и опытъ нашего фронта свѣрить съ выводами противника. Но мои хлопоты о соответствующей командировкѣ стоили мнѣ очень грознаго разговора съ генераломъ, при чемъ въ продолженіе всего разговора я не зналъ, чѣмъ въ результатѣ окончатся мои хлопоты — командировкой или арестомъ. Однако, командировка была дана, но лишь на сѣверный фронтъ. Но и это было весьма приятно, такъ какъ давало возможность познакомиться съ наиболѣе для меня интересными окопами иѣмцевъ. Помимо непосредственной цѣли моей поѣдки и осмотра небольшихъ участковъ позицій против-

ника, отныне во время последних боев, ни в, по рассказам участников, подвигших меня по месту боев, удалось составить ясную картину самого боя. Картина была весьма безотрадной. Толпание громадных отрядов на одном месте и полная беспомощность в выполнении операции. И неудивительно, что корпусный инженер того корпуса, который вел наступление, с полной откровенностью говорил, что воевать с немцами безнадежно, ибо мы ничего не в состоянии сделать. Даже новые приемы борьбы превращаются в притки наших неудач. Так, намотавшаяся от французской или подготавли для наступления инженерного пехотного привела к тому, что в бесчисленных ходах сообщения армия застряла, запуталась, сжималась и, потерпев значительный урон от огня противника, вынуждена была ограничиться маневром нескольких выдвинутых вперед застав противника, при чем в этот немалый успех был достигнут несколько латышскими ротами при полном безучастии остальной армии, формально тоже якобы ведущей наступление. — Немцы окопы, хотя в их ряды на небольшом участии и непосредственно после боя, во время которого наша артиллерия насыпала их снарядами, проложили все же большое впечатление тщательностью отдачи, выдумкой и удобством. Это чувствовали и солдаты. Около одного из солидных немецких убийств, построенного на болоте насыщенным способом, сидело несколько солдат. При разговоре они замкнули.

— Были бы у нас такие деньги, так бы мы воевали ..

Часто приходилось мне сталкиваться с, так называемыми, общественными органами.

циями. Къ нимъ у меня не было особенно дружескаго чувства. Правда, въ нихъ было часто нѣчто отъ американизма — широта, размахъ. Но на нашей почвѣ это подчасъ казалось непростительной тратой средствъ и силъ. Было приятно, когда Союзъ Городовъ пріѣхалъ къ намъ завѣдывать кулинарной стороною дѣла и сталъ, дѣйствительно, хорошо кормить рабочихъ. Но было досадно смотрѣть, что штаты интеллигентныхъ служащихъ, завѣдывавшихъ кормежкой одного участка, превосходили число интеллигентныхъ руководителей работъ всего отдѣла. При чемъ завѣдывающій столовой получалъ жалованье большее, чѣмъ начальникъ отдѣла. Кромѣ того, количество такихъ организаций казалось явно чрезмернымъ. Мы сомнѣвались, стоило ли строить позанци около Пскова, а тутъ почти ежедневно пріѣзжали какія-то партия то для осушки мѣстности, то для наводнения, то для сооружения колодезевъ, то для дезинфекции. Такъ какъ въ этихъ организацияхъ служили военнообязанные, то это создавало предположеніе о болѣе лояльности тѣхъ, кто устроился тамъ. Тамъ, по крайней мѣрѣ, они воспринимались военной массой.

3. Въ Петроградѣ.

Во время поѣздокъ на фронтъ я убѣдился, что хотя въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ могъ считать себя уже мастеромъ, но цѣлый рядъ сторонъ военно-инженернаго дѣла, необходимыхъ на фронтѣ, мнѣ совсѣмъ не были знакомы. Поэтому я воспользовался удобнымъ подвернувшимся случаемъ возвратиться на время въ Петроградъ. Я носился съ обширными планами. Мнѣ хотѣлось, во-первыхъ, самому нѣсколько подза-

нотым, чтобы сделаться законченным военным инженером, а, кроме того, хотелось работать и использовать мои замѣтки, скопиписанные за время годовой работы. — Мои наблюдения на фронтѣ укрѣпили меня въ мысли о необходимости или, во всякомъ случаѣ, о полезности издания этихъ замѣтокъ.

Сперва дѣло поднималось съ трудомъ. Въ батальонѣ на меня вначалѣ поглядывали косо, и мой беспокойный характеръ приводилъ въ негодование старшихъ начальниковъ. Приходилось бороться.

Вскорѣ однако мое положеніе значительно улучшилось. Въ видѣ исключенія, мнѣ предоставили должность преподавателя полевой фортификаціи въ инженерной школѣ прапорщиковъ. Въ батальонѣ мнѣ давали работу по моему желанію, при чемъ мои обязанности заключались въ организации офицерскихъ собесѣдованій на военно-техническихъ темахъ, руководствѣ повторительными курсами для унтеръ-офицеровъ и веденіемъ библиотеки, которую мнѣ пришлось создавать, что открывало очень цѣнную для меня возможность покупать военные книги и выписывать невозможныя, въ томъ числѣ и секретныя, изданія нашихъ штабовъ. Но болѣе всего меня занимала работа, которую я выполнялъ въ сотрудничествѣ съ двумя профессорами Инженерной Академіи — составленіе совершенно новаго учебника полевой фортификаціи. Мнѣ приходилось составлять первоначальный текстъ, вносить въ него всѣ исправленія моихъ сотрудниковъ, составлять окончательный текстъ. Я же составлялъ первоначальные всѣхъ чертежей и велъ корректуру. Я склоненъ былъ фантазировать. Мои сотрудники танули къ академическому канону. Но, такъ или иначе, къ Ро-

жесту учебникъ вышелъ и имѣлъ совершенно исключительный успѣхъ въ два недѣли всѣ экземпляры разошлись, не поступая даже въ публичную продажу, и мы были вынуждены немедленно приступить къ новому изданію. Учебникъ былъ принятъ въ нѣсколькихъ военныхъ училищахъ и даже — вѣнецъ всѣхъ успѣховъ — въ Военной Академіи... Пріять доцентъ полевой фортификаціи — такъ въ шутку сталъ я именовать себя.

Я все съ головой ушелъ въ свои новыя работы. Кромѣ лекцій въ училищѣ и въ батальонѣ и работъ надъ учебникомъ, я гастролировалъ по приглашенію съ лекціями въ офицерскихъ школахъ, въ юнкерскомъ училищѣ — въ своемъ же, Павловскомъ. Составлялъ еще книжку о пулеметныхъ открытіяхъ со многими рисунками и чертежами, чтобы дѣлать ее доступной для каждаго офицера и солдата. Соорудилъ модель приспособленія, которое давало возможность, дергая за веревки изъ окопа, переносить мину подъ проволочное загражденіе противника — движеніе этой забавной модели по столу въ офицерскомъ собраніи приводило въ восторгъ всѣхъ офицеровъ. Все это давало удовлетвореніе даже матеріальное.

Но вмѣстѣ съ успѣхами росли и требованія. До сихъ поръ я работалъ надъ одной областью военного искусства — надъ укрѣпленіемъ позицій. Но у меня начинала складываться общая концепція военныхъ дѣйствій на фронтѣ. Въ качествѣ библиотекаря батальона, я выписывалъ всѣ изданія всѣхъ штабовъ. Черезъ ген. Яковлева и полк. Бартошевича я имѣлъ всѣ новости военно-техническаго управления и инженерной академіи, которая готовилась къ открытію. Черезъ своихъ знакомыхъ въ пулеметной школѣ

въ Ораниенбаумѣ я имѣлъ всевозможныя пѣхотныя новости. Какъ организаторъ лекцій для офицеровъ и унтеръ-офицеровъ, я познакомился съ такими сторонами дѣла, какъ газовая атака, о которой самъ читалъ лекціи. Къ этому же времени приобрѣтали законченный видъ и мои историческія свѣдѣнія. Я зналъ по рассказамъ и описаніямъ довольно подробно не только общую картину важнѣйшихъ фазисовъ русско-германской войны, но и рядъ деталей въ бояхъ подъ Сольдау, подъ Ковно, подъ Барановичами, подъ Ригой, подъ Ковелемъ. Кромѣ того, я имѣлъ кое-какой масштабъ для сравненія, такъ какъ въ моихъ рукахъ побывали описанія боевъ на французскомъ фронтѣ — и мнѣ не чужды были смыслъ и характеръ боевъ подъ Аррасомъ, въ Шампани, подъ Верденомъ, у Перрона.

Чтеніе литературы, рассказы очевидцевъ и личные небольшія впечатлѣнія толкали мысль на то, что наши силы не использованы въ полномъ объемѣ. Изученіе нашего устава о сапныхъ работахъ, съ его совершенно архаическими предписаніями, навело меня на цѣлый рядъ мыслей о томъ, что позиция фронта не должна быть ни на минуту неподвижной и должна постоянно давить на фронтъ противника. Мнѣ казалось, что бесконечное количество живой силы, являющееся въ нашемъ распоряженіи — при этомъ мнѣ живо представлялись сотни фигуры нашихъ солдатъ, сидящихъ мѣсяцами въ своихъ землянкахъ, — не должно оставаться ни на минуту неиспользованнымъ, а, превращенное въ движущуюся массу камня, земли и лѣса, въ видѣ все время надвигающихся на противника сооружений, должно постоянно давить и ломать его фронтъ. Около 3-хъ мѣсяцевъ я носился съ этими мыслями въ тайнѣ. Наконецъ, подкупъ-

пизъ свои соображенія всей доступной русской и иностранной военной литературой, и въ началѣ 17-го года составилъ маленький докладъ, который далъ прочесть моимъ военнымъ друзьямъ. Успѣхъ превзошелъ всѣ мои ожиданія. Генераль, начальникъ училища, послѣ прочтенія доклада просилъ немедленно составить нѣсколько экземпляровъ для послыки во всѣ штабы фронтовъ и въ Ставку. Доклады были посланы, стали получаться даже отвѣты — нѣкоторые благопріятные, нѣкоторые крайне враждебные. Изъ Ставки пришелъ формальный отвѣтъ съ указаніемъ, что докладъ посланъ «не по командѣ» и долженъ сперва быть отправленъ на заключеніе въ военнотехническое управленіе. Я прочелъ докладъ въ офицерскомъ собраніи, и пренія и отзывы убѣдили меня въ правильности моихъ соображеній. И я рѣшилъ упорно бороться за ихъ осуществленіе въ жизни. Между прочимъ, для этой цѣли я посѣтилъ нѣкоторыхъ моихъ политическихъ друзей.

Часть вторая
Революція

Глава первая.

ПЕРВЫЕ ДНИ РЕВОЛЮЦІИ

Я былъ такъ занятъ и увлеченъ военными дѣлами, что не замѣтилъ, какъ подошла весна 1917 года. Въ политическихъ кружкахъ я почти не бывалъ, хотя всю зиму провелъ въ Петроградѣ. Отчасти потому, что былъ переобремененъ военной работой, отчасти же потому, что мои взгляды и устремленія совершенно расходились съ настроеніями политическихъ круговъ. Я искалъ разрѣшенія вопроса въ технической сторонѣ дѣла. Но это не встрѣчало ни малѣйшаго сочувствія какъ отзывка. Для русской общественности это составляло уже пройденный этапъ отношенія къ войнѣ.. Правда, настроенія самихъ политическихъ кружковъ были весьма пестры. Даже въ средѣ наиболее близкихъ мнѣ представителей общественности я наблюдался на самое различное отношеніе къ вопросамъ дня. Такъ, помню, Н. Н. Сухановъ далъ мнѣ при встрѣчѣ Кентавльскія революціи, которыми я возвращалъ ему съроническими замѣчаніями относительно интернациональных чудаковъ. М. Е. Березкинъ, б. т. предсѣдатель 2-ой Гос. Думы, встрѣтилъ мои пылкия технические выкладки сухимъ замѣчаніемъ, что не о новомъ способѣ продолженія войны надо думать, а о томъ, какъ войну кончать. Милотинъ удивился, когда я высказалъ pessimistichesky соображенія о возможности намъ быстро добратсь до Константинополя. — Но былъ одинъ вопросъ,

въ которомъ всё сходилось отношеніе къ правительству. Необходимость смѣны правительства считалась аксиомой политической тактики. Ощущение фронта, глухое недовольство полуразбитой арміи воплотилось въ тылу въ яркую оппозиционность. Носившееся надъ всѣмъ фронтомъ настроеніе «войну нельзя продолжать» — въ интерпретации наиболѣе слышимаго въ тылу политическаго настроенія получало добавленіе — «пока существуетъ теперешнее правительство, основной лозунгъ, звучавшій ярко и ощутимо во всей дѣятельности прогрессивнаго блока. Рѣчи въ Государственной Думѣ и политическіе слухи, тысячами ходившіе по городу, несомнѣнно производили большое впечатлѣніе на армію. Офисерская среда съ полной увѣренностью присоединялась къ оптимистическимъ ожиданіямъ новаго правительства, которое сумеетъ лучше вести войну, сумеетъ возбудить народную энергию. И какъ казалось, что и солдатская масса воспринимаетъ такъ же политическія настроенія. Развѣ солдаты не просили меня дать имъ рѣчь Милокова противъ Штурмера или рѣчь Лавова на Земскомъ съѣздѣ въ Москвѣ?

Въ воздухѣ носилась настолько отчетливыми ожиданіями какихъ-то событій, что однажды, будучи дежурнымъ въ батальонѣ въ одинъ изъ тревожныхъ дней, когда, по всеобщему увѣренію, что-то должно было произойти, я позвалъ Керенскому изъ казармы, чтобы онъ изглаголь въ виду, что я дежурю въ войсковой частѣ, ближайшей къ Таврическому Дворцу.

Какого-нибудь участія въ разговорническихъ кружкахъ того времени я не принималъ. Лишь въ концѣ января късакъ мнѣ пришлось въ очень интимномъ кружкѣ встрѣтиться съ Керенскимъ. Рѣчь шла о возможностяхъ Дворцоваго пере-

ворота. Въ возможностяхъ народнаго выступле-
ния всё относилось опредѣленно отрицательно,
боясь, что, разъ вызванное, народное массовое
движеніе можетъ попасть въ крайне-дѣльныя
русла, и это создастъ чрезвычайныя трудности
въ веденіи войны. Даже вопросъ о переходѣ
къ конституціонному режиму вызывалъ серьез-
ныя опасенія и убѣжденіе, что новой власти
нельзя будетъ обойтись безъ суровыхъ мѣръ для
поддержанія порядка и недопущенія поражен-
ческой пропаганды. Но это не колебало общей
рѣшимости покончить съ безобразіями придвор-
ныхъ круговъ и низвергнуть Николая. Въ ка-
чествѣ кандидатовъ на престолъ назывались раз-
личныя имена, но наибольшее единодушіе вы-
звало имя Михаила Александровича, какъ един-
ственнаго кандидата, обеспечивающаго консти-
туціонность правленія.

Я былъ настолько оторванъ отъ общественной
жизни, что 26 февраля лишь вечеромъ узналъ,
что въ городѣ происходила какая-то демонстра-
ція. М. Н. Петровъ прибѣжалъ ко мнѣ въ
страшномъ волненіи, рассказалъ о событіяхъ, о
стрѣльбѣ на улицахъ, сталъ говорить о не-
обходимости военнаго выступленія противъ пра-
вительства и побудилъ меня къ тому, чтобы я
отправился къ Березину и просилъ его связать
меня съ президентомъ Государственной Думы и
выяснить вопросъ, что могло бы быть если бы
мнѣ удалось собрать офицеровъ и убѣдить ихъ
подписать резолюцію о подчиненіи батальона
Государственной Думѣ. Я хорошо зналъ весь
офицерскій составъ нашего батальона и унтеръ-
офицерскій. И мнѣ казалось, что послѣ тѣхъ
предварительныхъ разговоровъ и наущиваній,
которыя я имѣлъ, и которыя дали хорошій ре-
зультатъ, можно было въ нѣсколько дней под-

готовить подобную демонстрацію Березинъ обѣщаль принести мнѣ отвѣтъ на слѣдующій день около 6 часовъ.

Но я не получилъ его отвѣта. На другой день рано утромъ я собирался, по обыкновенію, въ батальонъ. Вдругъ раздался звонокъ по телефону, и отъ имени Керенскаго мнѣ сообщили, что Дума распущена, Протопоповъ объявленъ диктаторомъ, что въ Волынскомъ полку произошло выступленіе, полкъ перебилъ офицеровъ, вышелъ съ винтовками на улицу и направился къ Преображенскимъ казармамъ (въ этихъ казармахъ былъ расположенъ мой батальонъ). Не тратя ни минуты времени, я схватилъ свое боевое снаряженіе и помчался въ батальонъ. На углу Литейнаго и Кирочной я увидѣлъ толпу людей, сосредоточенно глядѣвшихъ вдоль Кирочной улицы. Я подошелъ — въ хвостъ Кирочной, какъ разъ противъ Преображенскихъ казармъ, клубилась страшная, безпорядочная толпа солдатъ, медленно подвигающаяся къ Литейному проспекту. Надъ ихъ головами видны были два или три темныхъ знамени на треножникахъ.

Я направился къ толпѣ, но меня остановилъ какой-то унтеръ-офицеръ, поспѣшно бѣжавшій отъ толпы.

«Ваше благородіе, не ходите, убьютъ! Командиръ батальона убитъ, поручикъ Уструговъ убитъ, и еще нѣсколько офицеровъ лежатъ у воротъ. Остальные разбѣжались.»

Я смутился и завернулъ въ ниволу прапорщиковъ въ началѣ Кирочной, пытался связаться по телефону съ батальономъ и Государственной Думой, но не получилъ нигдѣ отвѣта. Тѣмъ временемъ толпа надвинулась на училище, ворвалась въ помѣщеніе. Но былъ данъ только одинъ случайный выстрѣлъ въ корридорѣ. Сол-

даты разобрали винтовки и пошли дальше. Я вышел из училища и попробовал убажидать солдат идти къ Таврическому Дворцу. Но мои слова были встрѣчены недоверіемъ. «Не заманивается ли въ западню?».

На увидѣ меня солдаты задержали, отняли оружіе. Цыный солдатъ, припоминая обиды, на несенныя ему кляпъ-то офицеромъ, настаивалъ на томъ, чтобы меня прикончить. Но, въ общемъ, толпа была мирно настроена. Одинъ солдатъ изъ моего батальона заявилъ, что онъ меня знаетъ. «Это нашъ, хорошій», и меня отпустили съ миромъ.

Когда я пришелъ въ батальонъ, въ немъ уже не было ни души, — всѣ разбрелись по городу. Нѣсколько солдатъ въ учебной командѣ мирно пили чай. Я сталъ съ ними разговаривать. Неопредѣленные отвѣты, неопредѣленные вопросы. Было ясно, что солдаты не вѣрятъ мнѣ и знаютъ, что я также не вѣрю имъ.

Уже вечеромъ я отправился въ Таврическій Дворецъ. На дворѣ небольшія, нестройныя кучки солдатъ. У дверей наспрала толпа штатскихъ, учащейся молодежи, общественныхъ дѣятелей, старался войти въ здание. Я быстро получилъ пропускъ и сталъ искать Керенскаго. Его я нашелъ въ просторной залѣ, гдѣ, кромѣ него, былъ только Чхеидзе, съ поднятымъ воротникомъ, оба въ волнении. Чхеидзе все время бѣгалъ изъ угла въ уголъ. Керенскаго вызвали въ сосѣднюю комнату, откуда онъ вышелъ съ сообщеніемъ, что заняты почта и телеграфъ, но что необходимо туда послать подтвержденіе. Я заявилъ, что никакое подтвержденіе нельзя послать, пока солдаты не приведены въ порядокъ. Чхеидзе торопливо подошелъ ко мнѣ и сказалъ, что вѣрно, что прежде всего нуженъ порядокъ.

нужно строить планы или что-то в роде этого. Я спросил кого-то из окружающих, где остальные члены Думы. Мне ответили, что разбѣжались, такъ какъ почувствовали, что дѣло плохо. Впоследствии я убѣдился, что это была ошибка, такъ какъ, напр., Родзянко былъ въ то время въ штабѣ и говорилъ по проводу съ фронтами. И дѣло было не шло, но только око не сосредоточивалось въ Таврическомъ Дворцѣ, который только самъ считалъ себя руководителемъ восстания. На самомъ же дѣлѣ восстание совершалось стихійно, на улицахъ. Окружной Судъ уже догоралъ. На Литейномъ и Невскомъ были баррикады, и, по существу, уже весь городъ былъ внѣ власти прежняго правительства. Но планы разсказа восстания стали ясны на слѣдующій день съ утра. На улицахъ немолчно, повсюду, повидимому безпрерывно и безцѣльно, происходила стрельба изъ пулеметовъ, винтовокъ и револьверовъ. Какалось, винтовки стрѣляли сами собой. Какалось, громадные запасы взрывчатого вещества, накапливаемые противъ противника, приобрили свой тѣло взрываться сами собой въ тылу, рана и убивая того повало. И запасы противочеловѣческой неадаптивности вдругъ раскрылись и тутъ-же потокомъ вылились на улицахъ Петрограда въ формахъ избиения гороховыхъ, дохлѣ подозрительныхъ лицъ, въ возбужденныхъ фигурахъ солдатъ, катающихся бѣшено на автомобиляхъ.

Къ Думѣ трудно было уже протолкаться — солдаты, матросы, рабочие массы шли туда. Несмотря на строгій контроль и пропускъ только съ разрѣшеніемъ, выдаваемымъ изъ коммандантской комнаты, толпа спорадически отталкивала часовыхъ и вливалась во Дворецъ. Всѣ коридоры, комнаты полны спящими, требующими,

нодовольными, усталыми отъ ожиданія отъ неизвѣстности и неопредѣленности.

Все свое время я дѣлилъ между батальономъ и Думой, стараясь, и не совсѣмъ безуспѣшно, навести какой нибудь порядокъ въ своей части. Были трения изъ-за командира батальона — прежній былъ убитъ въ первый моментъ восстанія, когда онъ по главѣ учебной команды, вышелъ на встрѣчу восставшимъ. Новый — старшій въ чинѣ, выбранный офицерами и представителями отъ ротъ, не понравился. Откуда-то вылезли какие-то агитаторы изъ солдатской же среды и стали сѣять смуту, призывая не вѣрить офицерамъ. Пришлось согласиться на другого кандидата — почти безсловеснаго прапорщика, по моему предложению, весь батальонъ — и солдаты и офицеры — вышелъ въ полномъ строевомъ порядкѣ на дворъ. Тамъ я, отъ имени Государственной Думы, представилъ батальону новаго командира, произнесъ примирительную рѣчь и предложилъ съ музыкой въ строю пройти къ Таврическому Дворцу. Картина нашего шествія была настолько внушительная, что произвела впечатлѣние даже въ тѣ дни, когда Дворецъ осаждался со всѣхъ сторонъ солдатами. Чхендзе, безконечно выступавшій съ привѣтствіями частямъ, былъ настолько пораженъ нашей, дѣйствительно внушительной и растущей чуть ли не на версты манифестаціей — всѣ въ безукорыненномъ строю, съ офицерами на мѣстахъ, съ оркестромъ музыки, — что паль на колѣни и, святивъ красное знамя первой роты, сталъ въ восторгѣ цѣловать его, какъ символъ уже побѣдившей революціи.

Но я не обольщался и чувствовалъ, что подлѣ этими наскоро сколоченнымъ порядкомъ нѣтъ еще армии, что разложение идетъ глубже, что

мы живем не уже новым порядком, а только инерцией старого. Но надолго ли хватить этой инерции? Для характеристики моих настроений, несомненно еще сравнительно бодрых — офицеры в батальонѣ говорили мнѣ, что они чувствуют себя спокойными только при мнѣ, и, вѣроятно подъ ихъ влияніемъ, представители роты избрали меня помощникомъ командира батальона — могу привести маленькій разговоръ съ Керенскимъ. Въ одинъ изъ первыхъ дней, когда еще велись переговоры относительно составления правительства, Керенскій, увидя меня около кабинета Родзивики, подошелъ ко мнѣ и заявилъ «Знаете ли, мнѣ предлагаютъ портфель министра юстиціи .. Врать или не врать?» Вопросъ былъ въ той плоскости, что демократическія партіи вообще отказались отъ участія въ Правительствѣ, и Керенскому приходилось идти противъ настроеній своихъ друзей.

— Все равно, отвѣтилъ я, возьмете или нѣтъ — все пропадетъ.

— Какъ все пропадетъ? Вѣдь все идетъ превосходно.

— Армія разлагается .. Но, быть можетъ, вы еще спасете. Конечно, братъ...

И я поцѣловалъ его.

Я сталъ самымъ военнымъ, чтобы воспринимать что-либо помимо соображеній, какъ это отразится на судьбѣ военныхъ операций. И для своего отношенія къ событіямъ въ первый же день я написалъ формулу: «Черезъ десять лѣтъ будетъ хорошо, а теперь — черезъ недѣлю цѣмцы будутъ въ Петроградѣ».

И я склоненъ утверждать, что такіе настроенія были, въ сущности, главнѣйшими. И при томъ не только въ сравнительно правыхъ группахъ. Официально торжествовали, сла-

вословили революцію, кричали «ура» борцамъ за свободу, украшали себя красными бантами и ходили подъ красными знаменами. Дамы устраивали для солдатъ питательные пункты. Все говорили «мы», «наша» революція, «наша» побѣда и «наша» свобода. Но въ душѣ, въ разговорахъ влеченіи — ужасались, содрагались и чувствовали себя плененными враждебной стихіей, идущей какимъ-то невѣдомымъ путемъ. Вуржуазные круги Думы, въ сущности, создавшие атмосферу, вызвавшую варваръ, были совершенно неподготовлены къ «такому» варвару. Никогда не забудется фигура Родзико, этого грузнаго барина и инатной персоны, когда, сохраняя величавое достоинство, но съ застывшими на блѣдномъ лицѣ выраженіемъ глубокаго страданія и отчаянія, онъ проходилъ черезъ толпы распоросанныхъ солдатъ по корридорамъ Таврическаго Дворца. Официально значилось — «солдаты пришли поддержать Думу въ ея борьбѣ съ правительствомъ», а фактически — Дума оказалась упраздненной съ первыхъ же дней. И то же выражение было на лицахъ всѣхъ членовъ Временнаго Комитета Думы и тѣхъ круговъ, которые стояли около нихъ. Голорать, представители прогрессивнаго блока плакали по домамъ въ истерикѣ отъ безсильнаго отчаянія. Даже заглядывая въ столовые, гдѣ бесплатно, съ полнымъ радушіемъ, круглыми сутки кормили солдатъ, я видѣлъ, что гостеприимными хозяйки словно откупались отъ солдатчины, прикармливали ихъ, но чувствовали безнадежность этого, такъ какъ солдаты сосредоточенно сидѣли и жевали, не выпуская изъ рукъ винтовокъ, не разговаривая даже между собой, не дѣлились впечатлѣніями, но какими-то стаднымъ чувствомъ сознавая что-то общее, думали по-своему, по-

иционировало переворотъ, какъ осуществленіе его требованій. Обычно исторію первыхъ дней революціи представляютъ въ видѣ разлада между Совѣтомъ Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ и Временнымъ Комитетомъ Думы. Дѣйствительно, противоположность между обѣими организациями сказывалась съ каждымъ днемъ принципиальнѣе и глубже по существу и ощутительнѣе во видѣ. Въ сущности, только формальная связь личности Керенскаго соединяла оба института, оспаривавшіе другъ у друга руководство революционнымъ движеніемъ. Но Временный Комитетъ Думы имѣлъ слишкомъ законченную и опредѣленную идеологию, стремился къ слишкомъ отчетливой и напоминающей старую организацию власти, чтобы вытѣснить въ себя бурный наплывъ революціонной стихіи, чтобы долго находиться на его гребнѣ. Напрасно онъ оказывалъ революціи громадныя услуги, покрывъ ей сразу весь фронтъ и все офицерство. Онъ самъ немедленно не сматерелъ даже, а просто ватапливался стихіей, забывался. Въдѣ даже въ Таврическомъ Дворцѣ онъ былъ, сравнительно, мало замѣтнымъ.

Образованіе Временнаго Правительства мало повѣдило положеніе дѣла. 3го марта, узнавъ въ Таврическомъ Дворцѣ объ образованіи Правительства, я немедленно отправился въ свой батальонъ сообщить объ этомъ солдатамъ и офицерамъ. Я обходилъ роту за ротой, произносилъ коротенькія рѣчи о необходимости правительства и о личномъ составѣ Временнаго Правительства. Мнѣ припоминается, что слова о необходимости правительства воспринимались довольно сухо. Не особенно дружно приветствовали и отдѣльныхъ министровъ. Ни крупнѣйшій авторитетъ предсѣдателя совѣта министровъ

Г. Львова, ни прежнія заслуги передъ арміею новаго военнаго министра Гучкова, ни сокрушающіе удары, которые нанесъ старой власти Миллюковъ, теперь министръ иностранныхъ дѣлъ, ни заслуги по организаціи Военно-Промышленнаго Комитета Коновалова, ставшаго министромъ торговли и промышленности, ни Некрасовъ, министръ путей сообщения, ни Терещенко, министръ финансовъ, ни Шингаревъ, министръ земледѣлія — не вызывали энтузіазма, хотя я говорилъ о нихъ съ воодушевленіемъ, такъ какъ хорошо зналъ, что значить въ Россіи переходъ власти въ ихъ руки. Но въ аудиторіи чувствовался холодокъ. Лишь когда я называлъ Керенскаго, тогда слушатели вдругъ вспыхивали истиннымъ удовлетвореніемъ. въ немъ они чувствовали «своего» министра. Но Керенскій былъ одинъ. Остальнымъ министрамъ толпа уже не довѣряла. Но и къ Керенскому было личное довѣріе, несмотря на то, что онъ сталъ министромъ, за то, что онъ общепризнанный герой революціи.

Поэтому, несмотря на образованіе Временнаго Правительства, Совѣта Рабочихъ и Солдатскихъ Депутатовъ, намъ, вѣрнѣе, его Исполнительный Комитетъ вскорѣ сталъ, бесспорно, единственнымъ вождемъ революціи. Это было понятно для рабочей среды. Но почему Исполнительный Комитетъ завоевалъ армию? Вѣдь все офицерство было не на его сторонѣ? Но это и было какъ разъ причиной популярности Комитета. Солдатская масса, особенно послѣ приказа № 1, восприняла Комитетъ какъ анти-офицерскую организацію и именно поэтому встала около него. Солдатской же массѣ уже принадлежало руководящее положеніе въ арміи.

Естественно, что весь ужасъ среди раз-

гулявшейся стихией проектировался на Комитет, и комната № 13 Таврического Дворца стала фокусом озлобленного и тревожного недовѣра. Особенно яры эти настроения были около товарища председателя С. Р. и С. Д. — Керенского. Онъ былъ единственный человекъ, который съ витузлазмомъ и съ полнымъ довѣріемъ отдался стихіи народнаго движенія, чувствуя гораздо больше и шире, чѣмъ другіе, и сознавъ съ перваго дня все историческое величіе совершающагося переворота. Единственно онъ со всей вѣрой въ правду говорилъ съ солдатами «мы». И вѣрилъ, что масса хочетъ именно того, что исторически необходимо для момента. Но, понимая, что съ каждымъ днемъ масса уходитъ куда-то въ сторону, что около Временнаго Правительства образуется пустота, что пѣна гребня несется гдѣ-то въ сторону, увлекаемая совершенно непредвидимыми поворотами — онъ часто очень рѣзко отзывался о руководителяхъ Исполнительнаго Комитета.

Я сперва воспринималъ события такъ же какъ Керенскій, и для себя лично считалъ наиболее соответствующимъ вести борьбу съ анархией въ самомъ гнѣздѣ ея. Поэтому я предложилъ офицерамъ нашего батальона послать своего представителя въ Совѣтъ. Офицеры согласились и единогласно выбрали меня. Преодолевая довольно жестокое сопротивление мандатной комиссіи, доказывающей, что представители отъ офицеровъ не допускаются въ Совѣтъ, я все же настоялъ на своемъ правѣ и проникъ въ это грозное собрание. Но Совѣтъ оказался просто толпой солдатъ, довольно дружелюбно настроенныхъ. Я попробовалъ выступить — меня встрѣтили солдаты моего батальона аплодисментами. Попробовалъ говорить о необходимости револю-

циной дисциплины. То же одобрение. Почему в Совете настроенные более мягкие и приятные, чем в батальоне?

И все ясное чувствовалось нечто иное, более глубокое и беззаботное, чем вопрос о распределении влияний левых и правых кругов общественности. Чувствовалось, что масса ушла не только от среднего общественного мнения, от кругов, которые в свою пользу ославляли власть у старого правительства, но что она вообще никак не руководится, что она живет своими законами и ощущениями, которые не укладываются ни в одну идеологию, ни в одну организацию, которая вообще против всякой идеологии и организации, так как это по природе своей анархическая стихия. Видя не только офицеры приближали через пять минут после того, как солдаты вышли на улицу, но даже через пять минут приближали и депутаты прогрессивного блока, и меньшевики, и большевики. Я часто чувствовал раскаяние, почему я не презрел предостережения унтер-офицера и не бросился со всеми ног в толпу, окружавшей мой батальон, я не пошел со в Духа. Беренский часто говаривал своим друзьям, что он сделал ошибку, что не отправился в казармы Волынского полка, как только узнал о беспорядках там. Но ведь это безразлично, все равно это было бы с опозданием на пять минут и не изменило бы того факта, что масса двинулась сама, повинувшись какому-то безотчетному внутреннему побуждению. Кто вызывает солдат на улицу? Ни одна партия, при всем желании присвоить себе эту честь, не могла дать на это ответа. Кто мог предвидеть выступление? — Как раз накануне его было собрание представителей ле-

выхъ партій, и большинству казалось, что движение идетъ на убыль, и что правительство побѣдило. Съ какимъ лозунгомъ вышли солдаты? Они шли, повинувшись какому то тайному голосу, и съ видимымъ равнодушіемъ и холодною дозволили потомъ навѣшивать на себя всевозможные лозунги. Кто велъ ихъ, когда они завоевывали Петроградъ, когда жгли Окружной Судъ? Не политическая мысль, не революционный лозунгъ, не заговоръ и не бунтъ. А стихійное движение, сразу испепелившее всю старую власть безъ остатка и въ городахъ, и въ провинціи, и полицейскую, и военную, и власть самоуправлений. Неизвѣстное и таинственное и иррациональное, коренящееся въ слованномъ видѣ въ народныхъ глубинахъ, вдругъ засверкало штыками, загремѣло выстрѣлами, загудѣло, заролновалось сѣрыми толпами на улицахъ. Къ этому неизвѣстному подошли и попробовали его взять въ руки. И не умѣя формулировать возраженій, не зная, какъ оказать сопротивление, масса стала повторять чужіе лозунги и чужія слова, дала расписать себя по партіямъ и по организациямъ. И, естественно, наименѣе организованное и наименѣе требующее организованности оказалось наиболѣе по душѣ. Совѣтъ, это собраніе полуграмотныхъ солдатъ, оказался руководителемъ потому, что онъ ничего не требовалъ, потому что онъ былъ только фирмой, услужливо прикрывавшей полное безначаліе. Но удержать ли Совѣтъ движение, когда онъ начнетъ требовать? Проченъ ли слой хотя бы совѣтской идеологии въ бушующемъ морѣ народной раскаленной лавы?

Мнѣ кажется, что ясное всего эту тревогу ощущалъ Н. Н. Сухановъ, который, пытаясь и будучи дѣйствительно наиболѣе способнымъ занять мѣсто идеолога революции въ ея первомъ

развития, чувствовать, что движение не укладывается ни въ какія схемы. Онъ былъ увѣренъ, что Временное Правительство не удержится у власти. Но что будетъ дальше? Должно быть, движение излѣво. Но умѣренная демократія, во главѣ съ Керенскимъ, не хочетъ понять всей глубины народнаго бунтарства не усиляетъ того, что если бы на Исполнительный Комитетъ, на который столько нападаютъ, весь фронтъ сторѣлъ бы въ первые же дни революціи такъ какъ только Комитетъ придаетъ кое-какую государственность и организованность массовому движению. Что было бы безъ него? Хаосъ.

Крайніе дѣйствія чувствовали, что масса чуждымъ не менѣе, чѣмъ крайніе правые. И это сознание питало все время опасенія передъ контрреволюціей. Сегодня массы, повинувшись своему въ утреннему иррациональному толку, идутъ за Комитетомъ. Но кто поручится, что завтра онѣ не пойдутъ за кѣмъ-нибудь инымъ, за какимъ-нибудь бравымъ генераломъ, который сумѣетъ имъ спондировать или увлечь инымъ способомъ за собой. Видѣ нѣтъ никакой организаціи, видѣ все пестро не только въ настроеніяхъ толпы. Видѣ даже въ апрѣлѣ мѣсяцѣ были случаи, что въ теченіе цѣлой недѣли рабочіе всего района Обуховскаго завода оказались въ рукахъ какого-то проѣзжаго, никому неизвѣстнаго казака, отказываясь повиноваться не только администраціи не только своему выборному Совѣту, но даже представителямъ Исполнительнаго Комитета, которымъ лишь съ большими трудностями и личною опасностью удалось добиться удаленія таинственнаго проходивца. И это среди рабочихъ, наиболѣе организованныхъ и сознательныхъ. Что же говорить о создателяхъ! И со всѣхъ сторонъ постоянно слышались опасенія, что революція

не дойдетъ до Учредительнаго Собранія Помню таинственную увѣренность, съ которой Березинъ не разъ говорилъ, что Учредительнаго Собранія не будетъ, и я съ трудомъ могу припомнить, съ какой стороны онъ опасался взрыва справа или слева. Весь Исполнительный Комитетъ все время беспокоился, чтобы скорѣе двигались работы по созыву Учредительнаго Собранія. И я, исходя, въ сущности, изъ тѣхъ же ощущеній, но видя опасность съ другой стороны, въ солдатскомъ клубѣ, читая лекцію объ Учредительномъ Собраніи, очень подробно и предостерегающе останавливался на картинкахъ французскаго Конвента, насиюемаго толпой. И большевики — клубъ былъ, какъ оказалось, организованный большевиками — остались очень довольны этой стороной, выясняющей, что солдатская масса должна будетъ признать суверенность народной воли.

Въ конечномъ итогѣ ту же мысль, но въ иной формулировкѣ, высказывалъ П. Е. Щоголевъ, который часто бывалъ въ Таврическомъ Дворцѣ и безстрастнымъ окомъ историка взиравъ на величайшія историческія явленія. Какъ-то разъ я встрѣтилъ его въ Екатерининскомъ залѣ внимающимъ восторгу толпы при очередной демагогической выходкѣ Стеклова.

Что будетъ? Монархія будетъ, вотъ что. Не будетъ никакихъ «революционныхъ порядковъ». Глупости все это! Русскій крестьянинъ не мыслитъ правопорядка, не вѣнчаннаго короной. .

Но III . . , кажется, не задавалъ себѣ тогда вопроса, хочетъ ли крестьянинъ правопорядка вообще, и когда онъ захочетъ его.

Глава вторая

ИСПОЛНИТЕЛЬНЫЙ КОМИТЕТЪ

1 Внешний характеръ.

Въ началѣ марта я вошелъ въ составъ Исполнительнаго Комитета, къ полусарьявскому, полупутливому негодовавию Суханова, который находилъ, что здѣсь не мѣсто «геометрамъ и фортификаторамъ». Въ Комитетѣ я представлялъ наиболѣе правую изъ допускающихся тамъ группъ — группу трудовиковъ. Весь мартъ и апрѣль я былъ однимъ изъ усидчивыхъ и постоянныхъ посетителей засѣданій, распростившись, хотя не безъ колебаній, со своей фортификацией. Фактически я ограничивался ролью только наблюдателя, такъ какъ послѣ трехъ лѣтъ перерыва политическая работа была для меня слишкомъ чужда и необычна.

Въ это время Исполнительный Комитетъ имѣлъ чрезвычайный вѣсъ и значеніе. Формально онъ представлялъ собой только Петроградъ, но фактически это было революционное представительство для всей Россіи, высшій авторитетный органъ, къ которому прислушивались отовсюду съ напряженнымъ вниманіемъ, какъ къ руководителю и вождю возставшаго народа. Но это было полнѣйшимъ заблужденіемъ. Никакого руководительства не было, да и быть не могло.

Прежде всего Комитетъ былъ учрежденъ, созданнымъ насильемъ и уже въ формаль своей деятельности имѣвшимъ множество чрезвычайныхъ недостатковъ.

Засѣданія происходили каждый день съ часу дня, а иногда и раньше, и продолжались до поздней ночи, за исключеніемъ тѣхъ случаевъ, когда происходили засѣданія Совѣта, и Комитетъ, обычно въ полномъ составѣ, отправлялся туда. Порядокъ дня устанавливался обычно «мѣромъ», но очень рѣдки были случаи, чтобы удалось разрѣшить не только все, но хотя бы одинъ изъ поставленныхъ вопросовъ, такъ какъ постоянно во время засѣданій возникали встрѣчные вопросы, которые приходилось разрѣшать не въ очередь. Между прочимъ, вопросъ объ организаціи работъ Комитета ставился на очередь систематически ежедневно, но онъ получилъ свое разрѣшеніе лишь къ концу апрѣля, т. е. во время, когда само влияние Комитета стало замѣтно падать. Вопросы приходилось разрѣшать подъ напоромъ чрезвычайной массы делегатовъ и ходяковъ какъ изъ петроградскаго гарнизона, такъ и съ фронтовъ и изъ глубины Россіи, при чемъ все делегаты добивались во что бы то ни стало быть выслушанными на пленарномъ засѣданіи Комитета, но довольствуясь или отдѣльными членами его или комиссиями. Въ дни засѣданій Совѣта для солдатской секціи дѣла приходили въ катастрофическое разстройство.

Пробовали было провести раздѣленіе труда устройствомъ разныхъ комиссій. Но это мало помогло дѣлу, такъ какъ центръ тяжести по-прежнему лежалъ на пленумѣ хотя бы потому, что комиссіи некогда было засѣдать, въ виду перманентности засѣданій Комитета. Важный

шія рѣшенія принимались часто совершенно случайнымъ большинствомъ голосовъ. Обдумывать было некогда, ибо все дѣлалось второпяхъ, послѣ ряда бессонныхъ ночей, въ суматохѣ. Усталость физическая была всеобщей. Недоспанные ночи. Безконечныя засѣданія. Отсутствие правильной ѣды — питались хлѣбомъ и чаемъ и лишь иногда получали солдатскій обѣдъ въ мискахъ безъ вилокъ и ножей.

Техническіе недочеты, неспособность или невозможность организовать правильную работу увеличивались политической дезорганизованностью, а въ началѣ — и соотношеніемъ личныхъ силъ. Главенствующее положеніе въ Комитетѣ все время занимали социаль демократы различныхъ толковъ. Н. С. Чхендзе — неважнѣйшій, энергичный, находчивый и остроумный председатель, но именно только председатель, а не руководитель Совѣта и Комитета: онъ лишь оформлялъ случайный матеріалъ, но не давалъ содержания. Впрочемъ, онъ былъ недоволенъ и потрясенъ горемъ — смертью сына. Я часто улавливалъ, какъ онъ сидѣлъ на засѣданіи, устремивъ съ застывшими напряженіемъ глаза впередъ, ничего не видя и не слыша. Его товарищъ — М. И. Скобелевъ, всегда оживленный, бодрый, словно притворявшійся серьезнымъ. Но Скобелева рѣдко можно было зайти въ Комитетъ, такъ какъ ему приходилось очень часто разъѣзжать для тушенія слухомъ разгорѣвшейся революціи въ Кронштадтѣ, Свеаборгѣ, Выборгѣ и Ревелѣ.. Н. Н. Сухановъ, старавшійся руководить идейной стороной работы Комитета, но не умѣвшій проводить своихъ стремленій черезъ суетливую и неряшливую технику собраній и засѣданій. Б. О. Богдановъ, полная противоположность Суханову, сравнительно легко-

мысленно относившись къ большимъ принципиальнымъ вопросамъ, но зато бодро барахтавшийся въ грудѣ дѣловой работы и организационныхъ вопросовъ и терпѣливѣ всѣхъ высиживавшій на всѣхъ засѣданіяхъ солдатской секции Совѣта Ю. М. Стекловъ, изумлявшій работоспособностью, умѣниемъ переживать всѣхъ на засѣданіяхъ и, кромѣ того, редактировать советскія «Извѣстія» и упорно гнувший крайне дѣловую, непримиримую, или вѣрнѣе сказать, трусливо революционную линию Б. А. Гвоздевъ, выделявшийся разсудительной практичностью и государственной хозяйственностью своихъ выводовъ и негодовавший, что жизнь идетъ такъ неразсчитанно сумбурно и встревоженно, съ недоумѣніемъ и, наконецъ, съ негодованіемъ смотрѣвшій какъ его товарищи рабочие стали такъ недалекоидно проматывать богатства страны. М. И. Гольдманъ (Либсръ) — яркій, неотразимый аргументаторъ, направлявшій остріе своей рѣчи неизмѣнно налѣво Н. Д. Соколовъ, какъ то странко не попадавшій въ тактъ и тонъ событий и старавшійся не показать виду, что онъ самъ понимаетъ и видитъ это не худо, а, можетъ быть, лучше другихъ Г. М. Эрлихъ, котораго я болѣе всего помню окруженнымъ толпой делегатовъ передъ дверями Комитета. Поэтому къ намъ присоединились Данъ, воплощенная догма менъшевизма, всегда принципиальный и поэтому никогда не сомнѣвавшійся, не колебавшійся, не восторгавшійся и не ужасавшійся вѣдь все идетъ по закону — всегда съ запасомъ безконечнаго количества гладкихъ законченныхъ фразъ, которыя одинаково легко и ровно укладывались и въ устной рѣчи, и въ резолюціяхъ, и въ статьяхъ, и въ которыхъ есть все, что угодно, кромѣ дѣйствія и воли. Все

дѣлаетъ историю для человека жить мѣста. Н. Г. Церетели, полный страстного горѣнія, но всегда ровный, внешне-сдержанный и спокойный, идеологъ, руководитель и организатор Комитета, отдававший напряженной работѣ остаток надорванного здоровья. Но все это были марксисты. Народники не дали для Комитета ничего похожего, даже когда появились ихъ первоклассныя силы — А. Р. Годъ, В. М. Чернозъ, Н. И. Бунаковъ, В. М. Зензиновъ. Они все время предпочитали держаться въ сторонѣ, скорѣе присматриваясь къ Комитету, чѣмъ руководя имъ. Народные социалисты — В. А. Микотилъ и А. В. Пашехоновъ — старательно подчеркивали свою чужеродность въ Комитетѣ. Изъ трудовиковъ только Л. М. Брамсонъ, организатор и руководитель финансовой комиссiи, а впоследствии комиссiи по Учредительному Собранию, оставилъ очень значительный слѣдъ въ дѣловой работѣ Комитета. Усиленно выдвигали меня, какъ офицера съ нѣкоторымъ техническимъ знанiемъ и вмѣстѣ съ тѣмъ давно участвовавшего въ общественной работѣ. И, несомнѣнно, передо мной были большія возможности въ смыслѣ влияния на работы Комитета. Но я былъ ослѣпленъ событiями и, вѣро-воспринимая ихъ, не имѣлъ способности реагировать на нихъ. Въ одинаковомъ со мною положенiи былъ, кажется, и С. Ф. Знаменскiй, тоже офицеръ и представитель трудовиковъ.

Большевики въ Комитетѣ были вначалѣ представлены, главнымъ образомъ, М. Н. Езовскимъ и П. И. Стучкой, одинъ — короткий, полный, другой — длинный, сухой, но оба одинаково желчныя, злые и, какъ какъ казалось, тупые... Противоположностью имъ явился потомъ Камышевъ, отягощенный котораго

ко всё́мъ быва́ такъ мягки, что, казалось, онъ самъ стыдился непримиримости своей позиціи въ Комитетѣ онъ былъ, несомнѣнно, не врагомъ, а только оппозиціей. Больше всѣхъ пронаводилъ впечатлѣніе большевнцъ-рабочій, П. А. Залудскій. Чрезвычайно мягкій, даже милый, но всегда печальный и озабоченный, какъ если бы кто либо изъ близкихъ былъ долго и безнадежно боленъ. и это заглушало всё остальные неспріянія отъ міра и толкало на самыя отчаянныя рѣшенія, лишь бы скорѣе избавиться отъ этого гнета и, наконецъ, важить по-хорошему.

Военные вначалѣ были представлены В. И. Филипповскимъ и нѣсколькими солдатами (Филипповскій просидѣлъ первые три сутокъ революціи въ Таврическомъ Дворцѣ, ни на минуту не смыкая глазъ, и съ тѣхъ поръ сталъ неимѣнной принадлежностью Комитета и всеровской фракціи). Солдаты были выбраны на одномъ изъ первыхъ солдатскихъ собраній, при чемъ естественно попали наиболѣе истерическія, кривлявыя и неуравновѣшенныя натуры которыя въ результатѣ ничего не давали Комитету, не пользовались никакимъ влияніемъ въ гарнизонѣ и даже въ своихъ собственныхъ частяхъ. Потомъ, послѣ дополнительныхъ выборовъ, въ Комитетъ вошелъ рядъ новыхъ представителей, съ Завадѣй и Бинасикомъ во главѣ. Послѣдніе добросовѣстно, насколько въ силахъ, старались справиться съ моремъ военныхъ дѣлъ. Но оба, бывшіе, кажется, мирными писарями въ запасныхъ батальонахъ, никогда не интересовавшимися ни войной, ни арміей, ни политическимъ перепоротомъ, были только наиболѣе яркимъ доказательствомъ, насколько условно можно воспринимать утвержденія, что Исполнительный Комитетъ руководилъ революціей.

Поражающей чертой въ личномъ составѣ Комитета является значительное количество инородческаго элемента. Евреи, грузины, латыши, поляки, литовцы были представлены совершенно несоразмѣрно ихъ численности и въ Петроградѣ и въ странѣ. Было ли это нездоровой пѣной русской общественности, поднятой гребнемъ народнаго движенія затѣмъ, чтобы разъ навсегда быть выброшенной изъ нѣдръ русской жизни? Или это слѣдствіе грѣховъ стараго режима, который насильственно отбрасывалъ въ дѣсныя партіи инородческие элементы? Или это просто результатъ свободнаго соперничанія — вѣдь Винавскій и Заварзинъ были выбраны всѣмъ гарнизономъ, гдѣ всякій могъ свободно осматривать ихъ мѣсто... Вѣдь латышскіе батальоны, впоследствии ставшіе опорой совѣтскаго режима, были до революціи одними изъ наиболѣе доблестныхъ и стойкихъ частей русской арміи вообще. Какъ ни какъ, эти инородцы для того времени выражали и настроенія русскихъ солдатскихъ и рабочихъ массъ, которыя не нашли представителей, болѣе точно выражающихъ ихъ правду. И, во всякомъ случаѣ, остается открытымъ вопросъ, кто болѣе виноватъ — тѣ инородцы, которые тамъ были, или тѣ русскіе, которыхъ тамъ не было, хотя могли быть. Но фактъ этотъ самъ по себѣ имѣлъ громадное влияние на складъ общественныхъ настроеній и симпатій. Многие до сихъ поръ опираются на этотъ фактъ въ убѣжденіи, что русская революція чужеродная, навозная, лишь временное увлеченіе народа инородцами-демагогами. И вѣстникъ, дотая во время перваго посѣщенія Комитета Корниловымъ онъ совершенно случайно сдѣлалъ такъ, что со всѣхъ сторонъ оказался окруженнымъ евреями, а противъ него сидѣли двое изъ

только не влиятельныхъ, но вообще даже незамѣтныхъ членовъ Комитета, которыхъ я помню только потому, что у нихъ были карикатурно выраженные еврейскія черты лица. Кто знаетъ, какое влияние имѣло это на отношеніе Корнилова къ русской революціи, а значитъ, и на самыя судьбы ея! .

Въ общемъ исторію Комитета въ организационномъ и личномъ отношеніи слѣдуетъ раздѣлить на два періода до и послѣ пріѣзда Церетелли. Первый періодъ былъ періодомъ, полнымъ случайности, колебаній и неопредѣленности, когда всякій, кто хотѣлъ, пользовался именемъ и организацией Комитета, и болѣе всего это удавалось Стеклову, наиболѣе талантливому, усидчивому и солидному члену Комитета. Это періодъ сумбура, когда были возможны случаи что засѣданія Комитета, правда, по маловажнымъ вопросамъ — происходили въ составѣ однихъ интернационалистовъ и большевиковъ, подъ предѣлательствомъ Стеклова. И дѣйствительно въ правые чувствовали Комитетъ одинаково своимъ или одинаково чужимъ учрежденіемъ, по возможности пользуясь имъ, но не сознавая обязанности нести отвѣтственность за него.

Въ результатъ получались «забавные» случаи. Нпр., однажды какимъ-то способомъ, чуть ли не благодаря вниманію барышни регистраторши, было задержано письмо на бланкѣ Комитета съ печатью къ крестьянамъ какого-то села, которымъ давалось полномочіе «социализировать» сосѣднее помѣщичье имѣніе. Несмотря на весь радикализмъ въ социальныхъ вопросахъ, весь Комитетъ былъ до глубины души возмущенъ этимъ случаемъ. Произвели специальное разслѣдованіе, и оказалось, что такое письмо выдавалъ членъ аграрной комиссіи, всерьѣ Александръ

дровский, считавший себя въ правѣ проводить свои тенденции и взгляды отъ имени Комитета. Но зачѣмъ брать такую мелкую примѣру? Сами совѣтскіе «Извѣстія», въ сущности, были ничѣмъ инымъ, какъ такимъ письмомъ Александровскаго. Въ общемъ тонѣ статей, въ подборѣ хроникъ, въ томъ, что помѣщалось и что не помѣщалось, въ опечаткахъ, наконецъ, — вездѣ чувствовалась рука редактора и его помощниковъ, проводившихъ свои взгляды, но отнюдь не взгляды Комитета. И громаднымъ большинствомъ Комитета «Извѣстія» воспринимались, какъ нѣчто чужое, какъ безобразіе. Но некому было объ этомъ подумать, и некому было присмотрѣть какой нибудь выходы изъ положенія. Но когда я составилъ формальное заявленіе съ протестомъ противъ всего направления «Извѣстій», то подъ нимъ подписались сразу всѣ лидеры Комитета до Суханова включительно, и Стекловъ былъ безъ сожалѣнія смѣщенъ. Такое положеніе дѣлъ приводило къ тому, что, хотя официально Комитетъ поддерживалъ Правительство, и большинство постоянно настаивало на невыблещности этой позиціи, — тѣмъ не менѣе Комитетъ самъ распатывалъ авторитетъ Правительства своими случайными шарами, необдуманными шагами. Для предотвращения недоразумѣній была образована особая делегация Комитета, которая раза два въ недѣлю ходила въ Маринскій Дворецъ бесѣдовать съ Правительствомъ... Но что могла сдѣлать эта делегация, если въ то время, какъ она бесѣдовала и приходила къ полному единодушію съ министрами, десятки Александровскихъ рассылки письма, печатали статьи въ «Извѣстіяхъ», разѣвкали отъ имени Комитета делегатами по провинціи и въ арміи, принимали доносы въ Таврическомъ Дворцѣ,

каждый выступая по-своему, не считаясь ни с какими разговорами, инструкциями или постановлениями и решениями. В конечном счете, от Комитета всегда всего можно было добиться, если только упорно настаивать. И в этом смысле Комитет руководился и определялся не теми, кто в нем сидел и решал вопросы, а теми, кто к нему обращался.

Резко изменился характер Комитета с появлением Церетели. Вошел он туда в качестве члена 2-ой Думы только с совещательным голосом. В первый день он скромно отказался высказать свое мнение, так как еще не присмотрелся к обстановке. На следующий день он произнес пространную речь, словно надувая лопу, при чем не угождая ни левым, так как явно тянул в сторону компромисса и соглашения с Правительством, ни правым, так как речь его во многих отношениях дышала еще нетронутым «сибирским» интернационализмом. На третий день Церетели явился уверенным в себе вождем Комитета и Совета, и, в принципе сохраняя интернационалистическую тенденцию, на практике резко проводил оборонческую линию поведения и линию органического сотрудничества и поддержки Правительства. С большой грудью, часто теряя от напряжения голос, с болезненно-воспаленным лицом и глазами — он спокойно, уверенно и смело вел Комитет, который сразу из собрания случайных людей превратился в учреждение, в орган. Но поразительно, как раз в момент, когда Комитет организовался, когда в нем выделились и начали функционировать отделы, когда ответственность за работы взяло на себя бюро, избранное только из оборонческих партий — словом, когда Коми-

теть научился управлять собой — какъ разъ въ это время онъ выпустилъ изъ рукъ руководство массой, которая ушла въ сторону отъ него.

При оцѣнкѣ работъ Комитета надо, конечно, имѣть въ виду и общее положеніе всѣхъ членовъ его, столкнувшихся впервые съ цѣлой массой существеннѣйшихъ и сложнѣйшихъ вопросовъ. Однажды, когда командиръ одного изъ корпусовъ пятой армии сталъ мнѣ жаловаться на тяжелое положеніе команднаго состава при новыхъ порядкахъ, я отвѣтилъ ему

— Это трагедія не только команднаго состава, но всей интеллигенціи. Положеніе командира корпуса, вынужденнаго командовать солдатами при налицомъ комитетовъ, не тяжелѣе положенія Церетели, вернувшагося изъ даторги и ставшаго министромъ.

Всѣ были словно люди, долго находившіеся въ темнотѣ и вышедшие на свѣтъ и теперь безпомощно натаптывающиеся другъ на друга и на окружающую обстановку. Новые вопросы, нахлынувшие въ такомъ необычн. и въ такомъ н. когда еще не бываломъ видѣ, и громадное большинство, всѣ, кто не придерживался слѣпо какой-нибудь догмы или канона, а хотѣлъ дѣйствовать сообразно обстоятельствамъ, было обито съ толку и часто по нѣсколькx разъ вынуждено было мѣнять мнѣніе по одному и тому же вопросу, даже не будучи въ состояніи уяснить степени и существо своего противорѣч. Въ дѣйствовать приходилось въ условіяхъ тащайней войны, при общей разрухѣ, на фонѣ со всѣхъ сторонъ подступающей, кричащей, угрожающей массы, которая сегодня истрѣбляетъ онацями Родзико, завтра — Целеканова, послѣзавтра —

Ленина, для того, чтобы въ конечномъ счетѣ отдать себя въ распоряженіе никому неизвѣстнаго проходима-казака. Что дѣлать съ арестованнымъ царемъ, что дѣлать съ заключенными министрами, можно ли позволить правой печати выходить въ свѣтъ, нужно ли отмѣнить смертную казнь, какъ поступить съ національными требованиями, какъ организовать выборы въ Учредительное Собраніе, какъ заставить слѣдать повиноваться командному составу, какъ разрѣшить аграрный вопросъ? Какъ организовать Правительство? А главное и основное дакъ быть съ пойной? Вѣдь и теперь, быть можетъ, нѣтъ двухъ людей одного и того же класса и одной и той же партіи, которые отиѣнили бы одинаково на всѣ эти вопросы. Тогда же ихъ приходилось рѣшать въ обстановкѣ, которую я пытался изобразить, и рѣшать людямъ, которые ни разу не имѣли возможности прикоснуться къ административному аппарату Россіи. Вѣдь многие изъ членовъ Комитета лишь послѣ революціи впервые увидѣли генерала не въ качествѣ объекта террористическаго покушенія и не какъ субъекта административныхъ репрессій. Теперь же приходилось столкнуться съ этими же генералами относительно того, какъ быть съ арміей, какъ быть съ фронтомъ и какъ быть съ войной.

2 Ни власти, ни войны.

Два вопроса стали передъ русскимъ обществомъ съ перваго момента революціи: вопросъ о власти и о войнѣ.

Власть была сметена во всей странѣ безъ остатка — отъ верху до низу, какъ въ столицахъ, такъ и въ другихъ городахъ, какъ въ городахъ, такъ и въ деревняхъ. — Между тѣмъ,

на фронте стояли миллионы солдат под
ружьями, продолжающие войну, конца которой
еще не было и видно

Вопросы надо было решить. Но к этому
не была подготовлена не только масса, но и
те общественные круги, которые стали во главѣ
ее. Прежде всего сказалось принципиально-
враждебное къ власти, всегда оппозиционное от-
ношение этого крыла интеллигенции. Исполни-
тельный Комитетъ на заседанияхъ, когда обра-
зовывалось Правительство, заявилъ, что не при-
метъ участия въ немъ. Все время убѣждая дру-
гихъ и себя, что фактическая сила и руковод-
ство революціи находится въ рукахъ Совѣта,
Комитетъ отказался оформить это своимъ уча-
стиемъ въ Правительствѣ.

Причинъ этому воздержанию приводилось
много: неуверенность въ побѣдѣ революціи, не-
организованность демократіи, принципиальныя
соображенія о невозможности для социалистиче-
скихъ партій участвовать въ буржуазномъ Пра-
вительствѣ .. Выставлялись даже такіе коми-
ческие доводы, какъ желаніе дать либерализму
возможность обанкротиться передъ лицомъ ши-
рокихъ народныхъ массъ... Но действительныя
причины отказа отъ власти были дѣи. Прежде
всего — инстинктивное завязаніе отрицательнаго
отношенія къ власти, которая всегда казалась
окутомъ, пачкающимъ, уничтожающимъ принци-
пиальную чистоту, поэтому хотѣлось, сохраняя
въ рукахъ фактическую силу, остаться въ по-
ложении оппозиціи, по возможности даже без-
отвѣтственной. Главнымъ же факторомъ от-
каза отъ участія во власти была война. Принять
власть въ то время, какъ свыше 10 миллионовъ
людей было подъ ружьями, демократія не могла,
такъ какъ не знала, какъ относиться къ арміи

и къ войнѣ. Словомъ — соображеній было болѣе, чѣмъ достаточно... И такъ какъ круги, создававшіе въ то время Правительство, совсѣмъ не настаивали на участіи социалистовъ въ Правительствѣ, выдвинувъ только кандидатуру Чхеидзе или Скобелева въ министры труда, то сразу создано было то раздвоеніе власти, которое характеризуетъ весь начальный періодъ русской революціи. Одни Керенскій понималъ нецѣлительность этого и вошелъ въ составъ Правительства. Онъ, кажется, переоцѣнилъ свои силы, надѣясь одинъ составить въ Правительствѣ противовѣсъ всей разношерстной толпѣ политическихъ дѣятелей дѣловой формации. И въ моментъ, когда лишь напряженіе всѣхъ силъ могло создать авторитетъ и власть, началась взаимная борьба двухъ кризисовъ русской общественности.

Отказываясь отъ участія въ Правительствѣ, Исполнительный Комитетъ отнюдь не отказывался отъ власти. Во всякомъ случаѣ, онъ дѣйствовалъ такъ, чтобы Правительство власти не могло имѣть. Это не было планомерной системой. Это было простымъ и естественнымъ слѣдствіемъ тѣхъ общественныхъ вистляктовъ недоуверія къ власти, привычекъ къ безотвѣтственной оппозиционности, которыми характеризовали русскую общественность. И сказывалось это на дѣломъ радѣ случайныхъ, но непрерывныхъ явленій.

Уже тѣ восемь пунктовъ требованій, которыми Исполнительный Комитетъ обусловилъ свою поддержку Правительства, по существу, означали ничто иное, какъ обезсиженіе власти гражданскихъ свободы и равноправіе, замѣна политики милліедей, подчиненной органамъ мѣстнаго самоуправленія, мерзопоруженіе и невыводъ не

троградскаго гарнизона и, наконецъ, свободы въ арміи — все это вело къ одной и той же цѣли — обезсиленію правительственной власти — Но, я припавъ эти требованія, Правительство не обещало себѣ дѣйствительной поддержки Комитета, такъ какъ эта поддержка сводилась лишь къ тому, что Комитетъ не свергалъ Правительство. Но и это не выполнялось, потому что на каждомъ шагѣ, въ каждомъ словѣ, самъ не чувствуя, не понимая и во всякомъ случаѣ не желая того, Комитетъ наносилъ смертельные удары авторитету Правительства, дѣйствуя помимо его и противъ него. Власть не создавалась но разрушалась. Не нарочно но постоянно. Вотъ, напр., въ первый день моего участія въ работахъ Комитета я попалъ на докладъ Мстиславскаго и Тарасова Родіонова о провѣркѣ условій содержанія б. царя Николая. Дѣло было такъ. Исполнительный Комитетъ имѣлъ сомнѣнія относительно надежности охраны Николая, которая усилчилась послѣ того, какъ стало извѣстно о намѣреніи Правительства отправить б. царя въ Англію. Казалось, можно было найти простое рѣшеніе: отправиться въ Правительство и тамъ выяснить всѣ эти вопросы, быть можетъ, даже настоять на томъ, чтобы тѣ же Мстиславскій и Тарасовъ-Родіоновъ были допущены во дворецъ въ Царскомъ для выясненія условій содержанія царской семьи. Въмѣсто этого, къ Таврическому Дворцу были выданы нѣсколько полковъ, была наряжена специальная экспедиція вѣрныхъ войскъ, были арестованы комендантъ Царскаго Села и, въ условіяхъ новаго переворота, Мстиславскій выполнилъ задачу лично увидѣть б. царя. Онъ вернулся, доложилъ Комитету, и войска, напутствуемая соотвѣтствующей времени и мѣсту рѣчью Сте-

клова, были распушены по казармамъ. И всѣмъ въ Комитетѣ казалось это проявленіемъ революціонной энергіи и нисколько не противорѣчащимъ формулѣ поддержки Правительства.

И такихъ случаевъ было чрезвычайно много. Когда Стекловъ въ своемъ докладѣ на Съѣздѣ Советовъ изобразилъ отношеніе Комитета къ Правительству — всѣ ужаснулись картинѣ и свалили вину на докладчика. Но никто не рѣшился выступить вторымъ докладчикомъ ибо по существу нечего было возразить, ибо сами ужасающіеся черезъ полчаса выработали проектъ резолюціи объ отношеніи къ правительству, принятый Съѣздомъ, гдѣ, послѣ уклончивыхъ обѣщаній поддержки Правительству «постольку — поскольку» оно будетъ выполнять всѣ требованія демократіи, прямо говорилось, что демократія должна быть готовой «дать рѣшительный отпоръ всякой попыткѣ Правительства уйти изъ-подъ контроля демократіи или уклониться отъ выполнения принятыхъ имъ на себя обязанностей». . . — тогда, еще понятный, если бы министромъ юстиціи оставался кто нибудь въ родѣ Щегловитаго, но совершенно политически неоправданный, когда относился къ Керенскому и Львову...

Но мнѣ всегда казалось, что многіе изъ этихъ случайныхъ недоразумѣній могли быть избѣгнуты и предупреждены, если бы само Правительство захотѣло отнестись нѣсколько болѣе, не скажу терпимо, но хотя бы дѣловито къ факту существованія Исполнительнаго Комитета. Даже Керенскій слишкомъ мало пользовался своимъ гражданскимъ авторитетомъ, появляясь въ Таврическомъ Дворцѣ крайне рѣдко, да и то лишь по приглашенію, хотя каждое его посѣщеніе вносило въ дѣятельность Комитета

струю серьезной сдержанности. Я увѣренъ, что одно — два посѣщениа Комитета Миллюковымъ могло бы оказаться весьма поучительнымъ и для Миллюкова и для Комитета и могло бы имѣть чрезвычайныя послѣдствія въ развитіи русской революціи. Но онъ ни разу не сдѣлалъ этого, и можно ли было удивляться послѣ этого, что тонкая, кружевная ткань дипломатической работы, сшивавшая Россію со всѣмъ міромъ, обрывалась въ канцеляріяхъ у Пѣвческаго моста. Со стороны Правительства все время проявлялся тонъ обиды и оскорбленности, что, со своей стороны, вызывало настороженность Комитета.

А главное — Комитетъ былъ представленъ самъ себѣ и событіямъ въ развитіи своихъ взглядовъ на войну.

Я уже упоминалъ, что партіи, представленныя въ Комитетѣ, не могли войти въ Правительство уже потому, что не имѣли своей точки зрѣнія по главному вопросу русской жизни — по вопросу о войнѣ.

Несомнѣнно, переворотъ былъ вызванъ народнымъ ощущеніемъ тяжести войны. Но также было несомнѣнно, что дѣятели революціи не были подготовлены къ тому, чтобы разрѣшить вопросъ о войнѣ при свѣтѣ давно ожидаемаго и такъ неожиданно разразившагося переворота. Противорѣчливость позицій и просто неясность были такъ велики, что, при организаціи Правительства, при формулировкѣ знаменитыхъ восьми пунктовъ, на основѣ которыхъ Исполнительный Комитетъ обѣщалъ свою поддержку Правительству — вопросъ о войнѣ вовсе не былъ затронутъ. Было живое безнадежное дѣло отчаяивать какія-либо формулы, которыя могли

бы въ тотъ моментъ объединить не только Комитетъ съ Правительствомъ, но, быть можетъ, даже членовъ Комитета между собой и членовъ Правительства между собой. И международная политика Правительства стала направляться П. Н. Милюковымъ, еще недавно писавшимъ о томъ, что вся Восточная Пруссія должна быть превращена въ новую Остзейскую губернію.. А въ Комитетѣ Сухановъ уже писалъ Манифестъ ко всемъ народамъ міра.

Такое противорѣчіе, конечно, не могло долго оставаться. И Правительство и Комитетъ должны были научиться сочетать дипломатію съ настроеніями народа, эволюционируя другъ другу навстрѣчу отъ непримиримаго шовинизма Милюкова и отъ безогляднаго интернационализма Суханова.

Въ сущности, для Комитета и позиция Суханова, въ правильномъ ея пониманіи, была уже значительнымъ шагомъ впередъ. Вначалѣ въ Комитетѣ военный вопросъ былъ просто напросто открытымъ, и позиция его опредѣлялась чисто случайными моментами. Хотя въ Комитетѣ конкурировали на совершенно равныхъ правахъ двѣ противорѣчивыя идеологіи — оборончества «до полной побѣды» и немедленнаго мира «по телеграфу», — но лѣвой сторонѣ удалось вытѣснить связать имя Комитета со своей позиціей. Въ Приложеніи къ первому номеру «Извѣстій Совѣта Рабочихъ Депутатовъ» данъ былъ большевистскій манифестъ, гдѣ давалась уже въ достаточной степени выразительная формула, опредѣляющая способъ окончанія войны.

«Немедленная и неотложная задача Временнаго Революціоннаго Правительства — войти въ союзъ съ пролетариатомъ воюющихъ странъ для революціонной борьбы народовъ всѣхъ странъ противъ своихъ угнетателей и

поработителей, против царских правительств и капиталистических кланов и для немедленного прекращения кровавой империалистской войны, которая нависла над порабощенными народами»

Хотя большинство Комитета возражало потому против помещения этого манифеста на первом месте, тем не менее впечатление свидан Комитета с крайними анти военными лозунгами осталось надолго. Комитет мог отнестись отрицательно к большевистской позиции, но не мог выдвинуть своей собственной. Мне случайно пришлось быть в Комитет, когда в нем впервые был поставлен вопрос о войне. Министр Гучков просил Комитет дать какое-либо успокоительное заявление фронту, чтобы развеять впечатление, что революция склонна немедленно разрушить армию. В этом чрезвычайном и формальном заявлении говорилось, что в расчете на то, что офицеры услышат призыв обращаться с уважением к солдатам, Комитет приглашает солдат «в строю и при несении военной службы строго выполнять воинские обязанности». Вистет с тем сообщалось, что приказы номеров 1-ой и 2-ой относятся только к войскам Петроградского округа, как и сказано в заголовке этих приказов. Комитет согласился дать подобный ход заявлениям. Но Чхендзе, не возражая против решения Комитета, отказался подписать обращение!

— Мы все время говорили против войны, как же я могу теперь призывать солдат к продолжению войны, к стойкости на фронте.

Подписал обращение Скобелев.

Когда говорят о роли Комитета в армии, прежде всего указывают обычно на Приказ № 1-ой. Действительно, на фронте, куда он

попалъ, и гдѣ до его прихода все было спокойно и по-старому, онъ сыгралъ чрезвычайно плачевную роль. Но онъ былъ предназначенъ для Петрограда, гдѣ все уже было перевернуто вверхъ ногами, и гдѣ, казалось, любая цѣна сходна, лишь бы начать приводить солдатчину въ порядокъ. Поэтому — такъ мнѣ объясняли — считали во что бы то ни стало необходимымъ начать разговаривать съ солдатами въ формѣ приказовъ, напомнить о ихъ обязанности повиноваться. Дорожа формой въ суматохѣ не обратили достаточнаго вниманія на содержаніе, въ которое нестройная толпа солдатскаго Совѣта внесла свои пожеланія. Если къ этому добавить, что члены Комитета не имѣли ни малѣйшаго представленія о внутреннемъ распорядкѣ въ арміи и о духѣ ея, и то обстоятельство, что, какъ только военные разъяснили Комитету все значеніе Приказа № 1-го, этотъ Приказъ немедленно былъ аннулированъ Приказомъ № 2-ой, аннулировать по крайней мѣрѣ для фронта — то вина Комитета становится значительно смягченной. Право, этотъ приказъ лучше, чѣмъ приказъ думскаго Комитета, запрещающій офицерамъ отнимать оружіе отъ солдатъ и грозившій за это расстрѣломъ... Но все же, несомнѣнно, что въ изданіе приказа № 1 значительную роль играло то обстоятельство, что война, какъ реальная работа, была чужда членамъ Комитета, видѣвшимъ все лишь сквозь призму вопроса борьбы со старымъ правительствомъ и опасавшимся неизвестнаго и таинственнаго фронта. Сумбуръ же въ работахъ Комитета и направление «Низверженія» объясняютъ въ достаточной степени, почему резонансъ въ арміи получалъ лишь первый приказъ, о второмъ же мало кто даже знаетъ.

Не малую роль во всемъ этомъ сыгралъ

Стекловъ. Не говоря уже о томъ, что ему приписывалось авторство Приказа № 1, онъ при своей усидчивости очень часто оставался до самаго конца засѣданій Комитета, принимая делегатовъ съ фронта и давая имъ разъясненія. Поиному, однажды пришла делегация съ румынскаго фронта съ жалобой на какихъ-то обиды штаба.

— Да это же прямая контръ-революція! — сталъ ужасаться Стекловъ — Да ихъ всѣхъ надо немедленно арестовать.

Я заявилъ, что Стекловъ не въ правѣ давать такихъ разъясненій делегатамъ, вносилъ развалъ на фронтъ. Стекловъ обидѣлся и поставилъ вопросъ о довѣриі къ нему на голосованіе. Большинство — случайное — оказалось на его сторонѣ.

Онъ же постоянно выступалъ на солдатскихъ митингахъ, въ первые дни непрерывно происходившихъ въ Екатерининскомъ залѣ. Онъ же давалъ тонъ «Извѣстіямъ». И формально противъ него нельзя было выставить возраженій, такъ какъ Комитетъ вообще никакой позиціи по военному вопросу не имѣлъ.

Однако, военный вопросъ не могъ долго оставаться пустымъ мѣстомъ, пробѣломъ, доской, на которой всякій встрѣчный поперечный распиывалъ свои узоры. Особенно упорно и настойчиво указывалъ на это Сухановъ, уже тогда понимавшій всю глубину органической связи революціи съ войной и понимавшій, что отъ разрѣшенія этого вопроса зависитъ дальнѣйшая судьба революціи. Имъ же была предложена форма выявленія лица Комитета по этому вопросу — торжественное обращеніе русской революционной демократіи къ народамъ мира. Имъ же былъ составленъ и текстъ Манифеста, кото-

рый послѣ долгихъ прений былъ съ поправками принятъ въ Исполнительномъ Комитетѣ, а 14 марта единогласно принятъ Совѣтомъ Окончательный текстъ Манифеста таковъ.

«Къ народамъ всего мира

Товарищи пролетарии и трудящиеся всѣхъ странъ.

Мы русские рабочие и солдаты, обремененные въ Петроградскомъ Совѣтѣ Рабочихъ и солдатскихъ Депутатовъ шлемъ вамъ нашу палачийскіе приказы и возмущаемъ о великомъ событіи. Российская демократія повергла въ прахъ всѣхъ деспотовъ царя и вступаетъ въ нашу семью полновластными силами и грозной силой въ борьбѣ за наше общее освобожденіе. Наша побѣда есть великая побѣда всемирной свободы и демократіи. Наша борьба главная устрѣмлена мировой реакціи и империализма Европы. Да будетъ твердымъ гранитомъ земли нашъ союзъ. Да здравствуетъ союзъ. Да здравствуетъ международная солидарность пролетариата въ его борьбѣ за окончательную побѣду.

Наше дѣло не завершено еще не разбилось тѣмъ старому порядку и не разошлись соблазны силы противъ русской революціи. Но все же отряхнемъ наши заплечины. Народы России выдвинуть свои волю въ Учредительномъ Собраніи которое будетъ собрано въ ближайшія сроки на основаніи всеобщаго равнаго прямого и тайнаго голосованія. Мы уже сейчасъ можемъ съ увѣренностью предсказать, что въ Россіи возстановится демократическая республика. Русский народъ обзавестись долженъ политической свободой. Онъ можетъ нынѣ сказать свое настоящее слово во внутреннемъ самоопредѣленіи страны и во внешней ея политикѣ. Мы обращаемъ ко всѣмъ народамъ, истощеннымъ и разореннымъ въ чудовищной войнѣ мы заявляемъ, что наступила пора начать рѣшительную борьбу съ захватными стремленіями правительства всѣхъ странъ; наступила пора народамъ взять въ свои руки рѣшеніе вопроса о мирѣ и мирѣ.

Въ сознаніи своей революціонной силы российская демократія понимаетъ, что она будетъ всѣми штырями противостоять империалистической политикѣ всѣхъ господствующихъ классовъ, и она призываеъ народы Европы къ солидарнымъ рѣшительнымъ выступленіямъ въ пользу мира.

И мы обращаемъ къ нашимъ братьямъ-пролетаріамъ австро-германской коалиціи и прежде всего къ герман-

своему пролетариату. С первых дней войны весь убеждался в том, что вот такая ордуна против самодержавной России мы защищаем культуру Европы против азиатского деспотизма. Многие из нас видели в этом оправдание той поддержки, которую им оказали войны. Нынче не стало и этого оправдания: демократическая Россия не может быть угрозой свободе и цивилизации.

Мы будем стойко защищать нашу собственную свободу от всяких реакционных посятлений — как бы ни была та же и наша. Русская революция не отступит перед пытками завоевателей и не позволит раздавить себя кинжалом военной силы. Но мы признаем, что сбросить с себя это занесенное жолтсамодержавного порядка злодоемство так, как русский народ страдал с себя царское самодержавие — отчаяться слышать ордене захват и несли в руках хороших помещиков и банкиров — и грубых, обидчивых пинки мы крепко страшно болю покорению человечество и опрашающим только для рождения русской свободы.

Трудящиеся войны страны! Братские противники войны через — сры братские трупы, через рвы ягнковой крови и слез, через дымящего разбитые города и деревни, через погибшие сокровища культуры — мы призываем вас к восстанию и укреплению между народов единства. В этот самый час грядущих войн и волею освобождения человечества.

Вообще, было бы чрезвычайной ошибкой оценивать этот исторический документ, который несомненно, будет виден на расстоянии тысячелетий, как произведение, вдохновленное интеллигентской интернационалистической откровенностью от г. Лейбни. Правда, Стаханов составил его, г. Лейбни — революция Циммервальда и Кенталя. Но название объединило чрезвычайно широкие круги по очень различным мотивам. Прежде всего, сама интернационализация была не чуждым чуждым, но выражением подлинных настроений широких кругов интеллигенции, была производной реальными общественными отношениями, быть может, ненормальными, но существующими.

щихъ и опредѣляющихъ настроеніи не только отдѣльныхъ людей, но цѣлыхъ организацій и политическихъ теченій. И слова, къ которымъ приводилъ интернационализмъ, въ то время гудимымъ эхомъ отдавались въ народной массѣ. Потому что безспорно, въ психикѣ народа войны не было, и война была нежданымъ, чудовищнымъ насилиемъ надъ его душой. Быть можетъ, только одинъ солдатъ изъ сотни тысячъ могъ формулировать причины войны. Одинъ изъ десятки тысячъ питалъ чувства враждебности къ противнику. Остальные шли потому что вѣрили или должны были вѣрить въ своихъ вождей — физическихъ и духовныхъ. Не было ни ненависти, ни пониманія причинъ, ни представленія о цѣли, ни сознанія обиды, ни ощущенія опасности. Вся революція была возстаніемъ народного духа противъ чудовищнаго насилия, которое превращало миллионы людей въ орудіе быть можетъ, вѣрныхъ и правильныхъ, но имъ-то, этимъ миллионамъ, идущимъ убитъ и умирать, непонятныхъ политическихъ расчетовъ. Демократизмъ требуетъ уваженія не только къ волѣ, но и къ душѣ большинства. И съ этой точки зрѣнія единственное слово, которое должно было прозвучать, было слово «Миръ».

Эти настроенія послѣ революціи могли, конечно, только усиливаться. Если въ настроеніяхъ интеллигенціи преобладали мрачные тона, то въ настроеніяхъ солдатъ и рабочихъ революція явилась несомнѣнной радостью, весельемъ, праздникомъ, когда хочется безъ удержа, допьяна радоваться. А тутъ — тяготы войны. Въ экономической области это сказывалось въ противорѣчьи требованій войны и требованій рабочего класса. Во всей странѣ сразу былъ введенъ, даже по инициативѣ самихъ промышленниковъ,

8-ми часовой рабочий день. Была увеличена заработная плата. А на фронте — все та же 24-х часовая страда, подслащенная пятирублевыми месячными пайком. Отказаться от 8-ми часового рабочего дня? Отказаться от повышенной заработной платы? Но тогда в чем «измощения» революции? И почему были подняты (правда, значительно позднее) такой шум по поводу чисто риторического предложения Скобелева промышленникам отказаться на время войны от прибыли? Разве прибыль важнее, чем жизнь солдат, отнимаемая на фронте? — Все это названо. Но почему те же круги, которые из неразвитости народа делают вывод о том, что народу нельзя давать избирательного права, не сделали вывода, что пока народ не поймет войны — нельзя его гнать на фронт?

И не только простой народ не принимал войны. В душе среднего интеллигента не было ее. Была ужас перед ней, была печаль, была прищипка в, наконец, была тоска от незнания, как и где найти выход. Революция грядущая каким-то чудом. Не несет ли она жеданного конца войны? Не произнесла ли теперь, в этот великий исторический сдвиг, заветное, душевное, давно просящееся на уста слово — мир? Я сама на себя почувствовала власть этого слова. Накануне обсуждения в Комитете, вопрос о волеизъявлении был поставлен в трудовой группе. Я высказала целый ряд соображений об опасности и рискованности подобного шага. Дойдет ли он до народов мира и какое приведет там впечатление — неизвестно. Но ясно, что до нашего фронта он дойдет немедленно и поставит переизбрание армии сдвигом осознательно и практически предлага-

ние о мире, что может только ослабить и такъ небольшие остатки боеспособности фронта. Группа, въ общемъ, согласилась со мной и представителямъ въ Комитетъ было предоставлено право голосовать по усмотрѣнью. Но всѣ мы, послѣ дискуссiи въ Комитетѣ и послѣ принятiя оговорокъ о готовности русской демократiи бороться дальше за справедливый миръ, голосовали за воззванiе. И не знаю, какъ мои товарищи, но я горжусь, что хотя и случайно, но все же мое одобрение нислется въ этотъ актъ.

И не только соображенiя интернационализма и уваженiя къ народной душѣ толкали на этотъ путь. Даже тѣ, кто считалъ завоеванiя необходимыми для Россiи и продолженiе войны возможными несмотря на нежеланiе массъ, должны были признать, что дальнѣйшая война была почти непосильна для Россiи. О состоянiи на фронтѣ свѣдѣнiя ежедневно приносились сотнями ходоковъ, — и свѣдѣнiя эти были безъ исключенiя крайне пессимистическiя. Но пусть — солдатамъ нельзя довѣрять. Но вотъ приѣхалъ Корниловъ, и послѣ его рѣчи въ Исполнительномъ Комитетѣ всѣ заколебались въ возможности продолжать войну. чрезвычайный недостатокъ продуктовъ на фронтѣ, такъ что въ армii свирѣпствуютъ тифъ и цинга, отнимающiя больше жертвъ, чѣмъ кровопролитные бои, разстройство транспорта, лишшающее возможности перевозить войска, такъ что дивизii уже не «перемещаются» и даже не перевозятся, а лишь съ превеликимъ трудомъ «просаживаются» черезъ желѣзнодорожныя тѣсны, невозможность передвигать артиллерию, за отсутствiемъ конского состава. Все это относилось къ до-революционному времени. Между тѣмъ, было ясно, что теперь, въ связи съ общимъ дальнѣй-

шимъ разстройствомъ транспорта, съ перебоками въ штабной организаціи, дѣло должно было лишь ухудшиться.

Правда, на ряду съ признаками разрушенія и развала, начинали появляться признаки революціоннаго творчества и организаціи. Росли политическія партіи и союзы, росла власть и влияние общественности, завязывались связи между столицами и провинціей, между тыломъ и фронтомъ, выдвигались новыя административныя силы, создавались навыки управленія въ новыхъ порядкахъ. Но все это было еще такъ ничтожно даже передъ тѣми задачами, которыя выдвигала жизнь въ тылу. Могло ли этого хватить для веденія чудовищной войны? А если нѣтъ, то на что можно было надѣяться? На союзниковъ? Но Америка тогда еще не вступила въ войну. Чего ждать? Такого состоянія, что при малѣйшемъ давленіи весь фронтъ покатится назадъ какъ подъ Стоходомъ, внося анархію и ужасъ въ тылъ страны?

Я не знаю, какой отвѣтъ на эти сомнѣнія могла дать тогда вся полнота дипломатическихъ и штабныхъ свидѣній. Комитетъ, во всякомъ случаѣ, этихъ свидѣній не имѣлъ. И тѣмъ болѣе не имѣли этихъ свидѣній массы. Кромѣ того въ Комитетѣ, со словъ делегации, сносившейся съ Правительствомъ, была полная увѣренность, что Правительство не только не возражаетъ, но даже солидарно съ Манифестомъ и лишь потому не присоединяется къ нему, что языкъ его слишкомъ отличенъ отъ обычнаго языка дипломатіи. Поэтому казалось, что концепція Стаханова — цѣлемъ мира на фронтѣ купить миръ внутри — была правильной и единственно возможной.

3 Приятіе войнѣ.

Манифестъ изданъ, слово сказано, и «черезъ горы братскихъ труповъ, черезъ рѣки невинной крови и слезъ, черезъ дымящіяся развалины городовъ и деревень, черезъ погибшія сокровища культуры» протянута рука къ народамъ всего міра.

И скоро полученъ былъ отвѣтъ.

Прежде всего откликнулась союзная демократія. Въ Комитетѣ появились встревоженные лица французскихъ социалистовъ, Кашена, потомъ Тома, англійскаго трудовика Гендерсона, итальянскихъ социалистовъ. И сразу почувствовалось, что для нихъ нашъ манифестъ казался отнюдь не новымъ словомъ, а уже давно пройденнымъ этапомъ наявностию, о которой трудно серьезно говорить. Они деликатно и вѣжливо, заперевъ между нашей принципиальностью и политической неопытностью, напомнили русской демократіи, что на фронтѣ идетъ война, что увлеченіе красивыми лозунгами можетъ привести къ гибели всѣхъ завоеванія русской революціи, что свобода въ опасности, что не о мирѣ еще надо думать, а о войнѣ. Они привозили съ собой настроенія уже давно воюющей демократіи, они имѣли уже готовые возраженія на всѣ сомнѣнія, отвѣты на всѣ вопросы. Они заставили и русскую демократію стараться говорить на одномъ съ ними языкѣ. И горячіе призывы Тома, чтобы русская армія добилась своего Нантима, и разсудительная энергія Гендерсона, внушительной жестикულიаціей подкрѣплявшаго доводы о необходимости разгромить Германію — производили свое впечатлѣніе. Русская революція, столь нестойкая и примитивная идеологически, уступала передъ международнымъ натискомъ наводни-

вшейся вражды, и слова о мирѣ сами собою превращались въ слова войны.

Сухановъ невольно ступалъ на четвертый планъ. Стекловъ, единственно владѣвшій свободно, хотя и варварски, французскимъ языкомъ и тотъ не упоминалъ въ своихъ речахъ о манифестѣ къ народамъ всего мира. Цоретелли какъ-то разъ упомянулъ, что русская интеллигенція настроена циничнѣе всѣхъ по отношению къ такимъ удивленнымъ взглядамъ со стороны соотечественниковъ иностранцевъ, что слова завязли на устахъ. Трезвостью реализма, приводящей въ отчаяніе практичностью въшло отъ этихъ мыслителей парламентаріальныхъ министровъ. Да и какъ же прійти въ отчаяніе, когда Гендерсонъ привнесъ русской демократіи приглашеніе на сентябрь мѣсяцъ на сѣздъ тредьюнионизма, гдѣ, между прочимъ, предполагалось рассмотреть и вопросъ о мирѣ. А въ Комитетъ далеко не однимъ большевикомъ казалось, что въ сентябрѣ о войнѣ и помину уже не должно быть! Ясно было, что механизмъ мирового общественнаго мнѣнія рѣшительно отказывался слѣдовать за возможностью русскихъ событий.

Но еще поучительнѣе былъ отказъ, полученный изъ Германіи. Уже въ первые дни революціи радиотелеграфъ поймалъ фразу

«Привѣтъ товарищамъ ура!»

Было рѣшено, что это несомнѣнно, отказъ германской демократіи. Но подтвержденій не получилось. Подлинное же мнѣніе большинства германской социал-демократіи цѣлѣе представлять дѣлали социалистовъ Борнберга. Онъ появился какъ-то тактично, промолвилъ не большую рѣчь съ явными недомолвками, потомъ на недѣлю куда-то ступалъ. Потомъ явился опять и заявилъ, что можетъ приблизительно

жадожлы мнѣніе германскихъ социалистовъ. Но это мнѣніе отнюдь не произвело впечатлѣнія отивѣтнаго рукопожатія, а, скорѣе, попытки спекулировать на русской революціи. Германскіе социалисты отказывались обсуждать вопросы о Польшѣ и о Лотарингіи. Лишь для Эльзаса соглашались на публичность по отдѣльнымъ общинамъ...

Выводы изъ этихъ посѣщеній иностранцевъ оказали громадное вліяніе на развитіе идей русской демократіи. Тѣмъ болѣе, что значеніе этихъ выводовъ было подчеркнуто и отиѣнено своими «иностранцами», въ особенности Плехановымъ, который привезъ иностранныя настроенія уже, такъ сказать, переведенными на русскій языкъ, уже примиренными съ основами русской идеологии. Несомнѣнно что роль Плеханова могла бы быть болѣе значительной, если бы не старые счеты и споры съ нимъ марксистовъ изъ комитета по формальнымъ основаніямъ. Ему было отказано въ правѣ рѣшающаго голоса въ Комитетѣ и было предложено войти туда, а то въ видѣ особаго исключенія, лишь съ совѣщательнымъ голосомъ. Такое вхожденіе, конечно, не лишало бы его возможности вліять на всѣ дѣла въ Комитетѣ — вѣдь Перетехинъ 2 мѣсяца руководилъ Комитетомъ, пользуясь только правомъ совѣщательнаго голоса. Но Плехановъ отказался.

Приѣздъ Ленина не могъ отклонить и измѣнить впечатлѣнія, что путь манифестовъ и воззваній къ международной солидарности безконечно долгъ и труденъ. Во-первыхъ, самъ приѣздъ въ нѣмецкомъ запломбированномъ вагонѣ произвелъ гнетущее впечатлѣніе. Но и первое выступленіе Ленина, съ его программой, показало, что его путь — путь явнаго безумія даже съ точки зрѣнія довольно воспламеннаго вообра-

женія тогдашнихъ руководящихъ круговъ демократіи. Въ первый же день онъ выступилъ въ засѣданіи Совѣта и произнесъ рѣчь, которая очень обрадовала его противниковъ.

— Человѣкъ, говорящій такіе глупости, не опасенъ. Хорошо, что онъ дрѣхалъ, теперь онъ весь на виду — теперь онъ самъ себя опровергаетъ...

Такъ говорили руководители Комитета, расходясь послѣ перваго выступленія Ленина. Масса тоже не восприняла практическаго значенія доуговъ Ленина, находясь въ идейной власти оборонческихъ круговъ. Да и сама фигура Ленина производила неприятное впечатлѣніе яркимъ контрастомъ красивымъ фигурамъ Церетели, Плеханова, Авксентьева. Даже сторонники Ленина доизкатоно отрекались отъ него въ «Правдѣ», утверждая, что своими крайними доуговками онъ доказываетъ свое незнакомство съ реальными условиями русской жизни. Иное впечатлѣніе, чѣмъ Ленинъ, произвелъ Троцкій, который сразу захватилъ Совѣтъ своей огненной рѣчью и неукротимымъ темпераментомъ. Если масса не сразу признала своего идеолога, то она сразу почувствовала своего вождя... Но Троцкій казался значительно помѣе.

Если путь «протянутой руки» не давалъ должнаго результата, не открывалъ даже перспективы мира, то неудача его не давала все же никакой новой ориентации, никакой новой точки зрѣнія. Еще въ серединѣ апрѣля большевики не считали безнадежнымъ поставить въ Комитетъ вопросъ объ организаціи братанія на фронтѣ въ день перваго мая, и вопросъ снятъ былъ съ очереди лишь послѣ аргументаціи Церетели, что братаніе устроить нельзя, такъ какъ монархизмъ, какъ къ этому относится против-

ника, и такъ какъ нѣтъ никакой технической возможности выяснить это. И извѣстныя Комитета попрежнему оставалась неясной, давая возможность различнымъ недоразумѣниямъ быть случай, что делегатъ, прѣхавшій на фронтъ (западный, съ полномочиями отъ Комитета, рѣшилъ самъ организовать «показное» братаніе съ противникомъ, и только сношенія П. М. Толстого по прямому проводу съ Петроградомъ выяснило недоразумѣніе: делегатъ былъ отозванъ. Оказалось, это былъ извѣстный агитаторъ и пропагандистъ въ крестьянской средѣ. Теперь онъ рѣшилъ попробовать свои силы на фронтѣ и былъ въ полной увѣренности, что его дѣйствія соответствуютъ позиціи Комитета

Гораздо поучительнѣе и богаче положительными выводами былъ второй путь къ миру — путь дипломатіи. Если Комитетъ не вошелъ въ Правительство, если онъ не поставилъ никакихъ военныхъ или мирныхъ условій для своей поддержки Правительства, то онъ все же не лишилъ себя права вліять на власть въ желательномъ направленіи.

Первымъ поставилъ этотъ вопросъ опять-таки Сухановъ. На другой день послѣ принятія манифеста пленумомъ Совѣта, Сухановъ выдвинулъ вопросъ о необходимости побудить Правительство, чтобы оно подчеркнуло свое согласіе съ мирными тенденціями демократіи. Это было тѣмъ болѣе необходимо, что первые шаги Миллюкова были направлены въ диаметрально противоположную сторону. Заявление Временнаго Правительства о войнѣ 27 марта звучало въ полный унисонъ съ манифестомъ 14 марта, русская власть тоже заявила, что она отрица-

вместе от политики завоеваний и притягивает формулу самоопределения народов. Но этого оказалось мало. Это заявление было предназначено только для внутреннего читателя. Явное несогласие с этим заявлением Милюкова возбуждало подозрения, что во имя России обращена кинимъ лжи. Сухое, законичное заявление Правительства, что оно не намерено обращаться к союзникамъ ни съ какими мирными нотами — подтверждало подозрения. И Комитетъ поставилъ требование, чтобы такая нота, формально отрицающая международный смыслъ русскаго участія въ войнѣ была послана за границу. Такъ какъ въ Правительствѣ цѣлымъ рядомъ министровъ былъ противъ волеизъявленности Милюкова (въ томъ числѣ и Гучковъ) то нота была обшана. Полное согласие между Комитетомъ и Правительствомъ казалось настолько установленнымъ, что Церетелли предлагалъ прокатить своеобразную военную демонстрацію — послѣ опубликованія мирной ноты Правительствомъ вынести въ Советѣ рѣшеніе поддержать «займа свободы». Правительство учитывало это и, со своей стороны, старалось редактировать документъ, который долженъ былъ удовлетворить демократію, при чемъ лѣвая часть Правительства выдержала весьма суровый бой съ Милюковымъ изъ-за нѣкоторыхъ выраженій. И когда текстъ ноты былъ установленъ окончательно нѣкоторые министры при встрѣчѣ съ членами Комитета утверждали, что Комитетъ будетъ пораженъ, насколько далеко пошло Правительство ему навстрѣчу. И не подлежитъ никакому сомнѣнію что если бы текстъ ноты былъ заранее показанъ Церетелли или кому нибудь изъ руководящихъ членовъ Комитета — въ него были бы внесены соответствующія поправки, или была бы предпринята

компания для подготовки общественного мнения к этому акту. Но этого не было сделано. Текст из Комитета был получен одновременно с передачей его в печать и послы посылки в Париж и в Лондон. Комитет из экстренного заседания стал обсуждать ноту, и после первого прочтения всеми единодушно и без споров было признано, что это совсем не то, чего ожидал Комитет. В особенности рѣзко слова о том, что послы революция «всемирное стремление довести мировую войну до рѣшительной победы лишь усилилось, благодаря сознанию общей ответственности всѣх и каждого». Потом при дальнейшем детальном разборѣ, стали раздаваться голоса, что, в сущности, нельзя требовать, чтобы Правительство разговаривало съ союзными правительствами языкомъ Манифеста къ народамъ мира, что дипломатия имѣетъ свой собственный языкъ. Протесты стали добросовѣстно расшифровывать ноту и указывать на то, что многие вопросы въ ней выражены вполне соответственно общимъ мирнымъ тенденциямъ демократии. Скобелевъ ставилъ вопросъ еще шире, доказывая, что вообще нельзя требовать полного совпадения стремлений демократии и политики Правительства. Демократия воодушевлена революционнымъ пыломъ... Но русская революция, выходя за границу, должна сходиться со своимъ ширококолейнымъ рельсомъ и приспособляться къ узкой иностранной колеѣ... Но все-таки рядъ выражений комментирувался и ими, какъ неосторожный и легко поддающийся измѣненію. Около 5 часовъ ночи заседание было прервано до утра.

Возбуждение Комитета, причиненное нотой, объяснялось тревогой, что нота можетъ вызвать самочинныя выступленія массъ. Но, быть мо-

жеть, какъ разъ эта тревога и послужила при-
чиной этихъ выступлений, такъ какъ будоражу-
щее извѣстие о томъ, что Комитетъ всю ночь
засѣдаетъ надъ неудачной мирной нотой Прави-
тельства, о которой столько говорили, и отъ
которой ждали первого практическаго шага къ
миру, облетѣла весь городъ, всѣ казармы. На
другой день, 30-го апрѣля, когда Комитетъ со-
брался обсуждать ноту, стали поступать сви-
дѣнія о томъ, что Финляндскій полкъ вышелъ
изъ казармъ и съ оружиемъ въ рукахъ и со зна-
менами съ надписями «Долой захватную поли-
тику», «Въ отставку Гучкова и Милюкова», дви-
нулся на Маринскую площадь. Немедленно были
посланы Скобелевъ и Гоцъ, которымъ удалось
убѣдить солдатъ очистить площадь. Какъ оказа-
лось, полкъ былъ выведенъ именемъ Исполни-
тельного Комитета по инициативѣ солдата Линде,
бывшаго раньше членомъ Исполнительнаго Ко-
митета. Но брожение перекинулось на другія
части, захватило рабочихъ. Въ отвѣтъ началось
сильнѣйшее движеніе и среди обывателей, въ
особенности группирующихся вокругъ партіи на-
родной свободы. И въ вечеру уже начались
столкновения между различными группами демон-
странтовъ.

Правительство предложило Комитету со-
вмѣстное засѣданіе для обсужденія предложенія
дѣла. Засѣданіе состоялось въ тотъ же вечеръ
и продолжалось съ 9 до 4 часовъ утра. Это
была первая встрѣча Правительства и Исполни-
тельного Комитета со дня, когда на ночномъ
засѣданіи въ началѣ марта рѣшено было образо-
ваніе Временнаго Правительства. Единъ возста-
не массъ, направленное уже и противъ Прави-
тельства и противъ Комитета, заставляло ихъ по-
пытаться дѣйствительно сговориться. Но сговора

не было. Уже началось съ того, что возникли прения о допущении журналистовъ. Комитетъ согласился на закрытое засѣданіе но, когда Правительство заявило представителямъ печати, что оно согласилось на закрытое засѣданіе только подъ давлениемъ Комитета, Комитетъ сталъ на станцію на открытыхъ дверяхъ. Тогда Правительство заявило, что уже оно настаиваетъ на недопущении журналистовъ. Правительство осыпало Комитетъ упреками, если не за сегодняшнее выступленіе, то, во всякомъ случаѣ за прежнее систематическое расшатываніе авторитета Правительства. Особенно рѣзко и раздраженно говорилъ Шлигаревъ. Керенскаго не было. Милюковъ производилъ на Комитетъ впечатлѣніе конченнаго чедовѣка, котораго было просто жаль. Онъ сидѣлъ все время молча и сдѣлалъ только одно заявленіе — онъ прочелъ телеграмму, полученную изъ Парижа, въ которой сообщалось, что французское министерство иностранныхъ дѣлъ не сочувствуетъ сомыву междусоюзнической конференціи для обсужденія вопроса о цѣляхъ войны. Милюкову казалось, что телеграмма имѣла рѣшающій характеръ въ смыслѣ довода въ его пользу. Но громадному большинству Комитета, привыкшему уже къ мысли о необходимости и возможности «давить» на свое Правительство, казалось непонятнымъ, почему нельзя оказать давленіе на союзныя правительства. Для всѣхъ было ясно, что во всякомъ случаѣ въ первую очередь надо было считаться съ такими явленіями, какъ солдатскій бунтъ, грозящій смести всѣ зачатки народной организованности. Въ этомъ направленіи развивали аргументацію представители Комитета. Но въ отходныхъ мнѣніяхъ были громадныя различія, — отъ Сухомова, который, по существу, высказывался за

невозможность России дальше воевать, до меня, который просил Правительство лишь не мѣшать намъ постепенно ознакомить массы съ действительнымъ международнымъ положеніемъ и задачами войны. Но, повидимому мой тонъ уже болѣе соответствовалъ настроенію большинства Комитета — Въ общемъ, все это было безплоднымъ и раздражающимъ словопрениемъ четверть часа переговоровъ Милюкова и Церетели до опубликованія ноты могли сдѣлать несравненно больше чѣмъ теперь долгіе часы. Въ результатѣ, Правительство сохраняя попрежнему тонъ раздраженія, обѣщало на слѣдующій день обсудить возможность опубликованія и посмѣя на границу разъясненія ноты.

На другой день, однако, движеніе не улеглось, а продолжалось съ новой силой, уже руководимое большевиками. — Для того, чтобы предотвратить участіе вооруженныхъ солдатъ и злоупотребленіе имевшемъ Комитетъ, Комитетъ быстро издалъ распоряженіе о невыводѣ изъ казармъ солдатъ иначе, какъ по распоряженію, скрѣпленному подписями опредѣленныхъ, полномоченныхъ въ распоряженіи, семи лицъ, именъ диктаторовъ, какъ шутили потомъ. И солдатская масса действительно, оставалась въ казармахъ. Но уже во время обсужденія этой шутки въ Комитетѣ со всѣхъ сторонъ стали поступать свѣдѣнія о движеніи изъ фабрикъ и заводовъ. Наконецъ, по телефону сообщили, что громадные массы рабочихъ идутъ съ Выборгской стороны, нѣсущи много вооруженій. Комитетъ направилъ на встрѣчу рабочихъ Чхендзе, Войтинскаго и меня. Мы поехали на автомобиляхъ и встрѣтили рабочихъ уже на Марсовомъ полѣ. Рабочие шли довольно стройными колоннами. Впереди каждой колонны шелъ отрядъ

красногвардейцевъ, вооруженныхъ разнообразными винтовками и револьверами. За ними, вешными и дружными толпами, шли рабочие и работницы. Надъ всеми колоннами развѣсывалась знамена съ надписями прогнать войну, противъ Правительства и съ требованіемъ передачи всей власти Совѣтамъ. Чхендзе съ автомобиля произнесъ рѣчь, доказывая, что демонстрація не имѣютъ болѣе смысла и цѣли, такъ какъ Правительство уже готово разъяснить погу въ желательномъ смыслѣ. Поэтому Чхендзе пригласилъ рабочихъ вернуться назадъ. Но тутъ выступили вожаки демонстраціи и заявили, что рабочие сами знаютъ, что имъ надо дѣлать. Демонстрація двинулась дальше.

Движеніе не улеглось, а, повидимому, еще разгоралось. Казармы и рабочие кварталы были въ броженіи. На улицахъ все время двигались манифестаціи. На вечеръ было назначено собраніе Совѣта, но многие высказывали сомнѣніе, удастся ли его устроить, не будетъ ли оно сорвано непредвидѣнными событіями. И, вѣроятно, со стороны большевиковъ были намѣренія сорвать его. Настроеніе собравшагося Совѣта было до крайности напряженное. Потокъ и волны какихъ-то бурныхъ порывовъ перекатывались надъ головами многотысячной толпы, наполнившей залъ кадетскаго корпуса. То и дѣло ораторовъ перебивали какими-то массовыми спорамъ, вслѣдующими въ разныхъ концахъ зала. Кульминаціоннаго пункта возбужденіе достигло въ моментъ, когда въ залѣ появился Данъ и сообщилъ, что на улицахъ началась стрѣльба и имѣются жертвы. Поднялся такой шумъ, такое движеніе, что, казалось, еще моментъ, и перестрѣлка начнется въ залѣ. Напрасно Чхендзе жонглировалъ неумолимо — его слабый голосъ не

былъ слышенъ даже на эстрадѣ. Но вотъ всталъ, или, вѣрнѣе, выросъ высокій и стройный Церетели и поднялъ руку. Все сразу замолчало, и тишина перелпавая захватила всѣхъ. Церетели сѣлъ, но Чхендзе могъ предоставить слово Скобелеву, который сталъ не столько говорить сколько отрывисто диктовать постановленіе. Тонъ его декретирующей рѣчи оказался какъ разъ по настроенію собранію. И оно съ такой же энергіей воужденія почти единогласно приняло рядъ постановленій о воспреденіи на три дня всякихъ выступленій на улицахъ вообще и особенно выхода съ оружіемъ въ рукахъ. Движеніе, не имѣвшее ни опредѣленныхъ лозунговъ, ни общепризнанныхъ вождей, было сломлено.

Но впечатлѣніе энергіи проваленной Комитетомъ, значительно парализовалось впечатлѣніемъ слабости Правительства. Не Правительство, а Сѣнать распоряжается въ Петроградѣ. И это впечатлѣніе усиливалось еще азосчастными возмущеніемъ Комитета по семи диктатурахъ, Ударъ, нанесенный по большевикамъ, всюю тяжестью палъ на военное командованіе, которое приняло это распоряженіе Комитета какъ прямое вѣдѣтельство и вызовъ по своему адресу. Страннѣе образамъ, изъ выступленія солдатскихъ и рабочихъ массъ въ Петроградѣ, изъ протестовъ противъ вымѣненной воинственности Правительства Комитетъ сдѣлалъ обратные выводы: самъ Комитетъ сталъ воинственнымъ. Непосредственно за апрѣльскіе выступленіемъ и въ связи съ нимъ начались въ большинствѣ Комитетовъ психологическіе сдвиги, которые привели къ полному пріятію войны.

Наставленіе на принципахъ Манифеста 14 марта передъ международной демократіей приводило къ необходимости разрыва съ соювной демо-

кратей и отдать себя въ распоряженіе демократіи враждебныхъ странъ. Дипломатическій путь, закончившійся такъ печально апрѣльской нотой Миллюкова, показалъ, что или русское Правительство должно разорвать съ союзными правительствами, или Комитетъ долженъ разорвать съ Правительствомъ — въ обоихъ случаяхъ получался не миръ, а только проигранная война.

Но гдѣ же тогда путь къ миру?

И тутъ властолюбивыя свои права вступила идеология войны. Намеки на нее явились уже давно. Въ томъ же Манифестѣ ко всемъ народамъ міра были, правда, послѣ ожесточеннаго боя съ лѣвыми крыломъ Комитета, вставлены слова о томъ, что русская революція не отступитъ передъ штыками завоевателей.

Значительно болѣе рѣшительно работа объ арміи была выражена въ обширной резолюціи перваго съѣзда Советовъ. Тамъ вся вторая часть посвящена вопросу о необходимости сохранения арміи и напряженной работы для войны въ тылу и на фронтѣ. При томъ, ставился вопросъ уже не только объ оборонѣ въ узкомъ смыслѣ слова, но и объ активныхъ дѣйствіяхъ. «Пока продолжается война, российская демократія признаетъ, что крушение арміи, ослабленіе ея устойчивости, крѣпости и способности къ активнымъ операціямъ было бы величайшимъ ударомъ для дѣла свободы и для жизненныхъ интересовъ страны». Правда, въ «Извѣстіяхъ» резолюція эта была первоначально напечатана въ искаженномъ, совершенно, впрочемъ, случайно, видѣ, безъ словъ относительно активныхъ операцій. Но и такъ она могла подѣйствовать весьма отрицательно на всѣхъ, кто попрежнему считалъ, что Комитетъ только и хлопочетъ, какъ заключить миръ «по телеграфу».

Но решительно на путь войны и войны
объ армия, какъ единственномъ средствѣ къ до-
стижению мира, Комитетъ вступилъ послѣ со-
бытій, связанныхъ съ апрѣльской нотой.

Апрѣльская нота имѣла по концепции Ко-
митета своей задачей поставить вопросъ о мирѣ
передъ международной дипломатіей. Но резуль-
татомъ всѣхъ связанныхъ съ ней событий было
лишь то, что въ глазахъ Европы и всего мира
были поколеблены послѣдніе остатки вѣры въ
прочность и устойчивость новой русской власти.
Русская демократія хотѣла вставить другіхъ
повторять ея слова, но получилось, что ее во-
обще перестали слушать, перестали считаться
съ ней. Если война России не по силамъ, то
проведение мирной политики въ международномъ
масштабѣ — вѣдь имъ о сдачѣ противнику, имъ
о сепаратномъ мирѣ никто тогда не говорилъ —
оказалось еще болѣе не по плечу русской госу-
дарственности поскольку она находится въ та-
комъ разложеніи. Вѣдь Бетманъ Гольвегъ, въ
своей послѣдней рѣчи при оцѣнкѣ положенія на
всѣхъ фронтахъ, даже не упомянулъ о поло-
женіи на восточномъ фронтѣ.

Конечно, съ объективно-исторической точки
зрѣнія, въ этотъ урокъ надо было ввести со-
отвѣтствующіе коррективы. Исполнительный Ко-
митетъ и Правительство не сумѣли технически
наладить правильныя сношенія между Мариин-
скими и Таврическимъ Дворцами, доводя до того,
что внутренние споры выносились на улицу и
получали разрѣшеніе подъ крики и угрозы
толпы. При такой неумѣлости трудно, конечно,
говорить, что всѣ пути дипломатическихъ и
международныхъ влияній уже были исчерпаны.
Но вѣдь неумѣлость оставалась и впередъ и если

не сознавалась, то чувствовалась. Поэтому так
нужно в другую сторону.

Вспросъ возник — если ни братство на-
родовъ, ни дипломатия не ведутъ къ быстрому
миру, то какъ же достигнуть его? И стереотип-
ные, много разъ повсюду и всѣми повторе-
мые слова подсказывали готовый отвѣтъ. —
«Войной».

Если Бетманъ-Гольвегъ забылъ о русскомъ
фронте — надо ему напомнить о немъ. Если
международная дипломатия всѣ слова о мирѣ рас-
щипываетъ только какъ доказательство того, что
съ Россіей вообще можно не считаться — надо
разубѣдить ее въ этомъ. Надо показать миру, что
наша армія сильна, и что Россія могущественная
державка. Надо сузить русскую революцію до того,
чтобы армія была послушнымъ орудіемъ въ ру-
кахъ Правительства. Надо втолковать солда-
тамъ, что путь къ миру лежитъ черезъ оккупы
противника. И громомъ побѣды надо заставить
иностранное общественное мнѣніе прислушаться
къ Россіи, къ голосу ея демократовъ. Активные
военныя операціи не только допустимы, онѣ не-
обходимы.

Правда, этотъ путь былъ очень труденъ.
Развалъ арміи былъ общезвѣстенъ. Но всѣ спе-
циалисты связывали развалъ арміи только съ
идейной стороной революціи, только съ неудач-
ными доуслугами Комитета. Казалось, надо дать
иные доуслуги, и армія окажется боеспособной.
Какъ ни труднымъ могло показаться убѣдить
армію воевать, все же это казалось легче,
чѣмъ убѣдить международную дипломатію и
демократію вступить на путь Манифеста
14 марта.

Переломъ мнѣній въ указанномъ направле-
нии совершался въ тиши и незамѣтно. Но въ

полвомъ и нѣсколько даже неожиданнымъ видѣ
проявился онъ въ Комитетѣ по случаю пріѣзда
делегатовъ съ сѣвернаго фронта, отъ 5-ой и
12-ой армій, Виленькина, Ходорова и Кучина. Де-
легаты произнесли патетическія рѣчи о поло-
женіи арміи, о вліяніи неясности военной по-
зиціи Комитета на нее. Уже тогда раздавался
вопросъ: «Воюемъ мы или не воюемъ?»

И въ отвѣтъ было сказано подлымъ голо-
сомъ.

— Мы воюемъ.

Большинство насмѣхалось надъ воодушевлє-
ніемъ и «энтузязмомъ», въ которомъ происхо-
дило засѣданіе Комитета. П., действительно, та-
кой подъемъ рѣдко я видѣлъ въ немъ. Рѣчи
делегатовъ съ фронта были встрѣчены оваціями.
Въ отрывкахъ рѣчей, покрываемыхъ въ от-
ступленіе отъ обычной аплодисментами, слы-
шались никогда не бывавшія нотки реальной за-
боты о «своей» арміи. Зазвучали подлинные бое-
вые тона. И тутъ же, при небываломъ едино-
душіи, увлекшемъ даже кое-кого изъ интернацио-
налистовъ, были приняты текстъ составленнаго
Вейтинскимъ воззванія — армія должна быть
готова по зову начальниковъ и вождей совер-
шать боевыя операціи, доказывать противнику и
всему міру силу русскаго оружія. Даже при-
зывъ къ наступленію уже явно звучалъ въ воз-
званіи.

«Нельзя замирать фронта, рѣшившись на что бы
то ни стало схватить неподходяно въ окопахъ. Вызываетъ,
что только энтузязмомъ можно отразить или предупре-
дить наступленіе врага. Иной разъ ожидать нападенія —
значитъ захоронить себя огнѣмъ. Помните это, товарищи-
солдаты. Помните, что замирать русскую свободу не от-
казывайтесь отъ наступательныхъ дѣйствій, которыми мы
должны требовать боевхъ объясненій.»

Воззвание звучало такъ воинственно что въ послѣдствіи изъ арміи отъ частей пріѣзжали делегаты специально для того, чтобы удостовѣриться, не подложно ли воззвание — настолько оно казалось необычнымъ для того Совѣта, въ первомъ номерѣ «Извѣстій» котораго былъ напечатанъ большевистскій манифестъ. и который до сихъ поръ всегда говорилъ о войнѣ такъ сдержанно и съ колебаниями

Правда, на ряду съ этимъ воззваніемъ было опубликовано воззвание «Къ социалистамъ всѣхъ странъ», мирнаго характера. Но дѣйствительность была уже не въ этомъ направленіи

Несомнѣнно, что, помимо соображеній международной политики и дѣйствительнаго исцалія путей къ миру, въ новыхъ настроеніяхъ играли вначительную роль соображенія внутренней политики. Бездѣятельная армія явно разлагалась. Солдаты не понимали, зачѣмъ ихъ держать на фронтѣ. Запасныя части въ тылу отказывались давать пополненія и превращались въ вооруженныя банды въ преторіанцевъ новѣйшей формации. Надо было дать арміи дѣло надо напомнить солдатамъ о долгѣ, надо найти дѣйствительно убѣдительные мотивы къ наведенію порядка и дисциплины — вѣдь если фронтъ осужденъ стоять на мѣстѣ, къ чему повиноваться начальникамъ? Конечно, быть можетъ, лучшимъ выходомъ было бы въ смыслѣ внутренней политики, если бы наступленіе началъ самъ противникъ. Но онъ не наступалъ. Значить, надо было двинуться на него и цѣлою войною на фронтѣ кидать порохомъ въ тылу и въ армію.

Кругъ развитія идей оказался законченнымъ. Война поглотила нестройную толпу разнокали-

берных, разноречивых деятелей мартовской революции. Во имя «Мира всего мира» была дана ложный «Впередъ на врага».

И все пошло на службу этому ложному.

4. Принятие власти

Но психологическая готовность и даже попытка повзвать были связаны съ необходимостью изменить отношение къ власти. Уже во время апрельских бурных дней Церетели как-то сказал Скобелеву

— Придется васъ, Матвей Ивановичъ, отдать въ Правительство

Неизбѣжность участія Комитета въ Правительственной власти чувствовалась уже давно. Характеренъ въ этомъ отношеніи былъ инцидентъ со Шинссельбургской республикой. Какъ-то разъ Правительство, со словъ Министра Внутреннихъ Дѣлъ, сообщило, что Шинссельбургскій Советъ объявилъ свой уѣздъ самостоятельной республикой, создалъ красную гвардію изъ бывшихъ ватерниковъ и декретировалъ для уѣзда национализацию всей земли и всѣхъ заводовъ. Въ видѣ неопровержимаго доказательства были Исполнительному Комитету предъявлены копии такіхъ резолюцій, которыя были приняты Шинссельбургскимъ Советомъ. Положение казалось такимъ острымъ, что Правительственный комиссаръ съелъ себя вынужденнымъ покинуть Шинссельбургъ и выѣхать въ Петроградъ. Комитетъ нарядилъ специальную делегацию для переговоровъ со Шинссельбургской республикой — въ составѣ самого Чкалова, Войтинскаго и др.

Но на хѣстѣ делегація выяснила сразу, что все это лишь недоразумѣніе. Дѣйствительно, была резолюція о независимости, о націонализациі земли и пр. Но эта резолюція была внесена не то большевикомъ, не то анархистомъ и была провалена въ Шлессельбургскомъ Совѣтѣ большинствомъ всѣхъ голосовъ противъ одного присообщемъ смѣху. Но вмѣстѣ съ тѣмъ выяснилось, что, по примѣру своего «большого брата» Петроградскаго Совѣта, шлессельбургскіе солдаты и рабочіе считали себя въ правѣ вмѣшиваться въ распоряженіе властей и дѣйствовать, не считаясь съ авторитетомъ Правительственной власти. Правительственные же органы были оторваны отъ всего, что фактически представляло энергию народа, и не были и даже не могли быть въ курсѣ того, что творилось кругомъ.

Дѣлалось ясно, что правительственная власть въ странѣ начинаетъ ставиться безтѣлесною тѣнью, между тѣмъ какъ масса увлекается въ какія то безбрежныя политическія дали. Странныя, дикія и въ сѣчѣ чѣмъ несообразныя настроенія массъ вырывались иногда въ самъ Комитетъ. Вотъ небольшой, но очень памятный инцидентъ. Въ Кронштадтскій Совѣтъ прихалъ солдатъ съ фронта и, пораженный нравами кронштадтской возницы, сталъ печаловаться на горькую участь солдатъ фронта, гдѣ царили почти что старые порядки. Кронштадтскій Совѣтъ пришелъ въ страшное негодованіе и сразу выдѣлилъ цѣлую делегацію изъ матросовъ, солдатъ и рабочихъ для поѣздки въ армию и наведенія въ ней «новыхъ порядковъ». При этомъ делегаціи были даны Кронштадтскимъ Совѣтомъ полномочія арестовывать на фронтѣ командный составъ. Делегація должна была немедленно, послѣ

бессонной ночи, бѣжать на фронтъ. Но она считала благоразумнѣе записаться мандатомъ и отъ Петроградскаго Комитета. Здѣсь она была выслушана въ пленумѣ Комитета, который, конечно, отнесся ко всей затѣѣ рѣзко-отрицательно и не только отказалъ въ выдачѣ мандата, но рѣшительно протестовалъ противъ подобной поѣздки. Инцидентъ былъ мелкій, но онъ произвелъ громадное впечатлѣніе тѣмъ настроеніемъ, которое принесли съ собой делегаты. Это, несомнѣнно, было массовымъ психозомъ. Мы видѣли, какъ на нашихъ глазахъ какой-то нездоровый угаръ сталъ спадать съ делегатовъ — лишь одинъ матросъ упорствовалъ до конца, — какъ они сами стали признаваться, что никто изъ нихъ не умѣетъ говорить, что они сами толкомъ не знаютъ, куда и зачѣмъ ѣдутъ. Но всѣ они рассказывали, что ночью у нихъ въ Совѣтѣ было такое настроеніе, что всѣ чувствовали себя способными передѣлать весь міръ.

Стало понятнымъ, что та психология недоверія къ власти, которая потоками исходила изъ Петрограда, должна была быть замѣнена энергичнымъ сосредоточеніемъ всего авторитета, власти и силы въ одномъ какомъ-нибудь учрежденіи. При сохраненіи двоевластія масса неминуемо должна была уйти и отъ Правительства и отъ Совѣта — вѣдь 20 го апрѣля солдаты и рабоче вышли противъ Правительства, но уже помню, а отчасти и противъ Комитета.

Однако и послѣ петербургскихъ событій было стараніе оттянуть и отъ неизбежнаго вступленія въ Правительство. Даже уже въ отвѣтъ на письмо Львова съ предложеніемъ образованія коалиціоннаго правительства, Комитетъ, правда,

большинствомъ всего одного голоса, рѣшилъ въ Правительство не входить. Но какъ разъ военный вопросъ самымъ непреодолимымъ образомъ выдвигалъ необходимость консолидація и укрѣпленія власти.

Послѣ инцидента съ «семью диктаторами» Корниловъ выразилъ желаніе уйти. Изъ военныхъ круговъ была выдвинута тогда мысль о частичномъ объединеніи власти для Петроградскаго Округа въ видѣ посланія къ Корнилову комиссаровъ отъ Комитета. Комитетъ согласился и выбралъ Соколова и меня въ качествѣ такихъ комиссаровъ. Мы видѣлись съ Корниловымъ и, казалось, достигли съ нимъ полнаго соглашенія. Но на другой день намъ сообщили, что Корниловъ все же рѣшилъ уйти въ отставку. Вслѣдъ за нимъ ушелъ Гучковъ, не пожелавшій долѣе нести ответственность «за тотъ тяжкій грѣхъ, который творится въ отношеніи родины», какъ онъ писалъ въ опубликованномъ при уходѣ письмѣ. Правительство вошло въ положеніе перманентнаго кризиса. Керенскій съ тоской говорилъ, что Правительства уже нѣтъ, что оно не работаетъ, а только обсуждаетъ свое положеніе... Власть, разбитая 20-го апрѣля, развалилась на части. Формула «поддержки постольку-поскольку» теритъ свой смыслъ уже потому, что не было кого поддерживать — Правительство надо было уже воссоздавать, а это было невозможно безъ участія Комитета.

Быть можетъ, и тутъ «близъ власти побѣдила бы. Но вѣсти съ фронта, привозимыя толпами делегатовъ, становились все мрачнѣе. Приходили какіе-то новые люди, озлобленные, негодующіе, требующіе заключенія немедленнаго

мира, бранище Правительство за медлительность и обман, а Комитет — за нерешительность по отношению к вероломному Правительству. Не данется ли за этих делегатах весь фронт, погружая страну въ мракъ анархич и полного уничтожения?

И через несколько дней послѣ первого своего рѣшенія Комитетъ вынужденъ былъ поставить вопросъ о власти вторично. И даже безъ прений просто послѣ заявления Церетелли — Я высказываюсь за коалиціонное Правительство. — вопросъ былъ рѣшенъ положительно. Была выбрана комиссия изъ представителей всѣхъ партій для переговоровъ съ Правительствомъ. На другой день, утромъ, на квартирѣ Липова начались переговоры. Представители Комитета явились съ готовой декларацией, выражающей ихъ стремленія. Мнѣ показалось что тогда декларация была прочитана въ Правительствѣ почувствовался вѣздъ облегченія. «Только-то» Терещенко и Некрасовъ не скрывали своего удивленія и предлагали немедленно перейти къ вопросу о личномъ составѣ. Но Липовъ сдержанно заявилъ, что необходимо обдумать декларацию въ средѣ Правительства. Представители Комитета отправились ожидать ответа въ ближайшій ресторанъ на Садовой обуждая на завтракомъ вопросъ о личныхъ кандидатурахъ. Между прочимъ рѣшено было не заставлять на уходѣ Милехова, наоборотъ, скорѣе склонить къ тому, чтобы онъ остался въ кабинетѣ, но не министромъ иностранныхъ дѣлъ. Черезъ некоторое время Церетелли былъ вытнанъ въ Правительство и вернулся съ поправками Правительства къ декларации. Послѣ нѣкоторыхъ переговоровъ редакціонный вопросъ былъ улаженъ безъ особыхъ трудностей. Но сразу съ

переходомъ къ вопросу о распредѣленіи портфель въ вопросъ началъ осложняться, напутываясь съ каждымъ часомъ.

Формально переговоры происходили въ кабинетѣ кн. Львова на Театральной улицѣ. Но тамъ только окончательно скреплялись рѣшенія, принятые въ другихъ мѣстахъ. Поэтому каждый этапъ переговоровъ, каждое предложеніе, каждая поправка должны были влечь за собой перерывъ переговоровъ для того, чтобы члены Правительства и представители Комитета могли съезжаться сами. Помимо общихъ засѣданій Правительства съ делегацией и засѣданій отдѣльно Правительства и отдѣльно делегации, происходило еще неформальное засѣданіе кадетскаго центральнаго комитета и Исполнительнаго Комитета. Кадеты сразу выставили рядъ существенныхъ требований: число мѣстъ кадетъ въ кабинетѣ должно быть не меньше числа мѣстъ для крайнихъ, помимо утвержденной декларации Комитета, должна быть новая Декларация Правительства и, принята декларация осужденія анархизма, при чемъ текстъ этой декларации, предложенный кадетами, былъ по тону явно непримлемъ для представителей Комитета, даѣе, при обсужденіи вопроса о личныхъ кандидатахъ, было выставлено требование чтобы портфель министра земледѣлія находился въ рукахъ кадетъ. Противоположныя вліянія шли изъ Таврическаго Дворца. Тамъ Комитетъ, оставшись безъ своихъ лидеровъ, хотѣлъ подѣ вліяніе Стеклова и началъ формулировать свои требования и ставить условия вхожденія представителей Комитета въ Правительство, тоже настаивая на томъ, чтобы цѣлый рядъ существеннѣйшихъ портфель — военный, внутреннихъ дѣлъ, иностранныхъ дѣлъ и, жо-

ично, земледѣльцы непремѣнно были въ рукахъ демократовъ. Къ этимъ двумъ влияніямъ присоединились побочныя. Уже въ разгаръ переговоровъ явились представители крестьянскаго съѣзда со своими требованиями и пожеланіями. Эсеры выставили ультимативнымъ условіемъ «Чернонъ» — министра земледѣлія. Народные социалисты — Министръ земледѣлія кто угодно, только не Чернонъ. Среди социалъ-демократовъ большое броженіе возбуждалъ вопросъ относительно министра труда. Чѣмъ же настаивали, чтобы Церетелли непремѣнно оставался въ Совѣтъ такъ какъ, съ его уходомъ въ Правительство, Совѣтъ выйдетъ изъ рукъ Комитета. Правительство настаивало на вхождѣ именно Церетелли, считая его единственно солиднымъ кандидатомъ демократовъ. Шингаревъ ни за что не хотѣлъ отказаться отъ продовольственнаго дѣла, такъ какъ хотѣлъ увидѣть результаты своихъ мѣропріятій по снабженію, которые должны были, по его мнѣнію, сказаться черезъ нѣсколько недѣль. Военные штабные круги выдвигали кандидатуру въ военные министры Пальчинскаго. Скобелеву хотѣлось быть морскимъ министромъ. Правительство настаивало, чтобы военнымъ и морскимъ министромъ былъ Керенскій. Для нѣкоторыхъ портфелей не находили министровъ (мин. юстиціи), для нѣкоторыхъ министровъ не находили портфелей (Церетелли). Къ этому присоединились влияния фронтовъ, такъ какъ, какъ разъ въ разгаръ переговоровъ, съ фронта пріѣхали въ Петроградъ Верховный Главнокомандующій Алексѣевъ и всѣ командующіе фронтами — Драгомировъ, Гурко, Брусиловъ и Щербачевъ, при чемъ они выступили съ рѣзко обличительными рѣчами. Рѣчи эти, очевидно, предназначались для Правительства, но

Правительство справедливо сочло, что речи эти были особенно полезны для Комитета, и предложило устроить соединенное заседание для выслушания голоса фронта.

Заседание проходило за заседанием, но принося результатов. Каждый день назначалось заседание презюма Съезда для того, чтобы, как только будет достигнут результат, сообщить ему. Но каждый день приходилось заседание отменить. Наконецъ пятого мая къ ночи, положение настолько запуталось, что была потеряна надежда достигнуть соглашения. Въ кабинетъ вн. Дѣловъ заседала делегация Комитета и крестьянского съезда. Въ глубинѣ квартиры заседали Правительство Керенскій и Некрасовъ. Они изъ одной комнаты въ другую въ качества посредниковъ. Но съ каждой минутой дѣло запутывалось и становилось безнадежнѣе. Въ мысляхъ комбинации были разобраны. Каждое предложение имѣло уже известный циклъ затруднений и возражений. Происходило явное туптание на мѣстѣ. Нервное напряжение достигло высшаго предѣла и выражалось въ чрезвычайномъ возбужденіи и раздраженіи другъ противъ друга. Уже даже не происходило обсужденія вопроса, просто всѣ говорили въ своихъ углахъ или, точнѣе кричали. Черновъ, взъерошенный и разъяренный, набрасывался на прижатого къ углу маленькаго Пышехонова, Гвоздевъ произносилъ какія-то послѣднія слова въ негодованіи на безтолочь всего происходящаго. — Даже Церетовли потерялъ равновѣсіе и, несмотря на мои пламенные призывы къ спокойствію, кричалъ, кажется на Чхеидзе. Какъ вдругъ объявили Керенскій и заявили, что рѣшеніе найдено. Въ сущности, та комбинація, которую сообщилъ Керенскій, была далеко не новой и имѣла много

возражений противъ себя¹⁾. Но всѣ рады были поддаться его настроенію. Попытокъ возраженій уже не слушали, недовольныхъ заставили замолкнуть.

Коалиціонное Правительство было образовано. Война и власть были приняты Комитетомъ одновременно.

¹⁾ Составъ коалиціоннаго Правительства былъ следующий. гн Г. Е. Львовъ — председатель и министръ внутреннихъ дѣлъ, А. Ф. Керенскій — военный и морской, Н. М. Черновъ — земледѣлія; Н. П. Переверзевъ — юстиціи, М. И. Терещенко — иностранныхъ дѣлъ, А. И. Шиховаревъ — фанасовъ, Н. В. Некрасовъ — путей сообщенія, А. И. Копыловъ — торговли и промышленности, А. В. Пешковъ — продовольствія, А. А. Мануйловъ — народнаго просвѣщенія, М. И. Соболевъ — труда; Г. И. Церетели — почты и телеграфовъ; В. Н. Зиневъ — обер-прокуроръ синода, Н. В. Голцевъ — государственныя контролеръ. Изъ ряда съ социал-демократовъ.

Глава третья.

НАСТУПЛЕНИЕ 18-го ІЮНЯ.

1 Подготовка наступленія.

Черезъ нѣсколько дней послѣ организаціи Коалиціоннаго Временнаго Правительства Исполнительный Комитетъ предложилъ мнѣ отправиться на сѣзды юго-западнаго и румынскаго фронтовъ. Этимъ сѣздамъ придавалось очень большое значеніе, и были даны директивы настаивать на томъ, чтобы сѣзды выразили готовность безъ всякихъ «постольку поскольку» поддерживать Правительство, и чтобы была признана необходимость активныхъ дѣйствій на фронтѣ. Задачи были очень важныя, такъ какъ агитация большевиковъ все усиливалась и, какъ намъ казалось въ Петроградѣ, грозила захватить армию всецѣло.

Въ неимоверно переполненномъ поѣздѣ отправились мы съ Шапиро въ Каменецъ-Подольскъ. Мы нѣсколько опоздали — сѣздъ уже зашѣдалъ до нашего прѣзда. Брусіловъ уже произнесъ рѣчь на немъ и былъ встрѣченъ чрезвычайно тепло. Но въ дальѣйшемъ тамъ начались доклады съ мѣстъ, рисующіе очень мрачную картину на фронтѣ, и настроеніе, жъ тревогѣ штаба и президума сѣзда, стало быстро по-

жились. Въ первый же вечеръ, изъ бесѣды съ президентомъ, мы поняли, что задача будетъ не легкой. Урачные доклады съ мѣстъ, гдѣ каждое слово дышало величайшей неохотой продолжать войну, удерживало рукоководителей съѣзда отъ того, чтобы сразу отдаться въ фарватеръ нашихъ благомыслящихъ «государственныхъ» и «воинственныхъ» тенденцій. Споръ начался изъ за того въ какомъ порядкѣ поставить вопросы на обсужденіе. Президентъ предполагалъ сперва обсудить вопросъ о войнѣ а потомъ о Правительствѣ. Мы настаивали на обратной постановкѣ вопросовъ, предпочитая встрѣтиться по болѣе академическому и безпорному вопросу и потомъ уже дать вой по кардинальному пункту. Президентъ сталъ склоняться въ нашу сторону, но тѣмъ большую оппозицію пришлось намъ встрѣтить со стороны представителя большевиковъ — пожилого, сѣдѣющаго прапорщика, по виду «окопнаго», съ какой то непомѣрно длинной шапкой болтающейся на обтрепанныхъ ремешкахъ, чуть ли даже не на веревочкахъ. Но, въ концѣ концовъ, мы добились своего — После засѣданія мы сказали, что большевикъ прапорщикъ былъ знаменитый на юго-западномъ фронтѣ Крыленко, въ которомъ я съ удивленіемъ узналъ давно знакомаго миѣ по университетской скамьѣ и по солѣту старость «товарища Абрама» — я прекрасно помнилъ его выступленія въ 1906 году на избирательныхъ собраніяхъ, гдѣ онъ постоянно выступалъ съ горячими и красивыми рѣчами противъ кадетъ. По утверждению всѣхъ, онъ представлялъ собой весьма сильную и опасную на съѣздѣ фигуру и приводилъ гаранте въ трепетное состояніе весь благомыслящій праядіумъ. Единственные надежды возлагались на Беренскаго, который обѣщалъ прѣхать на

съездъ и уже незримо присутствовалъ на немъ, воплывая своимъ именемъ новый поворотъ революціи само упоминаніе о томъ, что Керенскій обѣщалъ прѣхать, вызвало такой взрывъ восторга на съѣздѣ, который не уступалъ восторгу передъ рѣчью Брусилова.

На другой день были закончены или точнѣе прерваны доклады съ мѣстъ. Хотя уже второй день выступали ораторы, но неслыханно ничего новаго и все время повторяя одно, что на фронтѣ очень плохо и тяжело. Делегаты все не хотѣли закончить этихъ докладовъ, такъ какъ каждый хотѣлъ самъ своими собственными словами, отъ имени своихъ собственныхъ избирателей, сказать то же самое считая это и своимъ долгомъ и своимъ неотъемлемымъ правомъ. И съ трудомъ удалось ихъ убѣдить перейти къ другимъ вопросамъ.

Первую рѣчь по вопросу объ организаціи власти говорилъ Шаниро и имѣлъ весьма хороший успѣхъ. Очевидно, что вопросъ относительно поддержки Правительства не вызывалъ трудностей. Но вотъ неожиданно послѣ него выступилъ Крыленко съ яркой рѣчью противъ Правительства, желавшаго продолжать войну. Углубленію революціи, осуществленію народныхъ желаній въ тылу — вотъ задача внутренней политики, которая сама собой разрѣшитъ и внѣшній вопросъ. Разрывъ съ прежними началами международной политики, которые зиждились на принципахъ — «Грабь на томъ концѣ улицы, пока я граблю на этомъ» — дастъ миръ скорѣе, чѣмъ всѣ колыма жертвы и потоки крови.

Крыленко имѣлъ крупнѣйшій успѣхъ. Очень шумные аплодисменты и живое сочувствіе очень многихъ на съѣздѣ. «Большинства или меньшинства?» задавали себѣ вопросъ во время перерыва. Не будетъ ли сорванъ съездъ?

Послѣ перерыва заставили говорить меня. Маленькій инцидентъ помогъ мнѣ найти, какъ мнѣ казалось, подходящий тонъ. Кто-то изъ публики подалъ въ президиумъ бумажку съ вопросомъ, сколько марокъ получилъ Крыленко за свою рѣчь. Предсѣдатель отчиталъ эту записку нѣсколькими негодующими замѣчаніями. И я началъ съ того, что завѣрилъ, что давно знаю Крыленко, какъ стойкаго товарища въ борьбѣ за свободу и поэтому съ негодованіемъ отвергаю клеветническія инсинуации. Но именно потому, что я его знаю, я скорблю о его рѣчи, о злодѣйскихъ въ ней тенденціяхъ къ гражданской войнѣ и много войны на фронтѣ. Окончилъ я рѣчь указаніемъ что, каковы бы ни были слѣды здѣсь, мы ожидаемъ что, когда будетъ вынесено рѣшеніе, меньшинство подчинится большинству. Иначе, пригрозилъ я революціонная взять съѣзду съравиться съ невооруженнымъ меньшинствомъ.

Сдержанный но рѣшительный тонъ моей рѣчи сказанной отъ имени Петроградскаго Съѣзда отъ вышнихъ учрежденій революціонной демократіи вызвалъ сочувствіе. Меня прерывали аплодизментами почти на каждой фразѣ, причемъ иногда всѣ съѣздъ поднимался съ мѣста. Послѣ окончанія были устроены оваціи — члени президіума и даже Брусиловъ цѣловали меня. Голосованіе предложенной нами резолюціи собралъ ровно девять десятыхъ голосовъ.

На другой день послѣ голосованія революціи пріѣхали Керенскій и произнесъ одну изъ своихъ самыхъ блестящихъ, мужественныхъ и изъ душевныхъ рѣчей. Безграничныя оваціи въ полномъ единодушіи. И черезъ часъ — объ этомъ сообщалось въ пресидіумъ — въ кулуарахъ уже были слышны рѣчи большинства относительно

сапогъ министра, въ которыхъ можно было идти въ наступление. Но все же впечатлѣнiе было очень большое, давало какой-то порывъ, страстность и вѣру.

Ярко сказалось это на одномъ инцидентѣ. Крыленко проманилъ, уже послѣ отъезда Керенскаго на фронтъ, вторую рѣчь, при чемъ ему была задана вопросъ, что онъ будетъ дѣлать, если большинство выснажется за необходимость наступления. И онъ, не задумываясь, отвѣтилъ:

— Я идѣсь высказываюсь противъ наступленiя... Но если товарищъ Керенскiй или нашъ главнокомандующiй дадутъ приказъ начать наступление, то, хотя бы вся моя рота осталась въ окопахъ, я одинъ пойду на пулеметы и на проволоку противника.

Слова его были покрыты восторженными рукоплесканiями. Я подошелъ къ нему и пожалъ его руку. Если добавить къ этому упорно циркулировавшее на съѣздѣ разсказъ о томъ, что Крыленко приказъ во время рѣчи Керенскаго, то станетъ понятнымъ, что руководители съѣзда порицали меня за ненужную суровость моей второй рѣчи гдѣ я указывалъ, въ какихъ предѣлахъ революционная власть можетъ допустить въ армии расхождение мнѣнiй. Вся атмосфера съѣзда стала не соответствующей для рѣзкихъ словъ и выраженiй. Нѣкоторое благодушiе овладѣло и штабомъ: я бесѣдовалъ довольно долго съ Брусилковымъ и убѣдился, что онъ смотрѣлъ на положенiе армии значительно спокойнѣе и увѣреннѣе, чѣмъ мы въ тылу, и не сомнѣвается въ ея оздоровленiи и способности къ боевымъ дѣйствiямъ. Даже иностранецъ министръ Тома, прiѣхавшiй вмѣстѣ съ Керенскимъ, былъ въ восторгѣ отъ всего видѣннаго и слы-

шанлагот, воядымаа рухт горѣ, славословиѣ
русскую революцію

Но ато была праздничная сторона дѣла Буд
ничная сторона была тоже по своему колоритна
Въ комисіяхъ сѣзда во время перерыва обсу
ждались проекты устава о комитетахъ поднима
лись общіе организационные вопросы, вопросы
постановки новой дисциплины и пр И нека
кѣнно всѣ проекты казались неудовлетворитель
ными Бѣлая регламентация воспринималась уже
какъ стѣснение Даже избираемому комитету не
хотѣли предоставить какихъ либо значительныхъ
функций настаивал на томъ, чтобы дѣла рѣ
шались «малою» А вмѣстѣ съ тѣмъ этихъ ко
митетовъ на-траивалась безконечная масса Я
какъ-то блуждал по комиссіямъ, набрѣлъ на ве
теринарную, которая обсуждала свой организа
ционный уставъ Оказалось, что въ уставѣ пред
усматривались корпусные армейские фронтовые
комитеты, комитетъ при Ставкѣ и комитетъ при
ветеринарномъ управленіи въ Петроградѣ Я по
пробовалъ сдѣлать принципиальное замечаніе
относительно такой траты силъ в такой слож
ности въ управленіи Но мнѣ былъ данъ успо
коительный отвѣтъ, что все это уже осуще
ствлено въ жизни, что уже былъ сѣздъ пред
ставителей ветеринарныхъ комитетовъ, и гото
вится новый сѣздъ ..

Сила новыхъ организационныхъ идей, кото
рыя влились въ основу всѣхъ этихъ чудовищ
ныхъ проектовъ, рельефно сказалась на сѣздахъ
при обсужденіи вопроса о предстоящей формѣ
правленія въ Россіи Конечно относительно рес
публики не было спора Но нуженъ ли въ Рос
сіи президентъ? И при голосованіи соотвѣт
ствующихъ тезисовъ весь сѣздъ, большинствомъ
всѣхъ голосовъ противъ одного робкаго офице

рика, рѣшилъ, что Россія должна быть безъ президента.

«Президента не будетъ!» резюмировалъ председатель результатъ голосования, и поднялась такая буря апплодисментовъ, какъ будто была совершена вторая революція, и страна избавилась отъ какого-то тирака. При такихъ настроеніяхъ неудивительно, что Степунъ, попробовавши внести резолюцію о принужденіи меньшинства подчиняться большинству въ практической работѣ въ арміи, сразу поколебалъ свою весьма большую популярность на съѣздѣ и его резолюція, точно также какъ и моя, составленная въ болѣе мягкихъ тонахъ, провалились. И не только провалились, но и вызвали горячій протестъ среди членовъ съѣзда, стоявшихъ, повидимому, въ общемъ на нашей точкѣ зрѣнія. И теперь еще помню горящіе глаза одного изъ членовъ президіума, доказывавшаго мнѣ свято тѣтственностъ намѣренія наложить вѣншія узы на волю человѣка, не вѣрить его внутреннему существу...

«Такихъ анархій» — вотъ извѣстное изреченіе, которое я далъ уже тогда.

Къ концу съѣзда пріѣхалъ матросъ Баткинъ. Онъ произнесъ захватывающую рѣчь отъ имени черноморскаго флота и вызвалъ новый приливъ энтузіазма, скрасившій слишкомъ дѣловымъ заседаніемъ конца съѣзда. Послѣ его рѣчи въ комитетъ президіума я спросилъ его, что онъ ищетъ такое на клочкѣ бумаги.

— Резолюцію.

— О чемъ?

Объ отношеніи къ войнѣ и власти.

— Да вѣдь уже приняты резолюціи.

— Все равно, я знаю, что эти резолюціи недостаточны.

Съ трудомъ президіуму удалось уговорить его не пытаться переделывать всю работу съезда заново.

Въ качествѣ комиссара 7-ой армии, приѣхавъ на съездъ Савинковъ Я уговорилъ его выступить съ приветственной рѣчью съезду, чтобы сразу познакомить съ собою фронтъ. Онъ согласился и произнесъ нѣсколько условныхъ и сдержанныхъ фразъ.

Въ Одессу я поѣхалъ вмѣстѣ съ Керенскимъ. Опять торжественная встрѣча — Керенскому, конечно, насъ съ Соколовымъ президіумъ подозрительно долго допрашивалъ какой позиціи будемъ придерживаться на съездѣ такъ какъ опасался что мы идемъ съ интернационалистическими тенденціями. Опять затанцованное дыханіе многотысячной аудиторіи не поддающееся никакому воздействию, море красныхъ знаменъ, нѣмне революционныхъ пѣсень. Ничего ярко не можетъ привлечь глазъ переполненного большого театра неистовствуетъ въ овацияхъ. Керенскій стоитъ на эстрадѣ, красные, расшитыя знамена вѣтъ депутатовъ остигаютъ его. А невдалекѣ за нимъ стоитъ адмиралъ въ бѣлой формѣ съ орденами, орденами, бѣлыми английскими лицами — адмиралъ Кошчакъ.

Работа съезда ничѣмъ не отличалась отъ юрочамадского, и наши резолюціи были приняты тѣмъ же большинствомъ голосовъ — приближенно девять десятыхъ.

Послѣ возвращенія въ Петроградъ, я около двухъ недель пробылъ начальникомъ политическаго отдѣла въ кабинетѣ вѣнаго министра. Формально это была весьма скромная должность, но на самомъ дѣлѣ, по тѣмъ ожиданіямъ и требованіямъ, которые связывались съ нею — одна изъ существеннѣйшихъ въ системѣ военнаго

управления. Начальники военных управлений часто приходили ко мне, советуясь относительно тех или иных мероприятий. И когда я созвал совещание из представителей ведомств для обсуждения намеченных реформ в армии — к моему смущению, собрался весь генералитет. Поэтому я естественно прежде всего постарался привлечь военных сотрудников, в чем, мне казалось, преуспел П. М. Толстой, всю войну проведенный на фронте, прекрасно знавший со штабной техникой, с добросовестным усердием и увлечением погрузившийся во все тонкости нового законодательства, и, в свою очередь, выписавший себя с фронта нескольких помощников, знакомых с жизнью армии. Ф. А. Степун, ярко и образно воспринимавший военные впечатления, любящий южного фронта, приехавший по моему вызову с массой впечатлений о новых методах работы в армии, привыкшему к санитарному, мечтающий о сильной власти, и возможности не только управлять, но и управлять армией. Утисф, сын, кажется, варшавского генерал-губернатора, красочный эсер, один из популярных офицеров в Петроградском гарнизоне, предсказавший комитетскую систему управления и стойко борившийся за совет за удержание компетенции и власти комитетов и, возможно утисф предвзвешивавший и поэтому настаивавший на установлении их сверху, а не снизу. Банин, бывший, перешедший с каторги и отличавшийся неукротимой энергией. Подковник Багратуни, считавшийся одним из выдающихся молодых офицеров генерального штаба, с большим боевым опытом, выдающийся офицерский сыздом в Петроград. Мне казалось, да и теперь кажется, что все они вместе давали возможные

максимумъ соединенія военнаго элемента съ общественнымиъ.

А вместе съ тѣмъ, воспоминанія о двухъ недѣляхъ на этой должности составляютъ для меня непрятнѣйшіе моменты за все время войны, такъ какъ все время я былъ подавленъ ощущеніемъ безпомощности, и при томъ не только своей безпомощности.

Съ первыхъ же дней образования, отдѣлъ сталъ заваливаться всевозможными дѣлами, бумагами, прошениями докладами. Новые вопросы, и при томъ нуждающіеся въ точныхъ юридическихъ свѣдѣніяхъ, въ сношеніяхъ, возникали ежедневно десятками. Между тѣмъ, во имя принципа экономіи, мы стѣснялись съ разантіемъ питанья — не хотѣлось начинать работу съ постройки большого бюрократическаго аппарата. И все количество сотрудниковъ въ полномъ составѣ едва успѣвало прочитывать поступающія бумаги, не только что надлежащимъ образомъ разрѣшать текущіе дѣла. Я видалъ тоже политическій отдѣлъ уже въ видѣ цѣлаго управленія — но, по моему положенію в тогдѣ осталось то же, ибо, въ концѣ концовъ, нельзя объять необъятное. Кроме того, преслѣдовали мелочи, о которыхъ даже неловко говорить, но которыя составляли немаловажную причину трудностей и, по моему, не только въ военномъ министерствѣ иногда приводили къ крупнѣйшимъ результатамъ. Во всемъ отроѣ отъ шенъ произошелъ переломъ, и началась дезорганизация. И это отражалось даже на такихъ мелочахъ, какъ установка телефона, подача автомобиля, регистрація бумагъ, переписка, экспедиція, дежурство писарей, пріемъ посѣтителей, пріисканіе конѣшеній — являлись мелкія трудности, осложнявшія работу, отвлекавшія максимумъ, отнимавшія время.

Въ конечномъ счетѣ, это давало такой результатъ, что было нѣсколько людей, но не получалось учреждения, не было механизма.

Непосредственнымъ источникомъ воли и мысли для отдѣла, минуя Барановскаго, долженъ былъ явиться самъ Керенскій. Но онъ былъ рѣшительно переобремененъ всевозможной работой, представительствомъ и засѣданіями въ совѣтѣ министровъ, которыя происходили ежедневно. По цѣлымъ днямъ не приходилось видѣть его или видѣть только мелькомъ. Иногда мы съ моими сотрудниками вынуждены были дожидаться Керенскаго до 3 часовъ ночи, т. е. до окончанія засѣданія совѣта министровъ для того, чтобы ночью разрѣшать существеннѣйшіе вопросы управления арміею днемъ же насъ вѣчно откладывали или перерывали. Кроме того, Керенскаго постоянно вызывали (ставка и фронтъ), такъ что въ время со 2-го мая по 9-ое июля онъ былъ въ Петроградѣ меньше трехъ недѣль. Ближайшими помощниками и совѣтниками Керенскаго были Тумановъ, Якубовичъ и Барановскій. Всѣ трое — офицеры генеральнаго штаба. О двухъ первыхъ я слышалъ не разъ и до революціи, какъ о блестящихъ офицерахъ, подающихъ большія надежды. Оба они въ первый же день революціи пришли въ Таврический дворецъ, понимая существо совершившихся событій, и сумѣли наладить хорошия отношенія съ Исполнительнымъ Комитетомъ, старательно толкая его на бережливое отношеніе къ арміи, разрѣшая тысячи повседневныхъ трудностей. Но, какъ помощники военнаго министра, они оказались въ ложномъ положеніи: они недостаточно были проникнуты общественнымъ духомъ, чтобы импонировать военному міру, и были недостаточно авторитетными военными, чтобы импонировать обще-

ственнымъ крутамъ. И адъсь и тамъ къ нимъ относились съ маломъ ироніею.

Все время министерству приходилось выдерживать напоръ страстныхъ, а подчасъ и подозрительныхъ лицъ. Всѣ считали своимъ долгомъ спасать армию, и очень многие хотѣли на этомъ и поживиться. Какой то офицеръ предлагалъ устроить заговоръ противъ Совѣта и, собравъ на Дворцовой площади солдатъ, желающихъ идти на фронтъ, произвести переворотъ. Батюнкъ, съ карманами, полнымъ асигнацій и показывая эти асигнаціи своимъ собесѣдникамъ, рассказывалъ о своихъ успѣхахъ на митингахъ. Капитанъ Муравьевъ таинственно напентывалъ о необходимости ударныхъ батальоновъ, составленныхъ изъ юнкеровъ. Представители различныхъ общественныхъ организаций требовали субсидій для просвѣтительной дѣятельности на фронтѣ. Былъ даже чудакъ-офицеръ, корчившій изъ себя казармаго большака, который подавъ заявление о необходимости назначить его адъютантомъ военнаго министра.

Все это пустяки, но все это было изъ танокъ количествъ, и такъ трудно было отгородиться отъ этого и отгородить Керенскаго, что невольнае отрывало отъ болѣе существенныхъ дѣлъ.

Но главная трудность была въ томъ, что не было определенной программы дѣятельности формально, словесно, вопросъ ставился о необходимости строить «новую», «революционную» армию. Но существу же поскольку главной задачей ставилось продолженіе войны на фронтѣ, въ основу дѣятельности могла быть положена лишь чрезвычайной консерватизмъ, цѣлкомъ, упорное отставаніе всего стараго и, пожалуй, дикіе выдвиганіе новыхъ лицъ. Между тѣмъ, фактически дѣло сводилось къ тому, что всѣ бое-

ные власти и Ставка, и всё управление, и военное министерство — лишь регистрировали приказы и уставы уже фактически пройденные этапы быстрого распада армии.

Прежде всего распадалась власть. Распалась уже давно, сразу после революции, еще при Алексееве, Гучкове и Корнилове. Армия, построенная на автоматизме, механичности и строгой формализации, оказалась без всяких уставов, без всякой власти. Привыкшая отбывать только «Такъ точно», «Никакъ нѣтъ» и «Не могу знать», вдругъ заговорила, зашумѣла, заспорила, засамоопредѣлялась. Построенная на противопоставлении нижняго чина офицерскому званию — самоуправлялась на основѣ самой демократической четыреххвостки.

Основнымъ вопросомъ, конечно, былъ вопросъ относительно комитетовъ. Нельзя и праздно теперь поднимать вопросъ относительно допустимости или недопустимости въ арміи комитетовъ. Никто не только въ военномъ министерствѣ, но, быть можетъ, и въ средѣ самихъ комитетовъ никогда не сомнѣвался, что вообще комитеты только зло. Вызванный, председатель комитета 5-ой арміи, формулировалъ свое отношеніе къ комитетамъ такимъ образомъ: «Задача нашего комитета довести армию до такого состоянія, чтобы, по приказу командующаго арміей, любая часть арестовала безъ колебаній комитетъ. Тогда мы, дѣятель комитета, скажемъ: наше долге передъ родиной выполнено». Но положение было таково, что не было полка, который безъ противодействія комитетовъ не арестовалъ бы свое начальство. Поэтому самъ командный составъ настаивалъ на созданіи комитетовъ, видя въ нихъ свое спасеніе. Въ дѣлительномъ процессѣ комитеты могли только разѣсть и расшатать

армию и всю военную систему. Но на первых порах — они только спасли ее от самосторанья, от моментального распада фронта. Комитеты в армии явились одновременно, подчас раньше, чем комитеты в частях Петрограда, ввиду явным порядком и в большинстве случаев по инициативе командного состава. Приказы Алексеева уважили бытие комитетов, приказы Гучкова их регламентировали. Но жизнь не укладывалась в рамки приказа, и Керенский — санкционировать существование комитетов по обычному праву. Но комитеты, в сущности не нуждались в такой санкции. В «Ручеводах», «Исполнительных», «Исполнительных», «Корпусных», «Коморетных» и «Исполнительных» стали крупнейшей неотъемлемой силой в жизни армии, прежде чем Петроград для Ставки указал об их существовании. Фактически к маю месяца вся армия с низу до верху была окомитетчена. Но, конечно, это не было новым порядком. Хотя бы уже потому, что сами комитеты были чрезвычайно разнообразны. В каждой армии, в каждом корпусе, даже в дивизии, даже в полку — комитеты строились по-разному. Уже в полк месяца я встречал дивизии, в которых каждый полк имел комитет, построенный на иных основаниях: в одном — офицеры и солдаты выбирали совместно, в другом — определенное количество членов комитета делегировалось от солдат и определенное количество от офицеров, в третьем, наконец — существовали отдельно офицерский и отдельно солдатский комитет. Права, обязанности, порядок сношений, довольствие, численность — все варьировалось до безконечности. Сознавание невозможности такого положения было всеобщим. Стоит о «Положении о комитетах»

несся со всѣхъ угловъ армій. Всѣ сѣзды, рядъ комиссій, ставка, военное министерство всѣ занимались этимъ вопросомъ. Но неуклюжее и нескладное въ жизни оказывалось еще уродливѣе на бумагѣ. Вся противорѣчивость существа комитетовъ вочюю сказывалась, какъ только ихъ пытались догматизировать. Всѣ проекты удовлетворяли только одного составителя. Теоретически становилось все яснѣе что нужно или уничтожить армію или уничтожить комитеты. Но практически нельзя было сдѣлать ни того, ни другого. Комитеты были яркимъ выраженіемъ неизлѣчимой социологической болѣзни арміи, признакомъ ея истиннаго умирая, ея параличомъ. Но было ли задачей военного министерства ускорить смерть рѣшительной и безнадежной операціей?

Вторымъ моментомъ разложенія арміи былъ національный вопросъ. Въ русской арміи уже существовали національныя части латышскія и чехо-словацкія. Оба опыта дали очень хорошіе результаты. При общихъ децентрализаторскихъ тенденціяхъ новой власти и политики довѣрія къ національностямъ было бы страннымъ принципиально возражать противъ того, что допускала даже старая власть. Развѣ украинцы выказываютъ меньше довѣрія, чѣмъ латыши? Или чѣмъ хуже литовцы и эсты, чѣмъ украинцы? Но значило ли это, что надо допустить полную перетасовку всей арміи — вѣдь не менѣе 50% всего состава приходилось расортировать по половому. Кромѣ того, новыя національныя формированія, въ связи съ признаніемъ независимости Польши, декларацией правъ народовъ на самоопредѣленіе и общими измѣненіемъ въ тонѣ общественной жизни, получили совершенно новый характеръ. явились въ новомъ свѣтѣ. Старое Правительство создавало только матеріаль-

ную силу не из солдат одной национальности. Но, при общем стѣсненіи свободы, при отсутствіи печати при стѣсненіяхъ партійной работы, оно могло не болѣть, что эта сила будетъ использована для цѣлей, враждебныхъ государству. Но теперь всѣ народы зашевелились, почувствовали свою обособленность отъ цѣлаго Россіи. Дюбюръ-Мусниціи, командиръ польскаго корпуса, недовольный тѣмъ, что фронтальной комитетъ высказалъ пожеланіе объ образованіи комитетовъ въ польскихъ частяхъ, смелъ себя въ правѣ высказать мнѣ, что онъ принципиально считаетъ возможнымъ, что польская армія, какъ иностранная, покинетъ Россію. Украинцы на своемъ съѣздѣ на западномъ фронтѣ приняли резолюцію, что, если ихъ требованія не будутъ удовлетворены Правительствомъ, то они заключатъ сепаратный миръ съ противникомъ. Другія национальности не шли такъ далеко, но все же признавали что выдѣленіе городовъ изъ общей арміи и сведеніе ихъ въ особыя формированія — ихъ неотъемлемое право, завоеванное русской революціей, и самолично разсматривали требованія и приказы, стояли съѣзды и грозили такими дерзасовками въ арміи, которыя сами по себѣ грозили въ первыхъ порахъ свести къ нулю ея боеспособность. Значитъ — запретить? Но вотъ Керенскій, опредѣляемый противникъ національных формированій, запрещать украинскій войсковой съѣздъ. Но на практикѣ это свелось къ тому, что делегаты съѣзались не въ порядкѣ командировокъ, какъ на разрѣшенный съѣздъ, а въ порядкѣ отпусковъ, и весь съѣздъ прошелъ въ явѣ выраженіемъ враждебнаго отношенія къ Правительству.

Если къ этому добавить, что армія, кромѣ комитетовъ, получила еще комиссаровъ, тоже

безъ опредѣленныхъ, регламентированныхъ функцій и обязанностей, что, помимо группировки по национальностямъ, происходила еще группировка по родамъ оружія и специальностямъ, что на ряду съ «демократизацией» арміи шелъ въ ней процессъ консолидации недовольныхъ элементовъ въ офицерскихъ организацияхъ — и все это дѣлалось повсемѣстно, стихійно, самоотверженно, ни одинъ дѣятель, ни одна партия, ни одно политическое течение просто не были въ состояніи сдѣлать столько ошибокъ, даже если бы сознаваемо хотѣли губить армію — стануть для насъ безконечными трудности военного управленія въ то время. Темъ болѣе, что до Милостерства и до Ставки это все доходило нестройной толпой ходяковыхъ, депутацій, делегатовъ, протестовъ, записокъ, протестовъ, требований. По вопросу о польскихъ формированияхъ ежедневно приходили пакеты — отдельно отъ правящей и отдельно отъ лѣвицы — со взаимными жалобами и упреками. Ежедневно приходили вопросы къ Ставке, съ фронтовъ и отъ комитетовъ, какъ быть съ украинцами, безъ спросу распоряжающимися въ арміи. По нѣскольку разъ въ день являлись представителями двухъ организаций летчиковъ «Авиаканца» и какого-то другого мнимическаго существа, ведущихъ между собой долгую тяжбу и въ за мѣста союзна сабада летчиковъ.

Въ такихъ условіяхъ велась работа задачей которой была полная координація всѣхъ дѣйствующихъ въ арміи силъ. До сихъ поръ былъ разбродъ и ни, что немногимъ лучше, координація на Исполнительный Комитетъ, на его многородныхъ комиссію. Нужно было переобратить вниманіе на Правительство и если не организовано то фактически свести всѣ нити въ рукавъ Правительства для того, чтобы оно могло

начать управлять арміей. Медленно, но вѣрно продолжалась работа. Съ одобрения Керенскаго начинали, впервые послѣ революціи, примѣнять силу (сперва на румынскомъ, потомъ на юго-западномъ фронтѣ) Самъ Исполнительный Комитетъ начиналъ помогать власти, во всякомъ случаѣ не сопротивлялся, не боролся за свои прерогативы. Но тутъ выступилъ моментъ времени: его не было, ибо близилось уже рѣшительное испытаніе арміи

2. Наступленіе.

Каково бы ни было состояніе арміи, оно не снимало вопроса объ активныхъ дѣйствіяхъ. Какъ разъ въ концѣ мѣсяца открылся съѣздъ совѣтовъ, на которомъ войсковые представительные органы были представлены очень полно. Было специально военное собраніе для того, чтобы представители армій могли высказать свои пожеланія Керенскому. Общий голосъ солдатскихъ представителей былъ за наступленіе. Даже Крыленко, который какимъ-то образомъ умудрился явиться представителемъ одной изъ южныхъ армій, говорилъ (очевидно, по наущенію своихъ товарищей), что армія находится въ такомъ состояніи, что если ее не поведутъ впередъ, то она сама можетъ пойти назадъ, словомъ, хотя съ оговорками, но недвусмысленно высказался за наступленіе

Къ политическимъ мотивамъ присоединялись и военно-стратегическіе. Уже въ прежнихъ разговорахъ въ Ставке указывалось, что необходимо чтобы дѣломъ наша армія проявила активность для того, чтобы облегчить задуманныя

грандиозныя операція союзниковъ на западномъ фронтѣ. Въ послѣднее же время Брусилловъ, уже будучи Верховнымъ Главнокомандующимъ, настаивалъ на скорѣйшемъ наступленіи, такъ какъ имѣлись свѣдѣнія о переброскѣ силъ противника на нашъ фронтъ, и было опасеніе, что противникъ самъ предположитъ перейти въ наступленіе, и Ставка хотѣла предупредить его.

Наступленіе было назначено на 10-ое, потомъ на 15 июня Керенскій по условію долженъ былъ ѣхать на фронтъ. Я сопровождалъ его. Мы приѣхали въ Тарнополь въ день начала артиллерійской подготовки, и командование фронтомъ рѣшило использовать пребываніе Керенскаго для агитаціи въ арміи. Въ первый же день его повезли въ 1-й гвардейскій корпусъ.

Колоссальная масса солдатъ — это была наиболѣе многочисленный митингъ изъ всѣхъ, видѣнныхъ мной тысячь, вѣроятно до 15-ти. Тутъ же весь командный составъ. Все это расположилось въ дощанихъ съ полукруглыми боками, сплошь покрытыхъ солдатскимъ моремъ. По серединѣ автомобилей Керенскаго. Въ общемъ митингъ проходилъ гладко. Но командный составъ былъ въ волненіи — главный агитаторъ и смутьяны, капитанъ Дзевалтовскій, знаменитый большевикъ, не явился на митингъ, и поэтому, по мнѣнію команднаго состава, митингъ наполовину терялъ свое значеніе, такъ какъ останутся неопровергнутыми главные аргументы, колеблющіе порядокъ. Между тѣмъ, Дзевалтовскій съ двумя наиболѣе непокорными и деморализованными полками расположился въ сторонѣ и въ серединѣ митинга прислалъ депутацію къ Керенскому съ просьбой прійти къ нимъ. Положеніе было затруднительное — Дзевалтовскій, очевидно, хотѣлъ уловиться отъ боя или дать бой въ об-

становил, наиболее благоприятной для него, окруженный преданной ему аудиторией Керенский встал во весь рост и поставил на голосование всего митинга вопрос кому идти ему за к отделившейся части корпуса, или отделившейся части присоединиться ко всем. Шестинной мгновенно, без колебаний поднявшихся рук, собрание единодушно постановило отделившиеся должны присоединиться ко всем. Делегаты, смущенные, как побитые отправились назад. Митинг продолжался, но несколько сумбурило — комиссару 11-ой армии Кириенко не дали договорить до конца, часть митинга покинула поле в видѣ протеста против своего же собственного решения. Однако, митинг был доведен до конца. Но тут выступало начальство. Обезпокоенное, что Керенскому не пришлось передь солдатами опровергнуть аргументы Дзевалтовского, оно стало настаивать на томъ, чтобы Керенский, несмотря на его торжественный отказ, несмотря на то, что отделившиеся были осуждены «всѣмъ миромъ», отправился къ гренадерамъ. Особенно возмущался командиръ корпуса, ген Нилькевичъ, который плакался, что если не произойдетъ встречи съ Дзевалтовскимъ, то весь смыслъ похищения министра пропадетъ. Сначала Нилькевичъ пробовалъ убѣдить меня воздействовать на Керенского, но я определенно сказалъ, что даже не понимаю, какъ можетъ ставиться подобный вопросъ послѣ всего, что произошло, послѣ того, какъ приказъ не быть выполненъ. Не слушая дальнейшихъ аргументовъ, я направился къ автомобилю, стоявшему на дорогѣ, оставивъ Керенского бесѣдующимъ съ нѣсколькими солдатами. Но не успѣлъ я дойти до автомобиля, какъ увидѣлъ, что автомобиль Керенского повернулъ и поѣхалъ прямо

къ Гренадерскому полку. Оказалось, Ильиничу удалось уѣхать Керенского. И началась позорная картина бесполезного словопрения съ заведомо несогласными. Первую рѣчь тонкимъ обаяниемъ произнесъ Дзевалтовскій, самоуверенно и вызывающе повторившій всѣ нападки большевистской прессы. Потомъ по пунктамъ отзывалъ Керенскій, потомъ опять говорилъ Дзевалтовскій. Настроенные солдаты были неопредѣленны. Часть аплодировала Дзевалтовскому, часть, не меньшая, Керенскому, но большинство слушало молча, думая про себя свою думу и, вѣроятно, не отдавая себѣ отчета въ происходящихъ спорахъ и смутно сознавая, что вопросъ шель о кардинальнѣйшемъ для каждого вопросѣ — идти въ наступление или не идти. Въ общемъ, конечно, была провала. Впечатлѣние уступчивости керівительности власти на фонѣ растерянности командного состава не предвѣщало ничего добраго.

Я потомъ спрашивалъ Дутокина, бывшего тогда начальникомъ штаба юго-западнаго фронта, какъ это военные не понимаютъ, что подобныя выступленія необходимо дискредитировать по военному. Войска должны быть выстроены, чтобы чувствовалась подтянутость. Онъ, повидимому, соглашался со мной и, во всякомъ случаѣ, въ неудачѣ посѣщенія корпуса винилъ командира корпуса. Второй день пребывания на фронтѣ прошелъ въ безѣмелыхъ выступленіяхъ въ разныхъ частяхъ. Было, однако, ясно, что, когда дѣло стало подходить къ рѣшительному шагу, настроеніе солдатскихъ массъ быстро падало. Аргументы и убѣжденія не улучшали положенія, но ухудшали, такъ какъ вызывали мысль, что солдаты волею убѣдиться аргументами или не убѣдиться, что не упрѣждало, а лишь расшатывало

дисциплину. Но едва ли кого можно внять въ создавшемся положеніи Въ минуту, когда дезорганизованныя толпы солдатъ вышли на улицы Петрограда, передъ русскою общественностью встало два пути или сразу загнать толпу въ казармы, стрѣляя вмѣстѣ съ спрятанными городскими съ чердаковъ, или убѣждать солдатъ. . Начали убѣждать, сперва въ Петроградѣ, потомъ, естественно, по просьбѣ самого начальства, и на фронтѣ. И первый, кто почувствовалъ, что уговоры въ арміи не достигаютъ цѣли, и что революціонная власть, если хочетъ имѣть армію, должна научиться приказывать ей и пріучить къ повиновенію безъ разсужденій — былъ Керенскій. Черезъ нѣсколько дней, въ отѣйтъ на просьбу главнокомандующаго западныхъ фронтовъ Деникина пріѣхать въ армію для аттаچی, Керенскій отѣтилъ телеграммой, гдѣ была приблизительно слѣдующая фраза

«Время разговоровъ и уговоровъ въ арміи прошло. Надо приказывать, а не митяговать»

Ночь передъ наступленіемъ я хотѣлъ было провести въ окнахъ, но сдержавшись на какихъ-то «уговариваніяхъ» и вынужденъ былъ, вмѣстѣ съ Кириенко, заночевать на полу какой-то избы. Рано утромъ 18го июня мы уже были на фронтѣ.

Артиллерійская стрѣльба была ожесточенной съ обѣихъ сторонъ. Надъ головою неустанно проносились свистящіе, шипящіе и стонущіе звуки снарядовъ. Гора Могилъ, куда мы направились, дымилась, какъ вулканъ, такъ что начальники дивизій утверждали, что онъ никогда не выдавалъ ничего подобнаго. (Значить, артиллерія противника не подавлена, подумалось мнѣ. Мы обходили окопы, прокидывая борозды рѣчи дуч

камъ солдатъ, которые сгруживались около насъ, присѣдая къ землѣ и прижимаясь къ стѣнамъ окоповъ. Несмотря на сильный огонь противника и неустанный свистъ шрапнели и осколковъ. Въ одну кучку солдатъ попалъ снарядъ, едва мы успѣли отойти отъ нея за брустверъ. Къ моменту, когда должна была начаться атака на этомъ участкѣ, мы подошли къ первой линіи окоповъ. Но скоро пришелъ приказъ атаку отставить, такъ какъ сосѣдній участокъ не успѣлъ выполнить своей задачи.

Громадное впечатлѣніе произвели на меня бросающіеся въ глаза технические подчеты. Участокъ, имѣвшій по планамъ наступления весьма большое значение, былъ вовсе не подготовленъ для атаки. О планарміѣ не было и помину — въ первой линіи окоповъ камъ пришлось идти по открытой ложинѣ, проходимо обстрѣливаемой шрапнелью противника. Подкъ, по участку котораго мы проходили, и который долженъ былъ идти въ атаку не имѣлъ пулеметовъ, такъ какъ эти пулеметы были отданы чехо-словакамъ, наступающимъ рядомъ. Мнѣ казалось что, при такомъ положеніи технической стороны и при ошальномъ артиллерійскомъ огнѣ противника, атака не могла бы имѣть шансовъ при наилучшемъ моральномъ состояніи войскъ.

Каково было это состояніе? Имѣя въ виду что всѣ трусы и дезертиры остались такъ или иначе въ тылу, что наиболѣе разложившіяся части вообще были скинуты съ расчетовъ команднаго состава, можно утверждать, что тѣ солдаты, которыхъ мы видѣли въ окопахъ, были полны рѣшимости наступать. Въ передовомъ окопѣ намъ все время говорили — «Скорѣе придется бы приказъ въ атаку». И солдаты выжи-

дали бодро и уверенно, без малѣйшаго признака брожения или недовольства. Инерция старого порядка моменты личного благородства, нежелание въ минуту опасности показать себя хуже другихъ — все играло свою роль въ этомъ изстоянии.

Въ штабѣ 11-ой армии, въ общемъ, были довольнымъ результатами наступления. На нѣкоторыхъ участкахъ было замѣтное продвиженіе нашихъ войскъ. Австрийцы по обыкновенію, сдавались цѣлыми полками. Платинные показывали, что готовится отступленіе ихъ фронта верстъ на 40. Командующій Эрдели весь оживился при этихъ свѣдѣніяхъ и сталъ говорить, что это максимумъ, о чемъ можно было мечтать. Нѣсколько ными впечатлѣніями были въ 7-ой армии, гдѣ Беренскій наблюдалъ за наступленіемъ около Бржезанъ. Картика первоначальнаго момента атаки была довольнобной атакующей войска дружно, по приказу, съ красными знаменами бросилась впередъ. Но потомъ остановились. Кое-гдѣ задержались въ передовыхъ окопахъ противника, въ большинствѣ же случаевъ вернулись въ свои окопы. Беренскій возмущался и огорчался. Но высшій элементъ говорилъ, что картима наступления обычная, что общій результатъ удовлетворителенъ, и что нужно ждать результатовъ дальнѣйшихъ ударовъ.

19-го июня я, по просьбѣ Савинкова, который былъ комиссаромъ 7-ой армии, отправился на Бржезанскій участокъ убѣждать какую-то дивизию отступить въ окопахъ, занятыхъ у противника. Начальникъ дивизии оказался очень разговорчивымъ человекомъ. Онъ разсказалъ, что онъ принял командованіе дивизіей всего въ нѣсколько дней до наступления, когда дисло-

енция боя была уже составлена и, по его мнению, очень неудачно. Онъ рассказывалъ, что одному полку была дана весьма сложная задача выбивать фланговыми давленіемъ противника изъ окоповъ при помощи ручныхъ гранатъ, при чемъ оказалось, что солдаты не имѣли понятія объ употребленіи гранатъ и, получивъ ихъ передъ боемъ оставили въ тылу, чтобы легче было идти. Рассказывалъ массу другихъ техническихъ подробностей, которыхъ теперь уже не помню, но которыя всѣ мѣста показывали, что наступление было организовано ниже всякой критики. Въ штабѣ полка командиръ, горячо поддерживаемый окружающими его офицерами, сталъ жаловаться на порядокъ въ тылу и показывалъ мнѣ лично его жены, гдѣ та сообщала, что новыя власти заставляютъ ее, какъ всѣхъ обывателей, по очереди окарауживать улицы, лишенныя охраны послѣ упраздненія полиціи.

Наиболѣе огорчительное впечатлѣніе произвели солдаты. Часть хмуро молчала. Многие просидѣвъ въ тылъ. Никакіе аргументы не помогали, кромѣ твердаго «невозможно». Просидѣвъ въ тылъ «хоть на недѣлю, хоть на мѣсяцъ, хоть на два дня, хоть на день» — лишь бы уйти изъ чужихъ окоповъ, куда каждую минуту могъ нагрянуть ховинъ. Хотя надо замѣтить, что тревога была совершенно необоснованной, такъ какъ при мнѣ въ окопы вернулся съ грудой непрятельскаго снаряженія «охотникъ» ходившій «въ гости» къ австрійцамъ. Онъ сообщалъ, что всѣ ближайшіе окопы спереди совершенно пусты, такъ какъ противникъ, повидимому, отошелъ на весьма далекое разстояніе.

На слѣдующій день мнѣ пришлось опять жить дѣло съ 1-мъ гвардейскими корпусомъ. Въ очередной новой атакѣ на фронтѣ 11-ой арміи

онъ долженъ былъ играть большую роль. Но къ штабъ армія изъ корпуса сообщали, что получивъ приказъ двинуться къ позиціи, корпусъ отказался подчиниться ему и остался на своемъ мѣстѣ. Эрдели былъ въ волнении. «Вотъ и наступилъ съ такими войсками». Приѣхалъ самъ генъ Илькевичъ, смущенный, перепуганный. По просьбѣ командующаго арміей, и отправился въ корпусъ выяснять, въ чемъ дѣло. По дорогѣ, недалеко отъ штаба, на встрѣчу мнѣ попался полкъ, двигающійся вмѣстѣ съ офицерами въ прекрасномъ порядкѣ. Я спросилъ, какой это полкъ. Оказался однимъ изъ полковъ гвардейскаго корпуса. Разговорился съ офицеромъ — никакихъ затрудненій не было, направляются въ указанное мѣсто. Дальше — слѣдовалъ второй полкъ. Оказалось — все движіе цѣлкомъ. Приѣхали въ штабъ корпуса — тамъ еще ничего не знали о движеніи полковъ и были въ полной увѣренности, что корпусъ на мѣстѣ. Отправился къ мѣсту стоянія второй дивизіи — напрасно, всѣ полки выступили. Оставался, правда, одинъ, но онъ тоже кончалъ сборы, введенію же солдаты объяснили тѣмъ, что ждали, пока спадетъ жара — все равно, на ночь придутъ въ назначенное мѣсто. Я не удовольствовался этимъ и рѣшилъ провѣрить, действительно ли полки приходятъ по назначенію, и отправился въ ту деревню, которая была назначена для гренадерскаго полка и помнить о Дзеватовскомъ. Полкъ находился уже на мѣстѣ. Ко мнѣ вышелъ Дзеватовскій и очень смиренно и дружественно старался убѣдить, что всѣ рассказы о томъ, что онъ бунтуетъ солдаты, неправда, что онъ только мѣстѣ свое мнѣніе и высказываетъ его, но, когда данъ приказъ — онъ первый выполнитъ его и считаетъ лич-

нымъ оскорбленіемъ подозрѣнія, что онъ можетъ поступить иначе. Разговоръ происходилъ въ присутствіи многихъ членовъ полкового комитета и многихъ солдатъ. Затрудняюсь сказать, насколько его слова были искренни въ тотъ моментъ. Видѣ всѣ мы жили въ совершенно необычной духовной атмосферѣ. Но, хотя онъ производилъ самъ по себѣ неприятное впечатлѣніе, тогда я вѣрилъ ему.

Хотя на этотъ разъ я могъ въ штабѣ арміи сообщить успокоительныя свѣдѣнія, тѣмъ не менѣе было ясно, что корпусъ находится въ стадіи полнѣйшаго административнаго развала, при которомъ каждую минуту можно ожидать осложненій. И осложненія были. На другой же день, когда корпусу предстояло занять исходныя позиціи передъ боемъ, гренадерскій полкъ повернулъ и отправился верстъ на 25 въ тылъ, а за нимъ послѣдовало нѣсколько сотъ солдатъ изъ другихъ полковъ. Они были окружены, разоружены, а Дзевалтовскій преданъ суду, при чемъ присяжные изъ солдатъ оправдали его.

Въ день вторичной атаки корпуса обнаружилось все значеніе развала организации. Самаго наступленія я не видѣлъ, такъ какъ оповѣдалъ изъ-за автомобильной катастрофы. Но я поспѣлъ къ штабу гвардейскаго корпуса къ моменту, когда неудача наступленія выяснилась вполне. Инстрояку штаба было нескрываемо, отчетливо и ярко вѣраднымъ. Тотъ же генералъ Ильенчикъ, проходя мимо меня, не удержался не поприветствовать относительно качества революціонной арміи.

Видели, какъ наступаетъ революціонная армія...

Судя по рассказамъ, наступленіе, дѣйствительно, было непримѣднымъ. Корпусъ, лучший

во всей армии, выступила как будто дружно, с красными знаменами — но, добиваясь до проволочки противника, не разрушенной артиллерийским огнем, безпомощно ждала и не двинулась с места, пока не был дан приказ об отступлении. Но опять-таки, помимо «моральной», была и техническая сторона дела: солдаты не были обучены преодолевать препятствия и не имели нужных для этого приспособлений.

Вечером я присоединился к Керенскому. Военный элемент воспринимал события спокойнее, указывая, что картина наступления не была необычной. Но Керенский воспринимал это уже почти как неудачу революции. Не знаю, было ли это сознанием действительного значения неудачи, или огорчением, что не осуществились мечты о тех возможностях, которые открывало бы удавшееся наступление как для внешней, так и для внутренней политики. Но упадок духа был очень резкий.

Меня лично занимали два вопроса. Прежде всего — технический. Мне казалось, что важная часть неудачи может быть отнесена на недостаточность подготовки наступления или недостаточное обучение солдат. Но, кроме того, вставал, и при том все упорнее, другой вопрос — моральный, о духе войск, при чем в особом и чрезвычайно опасном смысле.

Хотел не идти, многие колеблются, многие идут, но сомневаются. Является ли это только распухшестью, трусостью, только естественным последствием ладения московской формальной системы, или тут что более серьезное? Мы обязаны были всегда давать ответ в первом смысле. Но даже уже с первого для революции оставались странные факты, кото-

рыкъ я не могъ, а, можетъ быть, не имѣлъ времени объяснить.

Прежде всего, уже въ моемъ батальонѣ черезъ нѣсколько дней послѣ революціи, когда же пришло въ нѣкоторую норму, я почувствовать какую-то перемену въ отношеніяхъ не только солдатъ, но и унтеръ-офицеровъ. Съ ними у меня были прекрасныя отношенія. Однѣ изъ нихъ, хозяйственный, очень серьезный и даже суровый взводный учебной команды, былъ особенно дружественно расположенъ ко мнѣ. Мы съ нимъ особенно сблизились, когда я съ нѣ сколькими солдатами былъ командированъ построить модель окоповъ для какого-то музея въ Римъ. Намъ пришлось совместно преодолевать цѣлый рядъ техническихъ трудностей, но, въ общемъ, мы справились съ задачей, и онъ долго любовался нашимъ произведеніемъ и страшно гордился, когда въ «Изгонякъ» былъ напечатанъ снимокъ нашей модели. Кромѣ того, онъ получилъ денежную награду отъ устроителей — Его дружественное расположеніе осталось и послѣ революціи. Но было что-то раздѣлявшее насъ. Даже встрѣчаясь съ нимъ въ Совѣтѣ — онъ былъ членомъ Совѣта, — я чувствовалъ, что въ немъ, помимо всего, о чемъ мы прекрасно съ нимъ сталкивались, была и иная мысль. Что это, социальный моментъ? Но онъ нѣ въ жилищной семанъ и, быть можетъ, болѣе богатъ, чѣмъ я. И мнѣ было одно жено я еще могъ увлечься моделью окопа, я еще колебался, что выбрать, работу въ школѣ праворядниковъ или въ Исполнительномъ Комитетѣ, — онъ же уже сунулся отъ этихъ вопросовъ.

Никъ дальше у дверей Исполнительнаго Комитета меня объявили членъ одной изъ толпящихся тамъ делегаций съ фронта, унтеръ-офицера

егерского полка. Какъ-то подъ Двинскомъ, стараясь получить рабочую силу для наших окоповъ, я убѣдилъ командира егерского полка отпустить на работы чуть ли не всѣхъ свободныхъ людей, на что я обязался прочесть нѣсколько лекцій въ образуемой тогда саперной ротѣ. Лекціи происходили у самихъ построекъ. И я съ увлеченіемъ и жаромъ дѣлился съ «пѣхотой» своими саперными познаніями. Командиръ полка передавалъ, что и солдаты и офицеры были довольны моими лекціями. Съ нѣкоторыми у меня завязались дружественныя отношенія. Однакъ изъ мимолетныхъ друзей радостно узналъ меня теперь. Мы разговаривали. Пока воспоминали — все шло тихо и гладко. Но какъ только коснулись настоящаго — тотъ же холодокъ отчужденія.

Но ярко и неопровержимо понялъ я смыслъ этого холода во время многочисленныхъ встрѣчъ на поляхъ Галиции. До сихъ поръ помню лица многихъ серьезныхъ, степенныхъ, толковыхъ унтеръ-офицеровъ. Дисциплина въ нихъ въѣлась въ душу такъ, что никакая декларация правъ солдата не поколеблетъ ее. Но мысль, заброшенная и забытая — какъ въ городѣ часто забывается, что есть синее небо надъ головой — мысль эта проснулась и стала работать. И я не помню, о чемъ со мной говорилъ бородачъ съ длинными, задумчивыми глазами, такой строгій, дыша вслѣхъ подозрѣній о «распущенности» или трусости — быть можетъ, онъ равнивалъ большевистскіе взгляды быть можетъ, онъ говорилъ въ унисонъ со мной. Но я чувствовалъ тотъ моральный вопросъ, который раздѣлялъ его со мной. Онъ сомнѣвался, честно и душевно въ правильности, въ правдѣ войны — не знаю, войны вообще или только данной. Но онъ ви-

дѣлѣ, что я не сомнѣваюсь. Онъ готовъ былъ подтвердить мнѣ, такъ какъ видѣлъ мои преимущества въ образовании, и ему казалось, что передъ нимъ такой же честный и правдивый человѣкъ, какъ и онъ. Но понять онъ меня, какъ ни старался, не могъ. По простотѣ, по хорошему, по-человѣчески, по-совѣсти выходило иначе.

И я сталъ невольно обобщать это. Я вспоминалъ сотни солдатъ, съ которыми мнѣ приходилось работать. Я вспоминалъ, какъ на время службы мнѣ удавалось достигать очень большого напряжения со стороны солдатъ безъ всякихъ дисциплинарныхъ взысканій. Я относился къ солдатамъ съ полнѣйшимъ и искреннимъ уваженіемъ, зналъ, что если имѣются среди нихъ дурные, то, въ общемъ, масса, нѣсколько дѣтская но добросовѣстная постоитъ за себя. И я не могъ найти въ себѣ ни готовности, ни желанія, ни даже возможности заднимъ числомъ признать, что я ошибался. Въдѣ теперь всюду я видѣлъ тѣ же самыя лица, тѣхъ же самыхъ людей. Неужели это все хулиганы, трусы или даже просто темные люди, не понимающіе своего блага?

И во мнѣ началъ складываться ясной отвѣтъ.

Я бы не рѣшился теперь, по прошествіи двухъ лѣтъ, такъ подробно наставлять на моихъ сомнѣнныхъ и мимолетныхъ переживанияхъ, если бы они не были задокументированы опредѣленнымъ разговоромъ, который я не могъ не помнить и который имѣлъ существенныя послѣдствія для меня. Въ тотъ же день, когда я, по просьбѣ Савинкова, ѣхалъ въ дивизию подъ Бржезанамъ, я на автомобиле сталъ дѣлаться съ Савинковымъ моими сомнѣніями. Я говорилъ, что мнѣ стало ясно, что масса солдатъ, а можетъ быть, и офицерства не понимаетъ смысла войны

или, во всякомъ случаѣ, наступления. Они идутъ на вѣру нашему слову. Они вѣрятъ, что мы не хотимъ ихъ обмануть, они знаютъ насъ, уважаютъ нашу интеллигентность и поэтому отбрасываютъ, насильно отрываютъ отъ себя сомнѣнія и идутъ умирать и убивать. Но мы-то, въ правѣ ли мы не только убѣждать, но и брать на себя рѣшение за другихъ? Савинковъ слушалъ меня молча. Повидимому, онъ не понималъ меня. А, можетъ быть, очень хорошо понималъ, и рѣшилъ, что со мной ему не по дорогѣ, что онъ неоднократно впоследствии подчеркивалъ и что я относилъ именно къ этому разговору, на ряду съ тѣмъ обстоятельствомъ, что я былъ членомъ Исполнительнаго Комитета, къ которому Савинковъ всегда и незамѣнно относился враждебно.

Уже въ качествѣ комиссара сѣвернаго фронта, мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ наступления подъ Двинскомъ 10-го июля. Сперва наступление было назначено на 5-ое число — но восстание большевиковъ въ Петроградѣ заставило отложить его, при чемъ и некоторые, наиболѣе надежныя, части пришлось отправить на «внутренній фронтъ».

Наступление было вполнѣ безнадежнымъ. Командующій армией ген. Даниловъ «черный» все время доказывалъ Ставку, что наступление не имѣетъ никакихъ шансовъ. Въ разговорѣ со мной командующие корпусами и дивизиями откровенно признавали, что они не видятъ никакихъ шансовъ на успѣхъ этого наступления, вынужденнаго, по ихъ мнѣнью, исключительно «политическими, мотивами».

Въ день моего приѣзда весь штабъ былъ полонъ самыми неприятными извѣстиями объ отказѣ частей и даже цѣлыхъ дивизій выступить на позиции. Однако, къ вечеру, положение стало проясниться, и правдами или неправдами, но всѣ участки, назначенные для наступления, были заняты, кромѣ одной дивизии, которая до вечера отказывалась выступить и чуть не разстрѣляла корпуснаго комиссара, убѣждавшаго ее исполнить приказъ. Ген. Давидовъ рѣшилъ принять крутыя мѣры и двинуть противъ дивизии цѣлый карательный отрядъ изъ всѣхъ трехъ родовъ оружія. Я участвовалъ въ засѣданіи, гдѣ вырабатывалась диспозиція окруженія дивизіи. Мнѣ была отведена роль явиться къ дивизіи, когда она будетъ окружена, и дать ей ультимативный приказъ идти на позиции, если она не хочетъ быть истребленной своими войсками. Отрядъ для окруженія былъ подъ командой ген. Грекова. Поѣхали въ корпусъ около станціи Калкуны. Уже во время ужина стали поступать утѣшительныя свѣдѣнія, что два полка дивизіи подчинились и выступили. Остался одинъ упорствующій полкъ. Часовъ около 12 ночи, совместно съ штабомъ карательнаго отряда, мы двинулись къ расположенію непокорнаго полка. Однако весь отрядъ пришелъ въ чрезвычайное разстройство, и до утра ген. Грековъ не могъ установить связи ни съ одной назначенной имъ его распоряженію частью. Къ разсвѣту, убѣдившись, что вѣтъ никакихъ надеждъ найти заблудившіяся въ лѣсу части отряда, я оставилъ ген. Грекова въ желѣзнодорожной будкѣ и отправился самъ къ оврагу, гдѣ находился бунтующій полкъ. Меня тамъ встрѣтили начальникъ дивизіи и нѣсколько штабныхъ. Я сказалъ, что хочу переговорить съ бунтующими. Солдаты, сж-

дѣвшия унылыми, неподвижными, сонными группами, встали и столпились около того мѣста, гдѣ я стоялъ. Я отказался говорить съ ними, пока они не встанутъ въ строй. Они — правда, неуклюже и неловко — но встали рядами. Я обратился къ нимъ съ короткой рѣчью, говоря, что не собираюсь ни просить, ни уговаривать, ни приказывать даже, а только предупреждаю, что если они не двинутся немедленно на позицию, то будутъ уничтожены. Съ вѣчера они могли пройти безопасно, теперь же придется идти вслѣдствіе по открытому мѣсту, но все же они должны идти.

Я не знаю, что я дѣлалъ бы, если бы солдаты отказались подчиниться. Но, къ моему искреннему удивленію, солдаты, даже не совѣщаясь и не колеблясь, разобрали котомки и винтовки и пошла на позицию. Вѣроятно, они знали о приближеніи отряда и, по увѣренному тону моихъ словъ, заключили, что отрядъ уже подошелъ.

Я отправился въ штабъ корпуса. По дорогѣ я заѣхалъ къ ген Грекову — онъ мирно спалъ въ желѣзнодорожной будкѣ, около которой воюлись телеграфисты, налаживая связь съ частями отряда. Я предупредилъ, что отрядъ болѣе не нуженъ.

Въ корпусѣ пытался было соснуть. Но свободной постели не было, и только я усѣлся къ столу, какъ началась внутренняя суматоха. Къ 8-ми часамъ, послѣ чаю, я, вмѣстѣ съ командиромъ корпуса, отправился на участокъ наступленія. Командиръ корпуса остался въ штабѣ дивизіи, а я отправился на наблюдательный пунктъ. Оттуда, повинувшись какому то безответному зову, я отправился въ участку, гдѣ происходилъ бой, и гдѣ клубы дыма и взрываемой земли

показывали, что противник усиленно отвѣчает на наш огонь. Въ землянкѣ штаба полка куда я забрелъ, душно. Много офицеровъ, а кромѣ того и членъ комитета. Телефонистъ кричитъ, стараясь добиться свѣдѣній или соединения. О ходѣ атаки почти никакого представления. Что то заняли, гдѣ-то продвинулись. Привели откуда то пленныхъ. Вдругъ у входа въ землянку движение — оказалось, одна изъ резервныхъ ротъ не выдержала огня противника и отступила. Въ довольно смѣшной позѣ, съ прутьемъ въ рукахъ, вывѣсто шапки, кричу имъ слова ободренія и команду «Впередъ». Повернули, пошли и встали на свое мѣсто въ ходѣхъ сообщения неподалеку первой линии. На встрѣчу попался предсѣдатель полкового комитета. Пошли осматривать участки. Жалуются на путаницу. Роты перемѣшались, растеряли своихъ офицеровъ. Никто не руководитъ наступленіемъ, все идетъ по инерціи, и, повидимому, сила инерціи уже истощилась. Пошли подъ очень сильный огонь противника. Солдаты стояли прижавшись къ стѣнкамъ окопа, оглушенные, засыпанные землей, пораженные немолчными свистомъ осколковъ и всесоотрясающими взрывами. Спросилъ, какой полкъ, оказалось, тотъ же, который нѣсколько часовъ тому назадъ подъ моей утровою оставилъ икрную и споловинную лошину въ лѣсу. Помню лицо одного наклонившагося солдата блѣдное, перекошенное отъ страха. Посмотрѣлъ на него. Наши глаза встрѣтились... Я улыбнулся и внутренне торжествовалъ, когда увидѣлъ его встрѣчную улыбку.

Мнѣ казалось, что это единственный разъ, когда мое ощущеніе и ощущеніе солдата было совершенно одинаково. Но есть одна неясная для меня сторона дѣла. Какъ это случилось, что

мы, во имя человеческой личности возражавшіе противъ смертной казни преступнику, сами не замѣчая, дошли до этого положенія? Вопросъ не въ томъ, что мы проповѣдовали убійство, — это сравнительно уже второстепенное обстоятельство. Но мы гнали другихъ людей, не понимающихъ и не могущихъ понять смысла войны, заставляли ихъ идти убивать какихъ-то для нихъ совершенно непонятныхъ враговъ и еще считали себя въ правѣ заставлять ихъ улы- баться при этомъ.

Глава четвертая.

КОМИССАРСТВО НА ФРОНТѢ.

1. Командный составъ и сотрудники.

Передъ отъѣздомъ съ юго-западнаго фронта Керенскій утвердилъ составленное, по его порученію, Савинковымъ подожение о фронтовыхъ комиссарахъ и назначилъ Савинкова комиссаромъ юго-западнаго фронта. Этимъ назначеніемъ Керенскій сохранялъ Савинкова для армии, такъ какъ, по прежней должности комиссара армии онъ былъ отвѣтствененъ передъ петроградскимъ Совѣтомъ, который уже неоднократно вызывалъ Савинкова «къ отвѣту» за слишкомъ независимый образъ дѣйствій. Минъ Керенскій предложилъ взять комиссарство сѣвернаго фронта. Задачей нашей было — быть окомъ правительства на фронтѣ и принять энергичныя мѣры къ устраненію изъ армии какъ Десвалтовскихъ, такъ и Илькевичей.

Чтобы ликвидировать свои дѣла и оформить назначеніе, я выѣхалъ въ Петроградъ. Тамъ, однако, никакуну отъѣзда на сѣверный фронтъ, я получилъ сообщеніе изъ военного министерства, что Правительство, согласно телеграммѣ Керенскаго, подтвердило назначеніе, посылая меня на западный фронтъ, къ Деникину. Какъ ни грустно было отказаться отъ мысли побывать на своемъ фронтѣ, я первымъ поѣздомъ выѣхалъ въ Минскъ.

Въ первый день мнѣ пришлось познако-

миться съ Деникинымъ. Причиной моего экстреннаго вызова было то, что между фронтовыми комитетами и главнокомандующимъ произошли недоразумѣния, грозящія полнымъ разрывомъ. Дѣло шло объ участіи представителей комитета въ подготовкѣ боевыхъ операций. Комитетъ настаивалъ на чрезвычайно широкихъ, почти что контрольныхъ правахъ. Деникинъ возражалъ противъ всякаго участія вообще. Разъ три мнѣ приходилось ѣздить изъ комитета въ штабъ и обратно. Казалось, уже было достигнуто соглашение, и, предварительно добившись значительныхъ уступокъ со стороны комитета и получивъ изъ штаба согласие Деникина, я ѣду обратно въ комитетъ уже для второстепенныхъ поправокъ. Убѣждаю негодующій Комитетъ и на эти поправки. Вдругъ звонокъ телефона — меня вызываетъ начальникъ штаба ген. Марковъ и смущеннымъ, нѣсколько извиняющимся голосомъ сообщаетъ, что главнокомандующій беретъ назадъ свое согласие. Опять ѣду въ штабъ, опять въ комитетъ. Однако къ вечеру препятствамъ удалось предостеречь въ концѣ концовъ удалось убѣдить комитетъ, что онъ не въ правѣ брать на себя слишкомъ большую отвѣтственность, такъ какъ тогда всѣ военныя неудачи будутъ сваливать на внимательство профановъ. Генералу же Деникину я представилъ всѣхъскіе доводы о полезности заинтересовать солдатскихъ представителей въ боевой техникѣ, чтобы добиться отъ нихъ дѣйствительной помощи въ осуществленіи кампанныхъ операций — развѣ будетъ лучше, если комитетъ будетъ заниматься только вопросами колѣттики и контръ-революционной опасности...

Деникинъ показався мнѣ олицетвореніемъ трагедіи русской арміи. Онъ былъ слишкомъ

военнымъ, можетъ быть, даже укровоеннымъ человекомъ настолько, что, быть можетъ, даже старые недочеты уже не бросались въ глаза. Но зато теперь онъ понималъ, что армия разваливается. Сжившийся съ опредѣленными условіями въ армии, онъ внезапно увидѣлъ ее въ новомъ слѣгѣ карикатурнымъ извращеніемъ всѣхъ прежнихъ устоевъ и основаній. Но что же дѣлать? Уйти и очистить мѣсто болѣе покладистымъ и подлаживающимся? Уйти изъ армии, еще стоящей на фронтѣ, еще не окончившей войны? Пусть сами обстоятельства заставятъ гдѣ-то вѣло, пусть бунтующіе солдаты преступятъ, или новое правительство само устранить. Но Деникинъ добровольно изъ армии не уйдетъ. Но онъ, конечно, не дорожитъ своимъ мѣстомъ, не подлаживается, наоборотъ, онъ ищетъ конфликта, онъ старается быть рѣзкимъ, онъ отводитъ душу горькимъ, хотя часто заведомо безсмысленнымъ словомъ. Каждый привѣздъ Керенскаго въ Минскъ былъ поводомъ для недоржаннаго выраженія мнѣнія. Чуть ли не каждую недѣлю въ Петроградъ шли телеграммы съ провокационно-рѣзкими нападками на новые порядки въ армии — именно, нападки, а не солѣты. Развѣ можно посовѣтовать отыѣнить революцію?.. Онъ не былъ противъ революціи. Но онъ не былъ связанъ съ революціей настолько, чтобы понимать или даже стараться понять ее трагедию. Онъ понималъ бы революцію, которая заключила бы миръ, и боролась бы съ нею, если бы видѣлъ, что этотъ миръ гибеленъ для Россіи, и, быть можетъ, примирился бы съ нею, если бы миръ былъ бы «сходенъ».. Но революцію, которая требовала наступленія, а въ то же время разрушала устои, на которыхъ покоилась вся сама армия, такой рево-

люди онъ не могъ и не хотѣлъ понять. Онъ былъ тигростенъ въ то время, и Керенскій иногда съ невольнымъ раздраженіемъ отыгрался о немъ, какъ о слишкомъ узко смотрящемъ на вещи человѣкѣ. Но развѣ это значило, что, вѣсто него, надо повесить другого или мѣнѣе военнаго по духу, или думающаго то же, что Деникинъ, но политично скрывающаго свое мнѣніе? Вѣдь нужна армія и боевые генералы, а не гнушіеся спины! И Деникинъ оставался главнокомандующимъ фронтами, несмотря на недоверіе къ нему со стороны Испознательнаго Комитета, несмотря на озлобленные нападки фронтовыхъ представительныхъ учреждений. Война связывала, заставляла идти вмѣстѣ. Однѣжды, въ Ставке, на собраніи всѣхъ главнокомандующихъ, при Керенскомъ, Деникинъ провнесъ чрезвычайную рѣзкую, болѣе того, вызывающую рѣчь по адресу Правительства и Керенскаго, быть можетъ, надѣясь, что это откроетъ возможность уйти. Но Керенскій всталъ и пожалъ ему руку со словами:

— Благодарю васъ, генералъ.

Оба чувствовали, что выполнили свой долгъ. Но оба чувствовали безплодность и безрезультатность этого.

На западномъ фронтѣ я пробылъ только одинъ день, такъ какъ воспользовался случайной встрѣчей съ Керенскимъ и убѣдилъ его оставить въ силѣ прежнее мое назначеніе. Такъ какъ острый конфликтъ уже былъ улаженъ, то мнѣ удалось настать на своемъ, и я получилъ переводъ на сѣверный фронтъ, куда меня тянуло всею душой. Во время этой встрѣчи Керенскій говорилъ со мной о своемъ намѣреніи назначить Савинкова управляющимъ военнымъ

министерствомъ. Онъ просилъ меня подготовить для этого почву въ Исполнительномъ Комитетѣ.

На сѣверномъ фронтѣ я пробылъ около трехъ мѣсяцевъ. Передъ отъѣздомъ на фронтъ въ Исполнительномъ Комитетѣ ко мнѣ подошелъ Войтинскій и сталъ жаловаться на безполезность работы въ тылу. Я, наполовину шута, предложилъ ему пріѣхать на сѣверный фронтъ въ качествѣ моего помощника. Къ моему удивленію, онъ тотчасъ и безъ колебаній согласился. Я говорю — къ удивленію, потому что, по своей дарѣстности, ораторскимъ способностямъ и умѣнію ориентироваться въ обстоятельствахъ, онъ, конечно, значительно превосходилъ меня. Еще въ студенческіе годы, онъ, неизмѣнный предсѣдатель общестуденческихъ сходокъ, поражалъ красотой и сочностью своихъ выступлений. Его работы по организации совѣта безработныхъ въ Петроградѣ были весьма памятны. Потомъ, послѣ долгаго заключенія онъ былъ сосланъ. И страннымъ образомъ, вмѣсто довольно угловатого и непримиримаго большевика, я въ сибирскихъ степяхъ и раздольяхъ встрѣтилъ ярымъ оборонецъ, широко и синтетически воспринимающій русскую жизнь. О предѣлахъ этого скитанья можно судить по рѣчи на казачьемъ съѣздѣ, одномъ изъ наиболѣе и даже реакціонномъ въ то время, гдѣ Войтинскій выступилъ съ привѣтствіемъ отъ Исполнительнаго Комитета. Встрѣченъ онъ былъ лично сухо и даже враждебно — лишь нѣсколько хлопковъ на периферіи. Но рѣчь, какъ всегда талантиливая и умѣлая, проникнутая истиннымъ духомъ терпимости и стремленіемъ найти общій языкъ — пробила ледъ, и его провожала овация. И это не было подѣвкой подъ аудиторию. Это было его органической позиціей. Поражающимъ онъ оказался на фронтѣ. И

не видалъ человека съ такой искренней и дѣйственной любовью къ солдату — не къ отвлеченному «доблестному воинству», не къ армии, какъ выраженію мощи государственнаго организма, а именно къ солдату, «отъ перваго генерала до послѣдняго рядового». Поэтому задача — сглаживать въ ней противорѣчія — гдѣ убѣжденіемъ гдѣ юморомъ и ироніей, гдѣ рѣшительными мѣрами. Передъ послѣдними онъ не останавливался. Но онъ понималъ, гдѣ опасность. «Рота выразила недовѣріе десяти министрамъ капитальства?». Ченуха, это меня не касается. Вотъ если бы они выразили недовѣріе своему ротному командиру — тогда дѣло было бы действительно серьезнымъ». Онъ вѣралъ въ солдатъ, даже слишкомъ, быть можетъ, иногда до ослабления. «Видъ они такие славные, въ эти солдаты. Ихъ надо только убѣдить не дѣлать глупостей». И онъ умѣлъ не только убѣждать, но и вызывать энтузіазмъ. Но все же онъ зналъ предѣлы силы словъ и, будучи самъ исключительнымъ мастеромъ составлять резолюціи и воззванія, относился къ нимъ въ послѣднее время съ полнымъ неуваженіемъ:

— Зачѣмъ они портятъ и загружаютъ телеграфъ своими воззваніями изъ тыла? . Вѣрно то же самое. «Страха гибнетъ», «Революція въ опасности», «большевики готовятъ ударъ въ спину»... Хотя бы ввели сокращенія, тогда самое длинное и патетическое воззваніе можно было бы передать тремя, четырьмя словами: «Страшнѣе, револ., увспникъ, Лиданъ», и ясно и коротко...

Къ опасности справа относился какъ къ дѣтскимъ бреднямъ. Но съ тревогой поглядывалъ назадъ, особенно въ тылу, и въ послѣдніе дни своего комиссарства носился съ идеей какой-то

карательной экспедиции съ фронта въ тылъ. Ни разу ни одна нѣра, ни одно слово не было направлено противъ команднаго состава, но не одинъ десятокъ большевиковъ былъ арестованъ по его почину и при его участіи.

Значительно меньшими фигурами были комиссары въ арміи Ходоровъ, комиссаръ 5-ой арміи социаль демократъ, отличался, я бы сказалъ, чисто дозяцейской энергіей и ретивостью въ усмирении арміи и подчинении ея командному составу. Познью противоположность ему составлялъ комиссаръ 12-ой арміи, Дюбуа Офцеръ, но извѣстный партійный работникъ, иткій, сентиментальный, онъ органически не былъ способенъ на рѣзкое дѣйствие или крутую мѣру. Уговорить, а то просто поговорить. И при томъ отъ имени комитета и выѣхъ съ комитетомъ. Даже съ командующимъ арміей онъ принципиально ни разу не видѣлся безъ представителей комитета. Онъ органически не могъ воспринять роль представителя Правительства въ арміи, а чувствовалъ себя рядовымъ партійнымъ работникомъ въ Ригѣ, и вопросъ объ организаціи рижскихъ рабочихъ интересовалъ его не меньше, чѣмъ приведеніе въ порядокъ непокорной дивизіи. Въ концѣ концовъ, мы съ Войтинскимъ были вынуждены доставить ему ультиматумъ или воспринять нашъ образъ дѣйствій быть представителемъ Правительства, противопоставляя себя и командному составу и комитету, или отказаться отъ комиссарства. Это доставило ему искреннее огорченіе, но, посоветовавшись съ комитетомъ, онъ отказался сдѣлать то и другое. Я телеграфировалъ въ министерство, прося назначить другого комиссара. Но сотрудники Саяникова въ министерствѣ не нашли ничего лучшаго, какъ показать мою телеграмму членамъ Комитета

12-ой армии, вероятно, надѣясь на мирное разрешеніе вопроса. Но это вызвало лишь бурю негодованія противъ меня, а Дюбуа оставался вплоть до возстанія большевиковъ.

Въ Псковѣ въ моемъ «управленіи», какъ громко называлась единственная комната, гдѣ работали всѣ мои сотрудники, главную роль игралъ Самецкій, молодой, энергичный и любящій самостоятельныя рѣшенія. Случайно въ Псковѣ оказался затеряннымъ въ какой-то общественной организаціи поэтъ А. . . . Х. . . . (онъ сталъ завѣдывать литературно-агитационнымъ отдѣломъ). Между прочимъ, въ кругъ его обязанностей входило слѣдить за большевистской литературой. Самъ плохо понимая, какъ это случалось, что онъ, свободный поэтъ, вдругъ превратился въ цензора, онъ все же хитро вооружался краснымъ карандашомъ и съ гнѣвными выкриками «Что эти м . . . м . . . пишутъ!» отмѣчать наиболѣе рѣзкіе выпады большевиковъ и писала доклады о закрытіи тѣхъ или иныхъ газетъ, отводя душу явнымъ образомъ на сотрудниковъ комиссариата.

По военно-техническимъ вопросамъ намъ консультировалъ полковникъ генеръ штаба Козалевскій, кажется, къ великому огорченію моего генералитета.

Командующимъ фронтомъ былъ Клембовскій. Несмотря на очень частыя встрѣчи съ нимъ, мое впечатлѣніе отъ него какое-то безцвѣтное. Мнѣ казалось, что слово «формализмъ» исчерпывало его. Формально отдавалъ положенныя часы управленію арміей. Формально, корректно посвящалъ меня во всѣ стороны управленія арміей, довольный, что есть на кого сваливать трудность политическихъ вопросовъ. Даже

когда — приблизительно разъ въ недѣлю обрушивался рѣзкими нападками на новые порядки въ армии, я не могъ уловить ни конкретнаго содержания, ни даже испренняго негодования, а тоже своеобразную, «подъ Деникина», форму исполненія генеральскаго долга передъ дѣтелями революціи и молча и терпѣливо мы слушивали его до конца, и мы дружественно переходили къ очереднымъ дѣламъ, при чемъ я не помню шутки, которую я предложилъ бы, и съ которой онъ не согласился бы. Онъ очень болезненно почувствовалъ уходъ Брусилова, съ которымъ онъ былъ въ хорошихъ отношеніяхъ, и чувствовалъ, что его положение заколебалось съ назначеніемъ Корнилова, котораго онъ, вѣроятно взаимно, не любилъ. Онъ, видимо, опасался, что его смѣнятъ. Но дѣло обошлось характернымъ эпизодомъ. Однѣжды, Клембовскій взошелъ ко мнѣ и просить немедленно прѣхать къ нему. Показываетъ газету, кажется, «Новое Время», гдѣ корреспондентъ изъ Ставки сообщаетъ о томъ, что на мѣсто Клембовскаго назначенъ ген. Лечицкій. Самъ Клембовскій объ этомъ ничего не зналъ. Положение было, конечно, чрезвычайно тѣсное и въ военномъ дѣлѣ, гдѣ нужна отчетливость и увѣренность власти, — совершенно недопустимое. И немедленно отправилъ телеграмму въ Ставку, проси выяснять дѣло, такъ какъ положенію на фронтѣ и подготовка нѣмцевъ къ активнымъ операціямъ требовала увѣренности въ командованіи. Хотя въ отвѣтъ въ тотъ же день Клембовскій получилъ завіреніе, что онъ остается командовать фронтомъ, но въ газетахъ опроверженія не появилось. Пользуясь моей поѣздкой въ Петроградъ, куда долженъ былъ прѣхать и Корниловъ, Клембовскій проситъ меня

выяснить вопросъ до конца. Въ Петроградѣ я выяснилъ, что хотя вопросъ о назначеніи Лечицкаго поднимался, но снятъ съ очереди въ виду несогласія Керенскаго. Я тотчасъ отпраздился изъ военный телеграфъ и соединилъ себя съ кабинетомъ Главнокомандующаго. Къ моему величайшему изумленію, на мои слова «У аппарата комиссаръ Станкевичъ, аппаратъ выстучалъ въ отвѣтъ «У аппарата генералъ Лечицкій». Я вытаращилъ глаза отъ изумленія, рѣшительно не зная, что дѣлать. Однако аппаратъ выстучалъ дальше и выстучалъ «У аппарата генералъ Клембовскій». Все таки не понимая, въ чемъ дѣло, я всевозможно воображая себѣ двухъ генераловъ, оспаривающихъ другъ у друга мѣсто у аппарата, я сообщилъ свои свѣдѣнія о прочности положенія ген. Клембовскаго. Впоследствии мнѣ самъ Клембовскій разсказалъ, что новый телеграфистъ, не знавшій еще его въ лицо и вычитавшій въ газетѣ о назначеніи Лечицкаго, ошибся именемъ.

Сознаніе непрочности своего положенія послѣ «считки», устройкой на фронтѣ Гучковымъ, и при постоянныхъ сигналахъ наверху — было духовной атмосферой генералитета и, конечно, очень вредно отражалось на дѣлѣ, отнимало у нихъ послѣдніе остатки мужества и энергии. Поэтому я проявлялъ исключительный консерватизмъ по отношенію къ командному составу, доказывая, что всякій новый, уже тѣмъ, что онъ новый, хуже стараго, и наставляя, что дѣло стилодъ не въ томъ, чтобы устранить плохихъ или недостаточно хорошихъ, а въ томъ, чтобы найти лучшихъ. Но гдѣ и какъ найти? Нѣтъ вотъ какъ, напр., назначала сама Ставка, даже при Корниловѣ, на такіе отвѣтственные должности, какъ командующаго арміей. Когда,

послѣ ухода Радко-Дмитріева, освободился постъ командующаго 12-ой арміей. Клембовскій сообщилъ, что онъ своего кандидата не имѣетъ. Тогда Ставка запросила относительно Царскаго, Клембовскій отвѣтилъ, что Царскаго не знаетъ и потому не возражаетъ, и Царскій былъ назначенъ. Какъ разъ въ это время Клембовскій былъ вызванъ въ Ставку на совѣщаніе. Тамъ онъ спросилъ Корнилова, кто такой Царскій. Корниловъ отвѣтилъ, что онъ тоже его не знаетъ, что это кандидатъ Лужомскаго. Но и Лужомскій, оказалось, зналъ о Царскомъ только одно, что солдаты его называютъ «батькой». Керевскій о назначеніи и даже о существованіи Царскаго узналъ впервые отъ меня, такъ какъ Корниловъ, въ отступленіе отъ вѣгдавшей практики, тоже не сообщалъ Правительству о предположеніи о назначеніи.

Поэтому я, естественно, очень терпимо относился къ вопросу о томъ, въ чьей компетенціи лежитъ назначеніе команднаго состава, но тѣмъ ревностнѣе принялся за изученіе его и узнать его лучше, чѣмъ Клембовскій, такъ какъ я имѣлъ возможность развѣдать по арміямъ и видѣть лично, а главнокомандующій вынужденъ былъ оставаться въ Никозіи.

Чрезвычайно характерную фигуру представлялъ собой командующій 5-ой арміей Даниловъ. Генералъ-квартирмейстеръ при царской Ставкѣ, онъ обладалъ совершенно исключительнымъ тактомъ, котораго мнѣ не приходилось никогда видѣть. Онъ былъ единственный генералъ, который, несмотря на революцію, остался, въ сущности, полнымъ членомъ въ арміи, сумѣвъ наладить такъ отношенія, что всѣ новыя учрежденія, и комиссаръ и комитетъ, не ослабляли, а

лишь усиливали его власть — право, это было недурно иметь всегда в полном своем распоряжении увлекательное и решительное слово Вилленкина и неукротимую, яростную энергию Ходорова и десятков других людей, без смущения выходящих из возбуждавшихся массами и, в случае неуспеха убеждений, дававших свой, комитетский бронзовый диклономъ. И онъ умѣлъ пользоваться этими силами, съ полнымъ самообладаниемъ и увѣренностью устраняя всѣ препятствія.

Несмысленно значительной фигурой былъ генералъ Болдыревъ. Онъ былъ профессоромъ Военной Академіи, выдвинувшись во время войны и теперь командовалъ 43-мъ корпусомъ. Этотъ корпусъ считался однимъ изъ самыхъ большевистскихъ гнѣздъ, откуда вышла «Окопная Правда», гдѣ орудовалъ капитанъ Сиверсъ. Но генералъ Болдыревъ, покудакому, воспринялъ это какъ своего рода «боевую обстановку» и сталъ искать метода рѣшить проблему, не ограничиваясь ворчаніемъ и негодованіемъ, что жизнь идетъ не по уставамъ и не по учебникамъ. И ему удавалось достигать изумительныхъ результатовъ, такъ что онъ въ корпусѣ чувствовалъ себя полнымъ хозяиномъ, добиваясь своего не столько дипломатичностью, какъ генералъ Даниловъ, но смѣлостью и энергіей. Онъ умѣлъ требовать и умѣлъ подтягивать, но не во имя старыхъ привычекъ, а во имя дѣла. Это чувствовалось всѣми, и солдаты говорили со «своимъ» командиромъ, стоя на вытѣжку, забывавъ о всякихъ декларацияхъ правъ солдатъ. Сперва Болдыреву не удалось наладить отношенія съ армейскимъ комитетомъ, который, когда и въ первый разъ ѣхалъ въ корпусъ Болдырева предупреждалъ меня, что Болдырева надо убрать. Но я вернулся подь совер-

шенно кимъ впечатлѣнъ. Впослѣдствіи и комитетъ научился дѣлать негнущихся генераловъ, и тогда Болдыревъ сталъ любимцемъ арміи.

Противоположнымъ типомъ былъ Новицкій, б. помощникъ военнаго министра Гучкова, теперь командиръ 2-го сибирскаго корпуса. При громадной рѣшимости и волѣ, онъ чувствовалъ себя слишкомъ чужеродно въ новыхъ условіяхъ, чтобы не только упрямо и бесполезно возражать, но и справляться съ ними «Терплю, но духомъ не принимаю» — вотъ все, что чувствовалось отъ его «взвѣгнутой» фигуры.

Въ одинъ изъ первыхъ дней послѣ моего пріѣзда въ Псковъ я какъ-то утромъ засталъ у себя генерала, который терпѣливо ожидалъ меня. Оказалось, это былъ Покоть-Бруевичъ, бывший начальникъ штаба фронта при Ржевскомъ, теперь нести обязанности начальника гарнизона. Онъ очень не понравился мнѣ своей показной дѣловитостью, торопливостью, своими словечками противъ командующаго фронтомъ, какимъ-то завиваніемъ. Но онъ пользовался большими симпатіями среди псковскаго совѣта, гдѣ высматривалъ многие часы. Какъ я неспрытна его личность, все же, несомнѣнно, онъ умѣлъ найти способъ дѣйствія, который давалъ возможность поддерживать порядокъ въ Псковѣ и направлять въ эту сторону и псковскій совѣтъ. Это былъ одинъ изъ тѣхъ генераловъ, которые рѣшили плыть по теченію. Того, что Даниловъ достигалъ серьезной и умной дипломатичностью, чего Болдыревъ достигалъ смѣлостью и твердостью характера, онъ достигалъ гибкостью, покладистостью и изворотливостью.

Поѣздками въ корпусъ, куда собирались все начальники дивизій и представители комитетовъ, я познакомился со всѣмъ высшимъ команднымъ

составом, со многими были въ переломѣ. Большинство начальниковъ дивизій производили впечатлѣнныя крайней бездѣятности и растерянности.

Конечно, не малыхъ трудовъ стоило намъ найти соответствующій тонъ въ работѣ съ разншерстными командными составомъ, гдѣ къ каждому приходилось подходить по «по уставу», а по душѣ гдѣ почти каждый, безъ исключенія, значилъ лишь настораживался при приближеніи представителя «революционной власти». Но мнѣ кажется, что въ результатѣ на насъ смотрѣли не какъ на противниковъ и даже не какъ на чужихъ, а какъ на союзниковъ въ общемъ дѣлѣ. Быть можетъ, мой консерватизмъ, который я проявлялъ согласно директивамъ Керенскаго, игралъ тоже опредѣленную роль въ все время пребыванія на фронтѣ гдѣ требованія смѣщенія и назначенія выпадали каждый день, и не только отъ комитетовъ, но и отъ самихъ представителей команднаго состава, и настало на удавленія только одного генерала, начальника станционно-хозяйственной части въ 12-ой армии, за его совершенно неаппетитное и явужное, просто грубительское отношеніе къ комитету. И еще одно впечатлѣніе: когда командующій 12-ой арміей хотѣлъ назначить Вязмитинова командиромъ корпуса, онъ колебался, такъ какъ Вязмитиновъ еще не числился въ кандидатскомъ спискѣ, и были сомнѣнія, «пропустить» ли его Ставка. Я рѣшительными телеграммами въ Петроградъ и въ Ставку, добился устранения этого препятствія.

2. Солдатская масса.

Главныя трудности были, конечно, не съ команднымъ составомъ, а съ солдатской массой.

Для того, чтобы судить о настроениях массы, необходимо прежде всего ясно помнить всю чрезвычайность и необычность того явления, которое представляла собой наша армия, даже если оценивать в масштабе мировой истории.

Цап мрака старой дисциплины, механизирования и беспрекословного подчинения армии, по количеству раз в 15 превосходящая подчища Аттилы, сразу перешла в иной мир. Она была ослеплена отарышшимися перед ней возможностями, оглушена потоком непонятных, странных, но наводящих на бохшия и неожиданные думы лозунгов, программ, воззваний, речей, раздававшихся повсюду.

А у создана в сущности, нѣтъ будничнаго дѣла. Нѣтъ заботы о семьѣ, о хлѣбѣ насущномъ, нѣтъ повседневныхъ мелочей и вопросовъ. Даже землю онъ видитъ или изрытой окопами и воронками, или окутанной волочей проволокой. У него много духовныхъ досуговъ, которые занимаются только думами. И думами такими яркими, страшными и непримиримыми. О свободѣ и смерти.

Онъ свободенъ — такъ говорятъ всѣ, да и всѣ укладъ армии, такой новый и необычный, подтверждаетъ это. Но онъ все же долженъ итти умирать и убивать — такъ тоже говорятъ всѣ, даже тѣ комитеты, которые итъ избраны, даже тѣ делегаты, которыхъ онъ послалъ на съѣзды. Но зачѣмъ умирать и убивать? Для государства, которое ему всегда до сихъ поръ рисовалось, какъ зло, какъ принужденіе платить подати, итти въ солдаты, и творческую роль котораго онъ въ своей грязной жизни и не чувствовалъ и не понималъ никогда. За землю и волю? Но какая связь между защитой Риги или занятіемъ Дьвова и землей сосѣднаго помещика въ Саратовской

губернии? А при томъ онъ, быть можетъ, не хотеть не умирасть, не ублвать за эти земныя блага.

Конечно, масса не отчеканивала такъ отчетливо эти мысли. Онъ лишь носился надъ ней въ видѣ туманныхъ настроеній и проявлялся въ видѣ пассивнаго неповиновения власти и приказамъ. И тутъ убѣжденіе не могло дѣйствовать. Нуженъ былъ приказъ и принужденію. А для этого нужна была рѣшимость приказывать и возможность принуждать.

И обстановка сложилась какъ разъ такъ, что эта рѣшимость и возможность были.

Прежде всего имѣло большое значеніе успѣшное подавленіе июльскаго восстанія болъшевиковъ.

Лично я видѣлъ только начальный и конечный моменты восстанія. 3-го июля я былъ въ Исполнительномъ Комитетѣ. Обсуждался снова вопросъ «объ организаціи власти», въ связи съ выходомъ изъ состава Правительства кадетъ. Во время засѣданія стали, какъ въ памятные апрѣльскіе дни, поступать свѣдѣнія о томъ, что на заводахъ идутъ митинги, что первый пулеметный и нѣкоторые другіе полки выступили съ оружіемъ на улицу, что всюду раздаются воззванія: «Вся власть (овѣтамъ)... На засѣданіи присутствовали болъшевики — Каменевъ и др. Тамъ былъ видъ, какъ будто искренне не понимаютъ, въ чемъ дѣло. Выбрали делегацию для переговоровъ въ полкъ и убѣжденія вернуться въ казармы. Въ составъ делегации согласились пойти и болъшевики, но въ послѣдній моментъ отказались вѣхать, что разстроило всю посылку делегатовъ».

Въ тотъ же вечеръ я, не подозревая еще о значеніи движенія, выѣхалъ въ Псковъ. Но тамъ на другой день я узналъ, что движеніе

приняло крайне грозный характеръ, что 4-го июля массы вооруженныхъ рабочихъ и солдатъ заполнили улицы Петрограда, фактически овладѣли Таврическимъ Дворцомъ, и что подъ лозунгами «Вся власть (овѣтамъ)» шло форменное восстаніе большевиковъ противъ тогдашняго большинства совѣтовъ, составленнаго изъ оборонческихъ партій. Петроградскій штабъ требовалъ помощи съ фронта. И немедленно разослалъ во все арміи и фронты предложеніе обсудить мѣры о помощи Правительству (какъ же рѣшили выхлѣбать изъ Петрограда съ первыми направляющимися туда эшелонами съ самокатчиками и отрядами 1-ой казачьей дивизіи. Мы прибыли въ Петроградъ рано утромъ 6 июля, когда движеніе уже было ликвидировано, повидимому, неопредѣленностью настроенія большинства гарнизона, который, подъ влияніемъ слуховъ, что съ фронта идутъ войска, сталъ возвращаться въ казарму подъ команду офицеровъ. Войска и улицы были въ рукахъ правительственныхъ войскъ, которые щеголяли выправкой и дисциплиной. Оставалось ликвидировать лишь главную квартиру большевиковъ — домъ Кшесинской. Но и для этого уже было достаточно силъ на Дворцовой площади я застава уже собранный отрядъ изъ разныхъ частей, и въ 9 часовъ утра домъ Кшесинской былъ занятъ безъ малѣйшаго сопротивленія. Большевики покинули его своевременно.

Эта, по существу, почти безкровная побѣда надъ большевиками имѣла громадное значеніе для подъема авторитета власти въ тылу и на фронтѣ. Казавшаяся всѣмъ западной последовательность событій въ видѣ прорыва нашего фронта у Гариополя служила новымъ доказательствомъ необходимости рѣшительныхъ мѣръ для

укрѣпленія авторитета и силы власти. Появившаяся въ Петроградѣ рѣшительная фигура Самыкова, въ видѣ Управляющаго Военнымъ Министертвомъ, убѣждала въ готовности Правительства бороться за свои прерогативы. А военно-революционные суды устраняли послѣднія сомнѣнія въ этомъ.

Масса какъ-то притихла, притнулась въ испугѣ. Даже большевики стали «покладистѣе». Дѣло дошло до того, что въ Ригѣ они, прижатые Вейткенскимъ, дали подписку подъ воззваніемъ, призывающимъ армию подчиниться командному составу и изгнать изъ себя дезорганизаторскіе элементы, что лишило ихъ возможности возражать противъ той «чистки» армии, которая намъ стала плановѣрно проводиться.

Однако, не все шло вполне гладко.

Прежде всего, рѣзкій поворотъ въ сторону сильной власти встрѣчалъ нѣкоторое сопротивленіе въ комитетахъ, особенно въ 12 ой армии, гдѣ не было хозайской руки въ родѣ ген. Данилова. Новыя слова были слишкомъ необычны для комитетчиковъ, привыкшихъ къ благодушной фразеологикѣ первыхъ дней революціи о сознательной дисциплинѣ и пр. Разношерстныи, подчасъ до истерики вылезші «Нисколы 12», какъ сокращенно назывался исполнительный комитетъ солдатскихъ депутатовъ двѣнадцатой армии, шептались каждый разъ, какъ только намъ приходилось дѣлать рѣшительные шаги. Правда, не было случая, чтобы намъ не удавалось убѣдить комитетъ, при чемъ иногда поворотъ мѣный былъ ровно на 180°. Помню случай, какъ комитетъ устроилъ намъ съ Вейткенскимъ отъѣздку съ представителями большевистскихъ организаций по поводу закрытія газеты «Джонка

Правда». Большевики, при видимомъ сочувствии президіума комитета, стали доказывать, что «Окопная Правда» въ последнее время ведетъ себя умѣренно и заслуживаетъ пощадъ. Я взялъ принесенные «образцовые» номера «Правды» и, прочтя нѣсколько выдержекъ изъ напечатанныхъ тамъ резолюцій заявилъ, что вопросъ можетъ идти не о разрѣшеніи изданія «Окопной Правды», а только о привлеченіи ея издателей къ военно-революционному суду за дезорганизацiонскіе призывы. Не менѣе рѣзко высказался Войтинскій, еще имѣвшій славу почти большевика. И въ концѣ засѣданія весь президіумъ — Кучинъ, Харашъ и др. — оказался на нашей сторонѣ. Но такіе убѣжденія требовали времени, подчасъ уступки и компромисса. До разрыва дѣло не доходило, но все время была натянутость, и Комитетъ нѣсколько разъ выносилъ резолюціи о необходимости моего удаленія съ фронта за недостаточное уваженіе къ представителямъ учреждений въ арміи. Но каждый разъ революція оставалась подъ сѣномъ. Быть можетъ потому, что при первомъ посѣщеніи комитета я заявилъ, что буду дѣйствовать въ арміи, считаясь только съ директивами Правительства, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, сочту для себя невозможнымъ остаться на фронтѣ, если комитетъ заявитъ, что не конѣруетъ мнѣ.

Но не только комитетъ, самъ командный составъ, сбившій съ толку революціей, не зналъ, какъ подойти къ этой твердой власти, о которой столько говорилось въ тылу. Керенскій еще при мнѣ рѣшилъ закрыть «Окопную Правду» и послалъ объ этомъ телеграмму въ 12-ую армию. Но оказалось, что «Окопная Правда» все продолжала выходить. Клембовскій сообщилъ мнѣ, что въ 12-ой арміи не знаютъ, какъ поступить къ дѣлу,

и просилъ меня самого захватить и уладить это дѣло. Къ моему приѣзду въ Ригу у начальника штаба собрался весь штабной генералитетъ, начальникъ гарнизона, комендантъ. Всѣмъ представлялось рѣшительно невозможнымъ проведение приказа въ жизнь, такъ какъ это вызоветъ безпорядки, бунты и пр. Мнѣ пришлось упростить вопросъ, не вдаваясь въ прогноз относительно будущаго, и просто обратить вниманіе, что приказъ изданный самыми вѣскими соображеніями, дакъ, и, значитъ, его нужно немедленно выполнить. Для команднаго состава такая постановка вопроса оказалась наиболѣе убѣдительною, и, дѣйствительно, на другой день «Окопная Правда» была закрыта, безъ всякихъ экспрессовъ и недоразумѣній. Правда, большевики жаловались на недостаточно корректное къ нимъ отношеніе и пытались найти защиту во мнѣ... Но послѣ оставили и эту надежду. Правда, они стали вскорѣ издавать новую газету «Окопный Набатъ», но чрезвычайно сдержанно и блѣдно даже. Но я тутъ не обошлось безъ недоразумѣній. Во второй приѣздъ въ Ригу я нарочно зашелъ въ редакцію «Окопнаго Набата» и купилъ нѣсколько комплектовъ для ознакомленія. Въ штабѣ уже начальникъ штаба съ таинственнымъ видомъ сталъ мнѣ рассказывать, что, по свѣдѣніямъ его агентуры, большевики вмѣсто «Окопной Правды», издають «Окопный Набатъ» и что они надѣются вскорѣ получить номера этой газеты. Право безъ особеннаго чувства торжества я показалъ ему мое только что открыто купленное пять номеровъ...

Но особенно трудно было принимать болѣе рѣшительныя мѣры — технически называвшіеся тогда нами «чисткой» арміи. Чуть ли не въ каждой дивизіи была своя большевнѣ, съ име-

номъ, болѣе извѣстнымъ въ арміи, чѣмъ имя начальника дивизіи

Такъ какъ было ясно, что безъ нихъ удаленія нельзя справиться съ разложеніемъ арміи, то мы постепенно убирали одну знаменитость за другой. Но мѣры къ аресту должно было естественно принимать само начальство. Вѣдь оно распоряжалось военными силами. Такие генералы, какъ Болдыревъ, мало смущались такими задачами. Знаменитый капитанъ Сиверсъ, гремѣвшій отъ балтійскаго моря до Карпатъ, былъ арестованъ изумительно легко. Ему данъ былъ подѣ какимъ-то пердлогомъ приказъ явиться въ штабъ, тамъ его усадили на автомобиль и увезли въ тюрьму. Но въ одной изъ дивизій 8-го сибирскаго корпуса картина получилась иная. Начальникъ дивизіи не принялъ никакихъ мѣръ предосторожности и, не подготовивъ надежной силы, далъ приказъ объ арестѣ. Вся рота, въ которой находился большевикъ, повинуясь и рѣшительно заявивъ, что не выдастъ «своего», и у начальника дивизіи не оказалось подѣ руками силъ для принужденія. На другой день были приготовлены силы противъ роты, и приказъ былъ повторенъ. Но конфликтъ уже охватилъ весь полкъ, и къ одной ротѣ присоединялись другія. Пришлось на третій день нарядить экспедицію изъ войскъ трехъ родовъ оружія. Но въ то время, какъ части карательнаго отряда безнадежно путались и не явились во время, на помощь бунтовщикамъ явилась вся дивизія. Только благодаря вмешательству Войтинскаго удалось найти что-то въ родѣ выхода изъ положенія. Убѣдившись, что карательный отрядъ не можетъ оказать никакой пользы, онъ отпразднелъ къ ротѣ на переговоры и, несмотря на страшное возбужденіе солдатъ,

добился того, что арестованный был отправлен въ штабъ дивизии. Но роты, въ свою очередь, настаивали на томъ, что она будетъ тоже находиться при штабѣ. Такимъ образомъ, если принять во внимание, что охрана штаба состояла изъ 8 человекъ, оказалось, что не столько начальникъ дивизии арестовалъ большевика, сколько большевникъ арестовалъ начальника дивизии — Все это было настолько скандально, что Клембовскій просилъ меня поѣхать въ Ригу и посмотреть, что тамъ творится. Я попалъ на застѣваніе командующаго арміей, начальника дивизии и комиссара арміи. Я настаивалъ на немедленномъ вѣводѣ всей дивизии съ фронта и строжайшаго наказанія виновныхъ. Но генералъ Нарскій твердо заявлялъ, что онъ считаетъ это только неприятнымъ инцидентомъ, не колеблющимъ боеспособность дивизии, которая можетъ остаться на фронтѣ. Я такъ же опредѣленно заявилъ, что признаю полный приоритетъ его мнѣнія — Помню, одна квартира выходила на площадь съ готическимъ соборомъ. И, смущенно, удивленно уходя отъ командующаго арміей, я говорилъ Бейтискому, что впервые почувствовалъ, насколько острый, напряженный были готич. чужды русскому духу

Аресты отдѣльных большевиковъ не разрѣшали однако вопроса «Преступность» носилась въ воздухѣ, ея контуры не были отчетливыми, потому что ею была заражена вся масса.

Преобладающимъ типомъ преступности были массовыя преступления, когда цѣлыя роты, батальоны, полки и даже дивизии отказывались исполнять приказы — чаще всего о выступленіи на позиции. Въ такихъ случаяхъ, если убѣ-

ждения не помогали, приходилось окружать части и расформировывать их. Впервые такое расформирование было приложено на румынском фронте, потому широко применялось Савиловым и его помощниками, Ходоровым и другими комиссарами. Разоруженные солдаты арестовывались и отводились в тыл. (Перва такое наказание, при неопределенности судьбы арестованных, производило хорошее впечатление. Но когда выяснилось и стало общезвестным, что арестованные мирно содержатся в тылу, ничего не делая, при чем их судьба больше тревожить начальство, чем их самих, то расформирование, само по себе, стало скорее поощрением, чем наказанием. Я предложил Клембовскому организовать специальные «воспитательные» батальоны для этих солдат с очень суровым режимом и с переводом в лучшее положение по мере «исправления». Клембовский отнесся очень сочувственно, но сказал, что сам не может ввести их, так как его полномочия недостаточны для того, чтобы изменить правовое положение целых категорий солдат. Я послал тогда доклад в Петроград и Ставку. Из Ставки получил ответ, что Корнилов отнесся сочувственно к моей идее, и соответствующий приказ выработывается. Но он не был издан до конца.

Военно-революционные суды, давшие Савилова, несомненно, сыграли свою роль. Солдатина сразу почувствовала, что с нею перестали шутить.

Но были и трудности в применении этих, грозивших смертью судов. Прежде всего, было одно несправедливое, что после отъема смер-

ной казни въ тылу — она вводилась на фронтъ, хотя на фронтъ жизнь и такъ была тяжка и полна самопожертвований и главные удары Правительству и главная опасность анархизма и разрухи исходила какъ разъ изъ тыла. Кроме того вопросъ о строгой, безоглядно-суровой карѣ въ армии былъ просто, пока армия была въ тискахъ дисциплины, пока всѣмъ была ясна черта, переходъ которой грозила тягчайшими взысканіями. Но теперь и въ этой чертѣ было или, во всякомъ случаѣ уже бывало, быть можетъ, три четверти армии. Какъ тутъ выбрать, кто долженъ быть жертвой?

Къ этому присоединялись трудности бытового и психологическаго характера. Вотъ, для полскаго, случай изъ жизни.

И на фронтѣ въ расположеніи 109-ой дивизіи. Передъ батальономъ наиболѣе большевистскаго Новоладожскаго полка проканону рѣчь. Беру нарочно рѣзкія слова и рѣзкія противоположенія «Тутъ возражаютъ противъ смертной казни, противъ военно-революционныхъ судовъ... Пусть — это грѣхъ, но мы всѣ понимаемъ, что Правительство не могло сдѣлать иначе, и если изъ-за безпорядковъ въ армии погибаетъ страна, то мы должны вкѣстѣ съ ними взять этотъ грѣхъ на свою душу.» И я сталъ перечислять предусматриваемыя положеніемъ о военно-революционныхъ судахъ преступленія и доказывалъ необходимость суровой безоглядной борьбы съ ними. Въ томъ числѣ съ братами, которое одно время пустило хлѣбные корни въ бытъ армии — После рѣчи комическій инцидентъ. Началъ говорить генералъ Болдыревъ. Положивъ руку на плечо одного солдата, онъ началъ такъ: «Во время рѣчи комиссара я гмѣлся на этого солдата и видѣлъ, какъ онъ, весь въ волнении дро-

жалъ» «Никакъ нѣтъ, ваше превосходительство, у меня ноги слабы. Три раза подавался на комиссию, все не освобождаютъ» ..

Непосредственно послѣ бесѣды съ этимъ батальономъ меня повели въ передовые окопы. Большевикскій комитетъ хотѣлъ показать, что подкѣ несетъ образцово службу, что подтверждали всѣ офицеры. Вышли въ первую линию. Прошли къ передовой заставѣ, значительно выдвинутой впередъ. По дорогѣ показывали сѣдые слѣды снарядовъ противника «Сегодня насъ обстрѣливали.. Недонодѣнъ нами»... Вышли къ самой заставѣ — тихо, нагибаясь, такъ какъ противникъ былъ въ тридцати шагахъ отъ заставы. Вотъ мы около нашего часового. Кругомъ тишина, клонится къ вечеру. Нашъ молоденькій солдатикъ стоитъ во весь ростъ по поясъ надъ брустверомъ съ винтовкой въ рукахъ и молча, сосредоточенно, почти не замѣчая нашего прихода, смотритъ въ сторону противника, словно боится упустить малѣйшее движение. А такъ — такой же молодой нѣмецкій солдатъ въ каскѣ, съ ружьемъ, стоитъ прислонившись къ дереву и съ тѣмъ же вниманіемъ смотритъ на русскаго солдата. Онъ такъ близко что всѣ черты лица видны. Офицеры, сопровождавшіе меня, сняли шапку и предложили мнѣ сдѣлать то же, такъ какъ противникъ можетъ открыть огонь, если замѣтитъ нѣсколько закокardt. Я снимаю фуражку... Нѣмецкій солдатъ, очевидно, понявъ это, какъ привѣтствіе, тоже снимаетъ каску и дружелюбно, привѣтливо раскланивается. «Васъ надо предать военно-революционному суду», шутитъ членъ комитета, «вы вѣдь уже братались» ..

Потому неудивительно, что говорить о смертной казни мы могли очень много, но въ

насть не было рѣшимости переводить слова изъ дѣло. Вотъ, напр., случай применения закона. Солдаты латышъ вышли изъ окопа впередъ — это было на болотистомъ участкѣ подъ Ригой — собирать ягоды. Встрѣтили иѣмцевъ и разболтались съ ними. Въ результатъ — обстрѣлъ штаба полка. Военно-революционный судъ приговорилъ къ смертной казни. Комиссаръ армии не рѣшается утвердить приговоръ, и дѣло пересылается въ штабъ фронта, гдѣ рѣшение зависитъ отъ единодушія Главнокомандующаго и моего. Мы безъ споровъ рѣшаемъ помиловать. Мы вѣдь хорошо знаемъ, что это бытовое дѣление, что этого умысла здѣсь не было. И дѣло отнюдь не въ нашей слабохарактерности. Филоненко, одинъ изъ инициаторовъ введения смертной казни, самъ не утвердилъ единственнаго приговора, который дошелъ до него. Ходоровъ былъ сторонникомъ введения смертной казни сразу послѣ наступления 10-го июля, но я не утвердилъ, было ли нѣтъ использовано право предания военно-революционными судами. Несмотря на то, что, несомнѣнно, было желаніе сдѣлать это. Ходили какіе то темные слухи, что нѣсколько человѣкъ въ 5-ой армии было расстрѣляно. Но эти слухи были окружены легендами о томъ, что трупы были вырыты солдатами и пр. Поэтому всѣ старались заматъ, замолчать дѣло. И я не знаю ни одного случая применения военно-революционныхъ судовъ, который бы окончился применением смертной казни. Какъ трудно было выбрать кого-либо изъ переходныхъ чертъ, такъ трудно было найти людей, готовыхъ при этихъ условіяхъ принять на себя санкцію смерти реальнаго человѣка. И было большимъ вопросомъ, легко ли было найти исполнителей.

Серьезнѣйшей трудностью въ работѣ въ ар

мил было отсутствие в ней офицеров. И на-
стоящую именно на слове — отсутствие. Мы
ясно осознали пустое место, там, где должен
был находиться офицер. Уже до революции
офицерство чрезвычайно слабо справлялось с
военно-технической стороной дела. И неудиви-
тельно школы прапорщиков давали так мало
сведений вообще и нужных для войны сведений
в частности, что офицеры признавали, а сол-
даты не могли не чувствовать недостаток спе-
циальных сведений. Но кадровое офицерство
растерялось уже до революции в совершенно
необычных условиях войны еще в 1917 году
и слышала утверждение штаб-офицеров, что
мы проигрываем войну оттого, что «забываем»
в окопы, «откалдываем» от маневренного боя...
После революции там же офицерам пришлось
действовать в условиях, где формалистика со-
вершенно отпадала, где нельзя было с папироской
отойти в сторону и предоставить всю фактиче-
скую работу штаб-офицерам, где всю полез-
ность работы надо было понимать самому и
каждый миг давать понять обучаемым. Фор-
мализм, поддерживающий авторитет офицер-
ства, мал, и офицерство сразу почувствовало
себя приниженым. Потерявшими ту значитель-
ную часть авторитета технического руководи-
теля, которая поддерживалась искусственно.

А тут война требовала. Нахлынули во-
просы о партиях, о программах, о социальных
вопросах. Куча новых вопросов о которых
офицер вообще понятия не имел, или имел на-
столько малое, что едва хватало на свою по-
требу, но заведомо было недостаточно, чтобы
передавать другим в нашем батальоне, когда
излились клич о лекторах для солдат на
социально-научные темы, отозвался только один

лекторы съ темой «О злѣхъ». Но солдаты не понимаютъ, почему офицеръ молчитъ, и думаетъ, что офицеръ скрываетъ то, что знаетъ, какъ скрывалъ раньше — вѣдь офицеры говорятъ теперь, что они были тогда за свободу. И часто самому офицеру приходилось просить солдатъ дать прочитать тѣ книжки, которые выписывали полковой комитетъ для ознакомления съ новыми нахлынувшими вопросами.

И еще одно, существеннѣйшее обстоятельство. Революція выдвинула цѣлый рядъ социальныхъ моментовъ. Революція явилась въ армию съ лозунгомъ «за землю и волю». Я не знаю, насколько это было правильно и целесообразно и убѣдительно для крестьянина, когда его во имя земли сосѣдняго помещика звали умирать на колючей проволоцѣ подъ Брестанами. Но это было явно не убѣдительно для офицерства, напр. гвардейскаго корпуса, гдѣ представлена была наша земельная аристократія. Обращаться къ нимъ съ этимъ лозунгомъ — значило требовать жертвъ для того, чтобы въ награду у нихъ же землю отняли. Да и для тѣхъ, кто не связанъ съ землей, революція явилась съ цѣлымъ рядомъ мелкихъ, но досадныхъ житейскихъ набѣговъ. Дома семьи, а жизнь все тяжелѣе. Жалованья и такъ не хватало, а тутъ цѣны на все растутъ. Убрали денщиковъ.. Ограниченію въ пользованіи найкомъ изъ жителдавтовокъ въ пасовѣ, . . Повсюду комитеты, комиссары.. Новыя слова ..

Конечно, рядовое офицерство не склонно было дѣлать изъ этого какие-нибудь практическіе выводы противъ революціи. Но, во всякомъ случаѣ новые лозунги и порывы не могли поднять его на рѣшимость волею и бѣгое тяжкихъ жертвъ. Увидѣвъ въ сторону, намъ то изъ

за чего возмущаться?» - Уже до революции меня часто поражал формализм в отношении к делу, и казалось, что только болящая дисциплинарная власть поддерживает напряженность в офицерстве. Тут же революция и даже пресловутая декларация прав солдата открывала большой простор всяческому «ловчению». И офицеры «гуляют по влажу», по целым неделям не показываясь в роты. Даже сами солдаты почувствовали неуютность такого положения, и мы неоднократно присылали резолюции роты, иногда повторные с требованиями, чтобы офицеры являлись на занятия. Но часто те офицеры, которые по исключению работали в новых учреждениях, комитетах и комиссиях, удивлялись больше, чем те, которые не являлись в роты, несмотря на требования солдат. Ибо на второй день работы начинали разговоры о производстве в следующую чину. Но в таких исключениях в начале было очень немного. Офицерство «ушло» от войны не меньше, чем солдаты. Поэтому оставалась не армия, а толпа. А вместо офицеров — большевистские агитаторы.

Лишь в последнее время наблюдался небольшой поворот. В роты, полках и дивизиях выдвигались новые офицеры, действительные руководители солдат. Начиналось сближение часто с совершенно неожиданной стороны с чтением газеты «ротой», с организацией развлечений, спортивных игр. Научились пользоваться новыми порядками и учреждениями с выгодой для дела и без всякого ущерба для себя. Новыписали себе библиотеки. Но дело все же шло очень медленно, и офицерский вопрос оставался сложным до последних дней

Все эти трудности — с командным составом, с офицерством и солдатской массой — увеличивались чрезвычайно печальным состоянием военной техники.

Если армию еще можно было заставить стоять на фронте и сражаться, то только при условии, чтобы солдатская масса чувствовала, что ее не ведут на убой, что ее силы и жизнь использованы правильно, а не растрочены без счета и отбита. Но в армии была нехорошая привычка, завещанная старыми строем считать винтовки патроны но не солдат. Солдат должен только повиноваться, а жить он может в тех грязных ямах, прикрытых ветхими деревнями, наступать он может, навлекаясь массой и затопляя своей кровью, задавливая телами всю хитрость немецкой военной тактики, все выдумки немецких инженеров.

При обычае корпусов я, помимо политических вопросов, всегда выдвигал вопросы технические. И мой скептицизм по отношению к командному составу только возрастал. Учение, где провозглазось, — шло формально, по старым уставам, уже безнадежно устаревшим до войны и теперь не отвечающим ни духу, ни чрезвычайному своеобразию жизни на фронте. Часто я не мог не видеть, что такие занятия были только тратой времени, только простым испытанием на терпеливость и повиновение солдат. Весь строй военного дела не двигался вперед, не совершенствовался, но, наоборот, регрессировал. Раньше командный состав, в случае неудач, чаще всего прибегал к обвинению еврейских шпионов. Теперь обвинять прямо только евреев нельзя было, но зато сколько угодно можно было валить вину на общий дух армии, на свободу, на революцию, на Правительство.

ство. Чего же беспокоиться? Помню, какъ-то спросилъ я одного начальника дивизии, знакомъ ли ему изданный Ставкой еще до революцiи разборъ и описание послѣднего нашего зимняго наступленiя подъ Ригой, въ которомъ онъ участвовалъ самъ со своей дивизiей. Но начальникъ дивизии даже не зналъ о существованiи этого разбора, хотя онъ уже давно былъ разосланъ во всѣ штабы, и хотя этотъ разборъ указывалъ на весьма существенныя пробѣлы въ организацiи наступленiя, которые, по мнѣнiю Ставки, объясняли всѣ неудачи наступленiя. Очевидно, что, если бы начальнику дивизии пришлось еще разъ готовиться къ наступленiю, онъ повторилъ бы всѣ прежнiя ошибки или даже сдѣлалъ ихъ больше, ибо теперь онъ зналъ, что и Ставка не станетъ ни разбирать ни описывать — вѣдь причины неудачъ казались всѣмъ общепонятными.

Я имѣлъ возможность осмотрѣть подробно, вмѣстѣ съ генераломъ Черемисовымъ, громадныя фортификацiонныя работы подъ Ревелемъ, продолжавшiяся съ начала войны и имѣвшiя задачей защиту города съ суши. Несмотря на чудовищныя средства, затраченныя на эти постройки, и громадное количество произведенной работы, Ревель къ моменту нашего посѣщенiя, не имѣлъ никакой защиты съ суши, такъ какъ, по единодушному мнѣнiю всѣхъ офицеровъ, начиная съ Черемисова и кончая самымъ строителемъ позицiи, пѣхота не могла бы даже расположиться въ этихъ укрѣпленiяхъ, не то что сражаться въ нихъ въ лучшемъ случаѣ, она могла просто уйти въ громадныя подземныя, вырубленныя въ скалахъ галлерей, не имѣя возможности сдѣлать хотя бы одинъ выстрѣлъ въ сторону противника. Мы были буквально поражены всѣмъ видѣннымъ бюрократически уставнымъ долбленiемъ земли и

камни, тѣмъ болѣе, что уже имѣлись свѣдѣнія, что противникъ готовится какія-то операции въ Балтійскомъ морѣ. Говорятъ, постройки въ Финляндіи были еще чудовищнѣе и нелѣпѣе.

И, какъ могъ, постоянно и повсемѣстно обращалъ вниманіе на эту сторону дѣла. Даже написалъ небольшой докладъ о методахъ обученія арміи въ современныхъ условіяхъ, съ цѣлымъ рядомъ техническихъ указаній. Но Ставка отмахивалась отъ моихъ писемъ и докладовъ. Тогда я выбралъ совершенно исключительную форму препропозиторскаго письма, рѣжущую слухъ, привыкшій въ закругленнымъ фразамъ канцелярскаго слога, -- но я получилъ только выговоръ отъ Филояенко за эту форму. Нѣсколько услѣшнѣе были мои домогательства въ Петроградѣ, гдѣ мнѣ было разрѣшено опубликовать мои соображенія объ обученіи. Я сталъ привлекать молодыхъ офицеровъ къ технической работѣ и мечталъ уже о военно-техническихъ реформахъ на фронтѣ соответствующихъ новымъ политическимъ условіямъ и техническимъ требованіямъ современной войны. Но по тогдашнимъ условіямъ и настроеніямъ, это было если не донихотизмомъ, то, во всякомъ случаѣ, сивфовой работой.

Все же, когда мы подводили итоги всѣмъ трудностямъ, возможностямъ и результатамъ, намъ тогда казалось: дѣло не было безнадежнымъ. Вѣдь въ 5-ой арміи ген. Даниловъ ждался, что у него не армія, а военный университетъ все работало, училось, прослѣщалось, не только въ техническомъ, но и въ правильномъ смыслѣ такъ какъ весь лучший и культурный элементъ арміи былъ двинутъ въ дѣло. Специальные военные курсы по разнымъ отраслямъ, строевыя занятія, и тѣ уже въ большинствѣ

дивизій шлѣ, по утвержденію команднаго состава, не хуже, чѣмъ въ дореволюціонное время. — Хуже было въ 12-ой арміи, но и тамъ дѣло шло на поправку, и Парскій, со своеобразнымъ спокойствіемъ, завѣрялъ, что армія «вылѣчится». Конечно, армія не могла еще думать о наступленіи. Но такая задача передъ ней и не ставилась. Правда, даже обороноспособность могла вызывать сомнѣнія — но дѣлались соответствіяныя намѣненія въ нашихъ оборонительныхъ планахъ такъ, подъ Ригой, былъ очищенъ икскельскій плацдармъ, и части, выдвинутыя по побѣдѣ, были отодвинуты назадъ. Быть можетъ, нужно было только повѣрить арміи... Но ей не вѣрили — и разрушали вѣру въ нее у другихъ. Даже то очищеніе рижскаго заморья, которое было произведено благополучно и спокойно, по плану, при чемъ такъ, что даже все сѣно было собрано и увезено — въ изображеніи Станки, въ бюллетеняхъ, являлось пораженіемъ, нанесеннымъ нашей арміи вслѣдствіе ея нестойкости. И все-таки армія, быть можетъ, могла бы выдержать натискъ ослабленнаго войной противника... Но она не могла выдержать комбинаціоннаго удара въ тылу и на фронтѣ.

Глава пятая.

ПАДЕНІЕ РИГИ.

Первый ударъ послѣдовалъ на фронтъ со стороны противника подъ Ригой.

Свѣдѣнія о началѣ наступленія противника подъ Ригой я получилъ въ Двинскѣ, гдѣ какъ разъ объѣзжалъ корпуса. Въ штабномъ сообщеніи были тревожные тона, но была увѣренность, что все обойдется благополучно. На другой день свѣдѣнія были тревожнѣе. Я немедленно уѣхалъ въ Исковъ и тамъ въ кабинетъ Главнокомандующаго увидалъ, показавшуюся мнѣ такой невѣроятной уродливой, военную карту, уже безъ Риги...

Главнокомандующій былъ въ чрезвычайномъ волненіи. Дѣло шло уже не о Ригѣ только, но о всемъ положеніи сѣвернаго фронта, такъ какъ въ 12-ой армии нахло катастрофой. двѣнадцатъ часовъ Главнокомандующій не имѣлъ ни какихъ свѣдѣній отсюда и не могъ добиться даже связи со штабомъ.

Черезъ полчаса я былъ на дорогѣ къ Ригѣ.

Паденіе Риги вообще было весьма замѣчательнымъ фактомъ, совершенно еще не выясненнымъ въ военной литературѣ. О предполагаемомъ наступленіи противника я слышалъ съ перваго дня моего пріѣзда на фронтъ — и Главнокомандующій, и командующій арміей, и въ комитетѣ все постоянно объ этомъ говорили. И давно уже были приняты самыя рѣшительныя и серьез-

ные мѣры къ парированию удара Инженеръ Ермолаевъ, едва ли не наиболее энергичный и выдающийся военный инженеръ нашихъ армій, укрѣплялъ всѣ подступы къ Ригѣ по послѣднему слову техники, съ которой онъ имѣлъ возможность познакомится во время своей командировки на западный фронтъ во Францію, при чемъ онъ имѣлъ въ своемъ распоряженіи неограниченныя количества лѣсного матеріала и бетона. Для облегченія обороны, какъ я уже упоминалъ, самый фронтъ умышленно сократили, отодвигая части по заморью къ линіи почти непреступныхъ озеръ. Правда при этомъ все время исходили изъ предположенія, котораго придерживался штабъ фронта, что противникъ направитъ атаку на нашу лѣвобережную плацдармъ въ направленіи на Олай или вдоль берега Двины. Но ген. Шарскій, прихавъ въ армию и осмотрѣвшись въ обстановкѣ, рѣшилъ, что атака наиболее вѣроятна въ направленіи на Икскюль, и принялъ соответственныя мѣры, значительно усиливъ резервы на правомъ берегу Двины. Вообще его приказъ съ распоряженіями на случай атаки противника, данный за нѣсколько недѣль до наступленія, предвидѣлъ событія съ поразительной ясностью и правильностью. Поэтому и мѣры были приняты достаточныя.

Фактически оказалось извѣстнымъ не только мѣсто, но и время наступленія, и при томъ съ точностью до одного часа и наканунѣ наступленія, перебѣжчикъ-эльзасецъ сообщилъ о приготовленияхъ нѣмцевъ съ такими подробностями, что штабъ армии еще наканунѣ послалъ продупрежденіе войскамъ быть готовыми къ тому что ночью противникъ начнетъ артиллерійскій обстрѣлъ для того, чтобы утромъ перейти въ наступленіе, при чемъ, между прочимъ, указавъ

ялось на необходимость иметь наготовѣ противогазовыя маски

Въ 4 часа утра 19-го августа, дѣйствительно, начался артиллерійскій ураганный огонь. Но послѣ часа усиленной бомбардировки дивизия, стоявшая на участіи атаки, настолько смѣшалась, что начальники дивизии потеряли связь съ тыломъ и со своими частями. Каждый полкъ сталъ дѣйствовать самостоятельно и по своему почину, и вслѣдъ стимъ починкомъ было — отойти назадъ. Противники около 8 часовъ утра безъ потерь начали переправу своихъ войскъ на правый берегъ. Но въ приказѣ командующаго арміей какъ разъ предвидѣлось, что противнику можетъ удастся подъ прикрытіемъ ураганнаго огня совершить переправу. Важно было тогда своевременной атакой сбросить его въ рѣку. Противникъ переправить одну или двѣ дивизіи не больше, и, въ сущности, оказался окруженнымъ нашими силами, въ нѣсколько разъ превосходящими его. Если бы эти силы одновременно были двинуты въ атаку — противникъ былъ бы безъ сомнѣнія отраженъ. Но одновременности атаки не получилось. Атака велась поочередно разными дивизіями, даже отдельными полками, кобрые, конечно, безъ труда отгонялись огнемъ противника. Этотъ моментъ неодновременности атаки объясняется отсутствіемъ связи между частями арміи. Былъ случай, что ген. Болдыревъ специально просилъ Войтинскаго поѣхать въ сосѣднюю дивизію и выяснить, что тамъ происходитъ, почему дивизія не атакуетъ. Но время проходило. Силы противника увеличивались. Наша организаци какъ-то сама собой распадалась. Пять дивизій резерва образовались около Штубенвее въ то время, какъ чередъ двумя дивизіями противника оказалось незащищенное

пространство въ шесть верстъ шириной. Въ этотъ промежутокъ, не встрѣчая сопротивленія, противникъ вошелъ, а наши пять дивизій, стоявшихъ около Штубензее, повидимому, не подозревая другъ о другѣ, начали беспорядочное отступление на венденское шоссе. Тутъ и штабъ арміи, давъ распоряженіе объ очищеніи лѣвобережнаго плацдарма, сорвался съ мѣста и по запруженнымъ дорогамъ сталъ пробиваться въ Зегевольдъ. Въ Ригѣ никого не осталось для поддержанія связи, хотя правило военного искусства требуетъ, чтобы во время такихъ перетяговъ отправлялись только командующій арміей или начальникъ штаба, въ то время какъ другой долженъ былъ оставаться на старомъ мѣстѣ до тѣхъ поръ, пока управление арміей не констатируется на новомъ мѣстѣ. Перетягъ на новое мѣсто и установленіе связи потребовали около 18-и часовъ а, въ сущности говоря, потерянная связь была восстановлена, и то отчасти, лишь на третій день, послѣ остановки арміи на венденскихъ позиціяхъ, куда армія отступила почти что самолично. Тамъ армія остановилась, потому что противникъ остановился на одианъ переходъ раньше. Арміи самой пришлось черезъ нѣкоторое время искать его и для этого въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, вернуться верстъ на 15-ть.

Но все это я узналъ впоследствии по разсказамъ дѣйствующихъ лицъ, по приказамъ и донесеніямъ. Теперь же я ѣхалъ въ направленіи къ Ригѣ, не имѣя никакого представленія о томъ, что тамъ творилось.

Чуть ли не сразу за Псковомъ на шоссе стали попадаться сперва автомобили, а на полѣ дороги къ Вендену и цѣлыя толпы бѣглецовъ.

Далѣ пошли цѣлыми вереницы. За Венденомъ все шоссе сплошь оказалось занято отступающими войсками. Большого безпорядка не было. По шоссе тянулись обозы шла артиллерия, ѣхали обозники на лошадяхъ съ обрѣзанными постромками. По бокамъ дороги шли пѣхотные части. Почти всѣ солдаты непрестанно жевали рѣпу, вынуждаемую въ лежащихъ близъ дороги огородахъ. Иногда по близости раздавались выстрѣлы — и тогда начиналась паника. Но сразу слышались голоса болѣе уравновѣшенныхъ «Успокойтесь, товарищи, это только провокація», и все снова приходило въ норму. Однако, ясно было, что это не армия, а толпа, неспособная ни на малѣйшее сопротивление. Я впервые видѣлъ отступленіе, и чувство стыда, злобы и бѣшенства охватывало меня, когда я глядѣлъ на эту подвужую армию, на этихъ жующихъ солдатъ.

Въ Зегевальдѣ уже не было штаба арміи — онъ перешелъ уже въ Венденъ. Пришлось возвращаться обратно. Ничего отрадного въ штабѣ арміи я не узналъ, хотя бы потому, что тамъ ничего не знали. Штабъ не былъ связанъ ни съ однимъ корпусомъ, несмотря на то, что вся мѣстность между Ригой и Венденомъ по всѣмъ направленіямъ была цѣлѣю сѣтъ телеграфныхъ и телефонныхъ проводовъ. Но для связи пользовались посылками, такъ какъ телефонная связь устанавливалась лишь спорадически и быстро прерывалась. Резервы были, но командующій арміей не рѣшался ихъ бросать въ дѣло, не зная точно обстановки. Бронѣ того, была своеобразные «маслоки» — вѣстряки, напр., свѣженькую дивизию съ новыми винтовками... Но оказалось, что винтовки японскія, а дивизія не обучена пользоваться ими, да и патроновъ не было соответствующихъ.

Въ полномъ отчаянии искать и способа что-то сдѣлать, дать какими-нибудь образомъ выходъ напряженному желанію остановить армію, найти точку приложения для толчка, могущаго возбудить энергію арміи. Но такой точки не было. Все было разсыпчато, рыхло и вязко. Да и о какомъ толчокѣ могла идти рѣчь? Вѣдь не уговаривать же? Хотѣлось запугать, устрашить суровой карой, чтобы армія почувствовала власть. Разстрѣлать кого-нибудь на виду у всѣхъ! Но кого?

Перваго попавшагося солдата, мирно жывавшаго рѣну и идущаго впередъ съ радостнымъ сознаніемъ, что опасность миновала, и что онъ ничего дурного не сдѣлалъ? — вѣдь всѣ идутъ такъ, какъ онъ. Но вѣдь ниѣ даже въ штабѣ арміи гдѣ были лица, заведомо ищущія возможности свалить вину на солдатъ, не могли сообщить ни одного конкретнаго факта неисполненія не только боевого, но, вообще какого бы то ни было приказа. наоборотъ, сознаніе опасности отъ вставало солдатъ шатнуться въ сторону офицеровъ, в отношеніи къ командному составу были вполне нормальныя.

Или начальника корпуснаго аррьергарда, кавалерійскаго полковника, котораго я недавно вечеромъ застигъ въ его помѣщеніи въ комнатѣ на второмъ этажѣ, сидящимъ со свѣчкой у окна, обращеннаго въ сторону къ противнику, находящемуся на разстояніи не болѣе версты, и мирно расслабляющимъ насмыслъ, въ то время, какъ его кавалерійскій полкъ не имѣлъ связи ни съ тыломъ, ни съ сосѣдними частями ни справа ни слѣва.

Или командира полка, котораго Войтинскій нашелъ сидящимъ въ отчаяніи въ канавѣ у дороги. Его полкъ, голодный и усталый, расположенъ на лужайкѣ вокругъ. Войтинскій сталъ

распращивать полковника. Но тотъ въ отчаяніи, въ послѣдней стадіи черной меланхоли, говорилъ о томъ, что онъ ничего не въ силахъ сдѣлать, не имѣетъ чѣмъ накормить своей полкъ, такъ какъ потерялъ свою дивизию. «Справьтесь въ штабѣ корпуса». — «Потерялъ связь съ корпусомъ». — Какъ потеряли связь? Да вѣдь корпусъ тамъ, въ томъ домѣ, изъ котораго и только что вышелъ». Это нѣсколько подбодрило полковника, но все же потребовались вся энергія Войтинскаго, чтобы немедленно изъ складовъ корпуса быть выданъ полку обильный обѣденный паекъ.

Или начальника дивизіи, который расхваливалъ геройство своей дивизіи, хотя списокъ потерь оказался, по проверкѣ въ обѣденное время, крайне ничтожнымъ, и все геройство заключалось въ томъ, что дивизія, даже не видя врага, все время отступала назадъ. «Но, вѣдь, она отступала въ порядкѣ», доказывалъ начальникъ дивизіи, не понимая, чего отъ него хотятъ.

Или командира 48 корпуса, который серьезно увѣрялъ, что онъ «прикрываетъ» собой 10-ти верстный фронтъ, хотя фактически всѣ его дивизіи, раздвинувшись вправо и влево, вышли изъ связи съ нимъ и пристали къ другимъ корпусамъ, а въ его распоряженіи остались лишь Войтинскій штабъ корпуса и нѣсколько приблудившихся командъ.

Или командира 2-го сибирскаго корпуса, который со всеми своими и чужими дивизіями, приставшими къ нему, «телъ» по Венденскому шоссе, почему-то именую это примитивное шествіе «флинтговымъ маршемъ подъ натискомъ противника», усердно расхваливалъ (впервые со времени революціи) своихъ солдатъ. Я спросилъ его: «Почему же Рига была сдана, если войска

такъ геройски настроены? И онъ отвѣтилъ мнѣ что tudo не въ томъ, что Рига сдана а въ томъ, что она держалась такъ долго, такъ какъ уже послѣ отступленія изъ Пруссии наша армія сдѣлалась неспособной къ маневренному бою.

Или командующаго арміей который въ отвѣтъ на мое выраженіе глубокаго огорченія по поводу отгужевія нашихъ войскъ, заявилъ, что отступленіе совершается образцово и не можетъ быть даже сравниваемо съ отступленіемъ изъ Галиціи или Восточной Пруссіи, не говоря уже объ отступленіи подъ Младеномъ.

Или членовъ комитета, которые были такъ увѣрены въ томъ, что казія вырывается свой дѣлѣ, что только послѣ моей почти чѣ оздобленной рѣчи начали понимать, что однако, не все въ порядкѣ, такъ какъ Рига все же сдана и сдана послѣ сравнительно небольшого натиска противника.

Или Вѣтинскаго, который, видя что солдаты всякій разъ, какъ давался приказъ идти въ бой исполняли его безъ колебаній, забывалъ общую картину, а влюбленный въ солдата сталъ защищать его отъ нападковъ Ставки разсмѣявъ по всему свѣту хвалебныя гимны безъ толку отступающей арміи.

Или меня, наконецъ, который, въ результатѣ безплодныхъ поисковъ виновника, настолько проникся сознаніемъ нецѣлѣбности всего творящагося, что неѣ нападѣ на командующаго арміей, которымъ его осыпали на моихъ глазахъ и некоторые изъ чиновъ штаба, объяснилъ интригой за то что командующій арміей не одобряетъ и не старается вразумить вину на солдаты. Поэтому, чтобы прекратить эти неприятныя и явно безполезныя толки, я написалъ записку главнокомандующему фронтомъ, гдѣ изложилъ

всю картину боя, сдѣлать рѣшительное заключе-
ніе о необходимости сохраненія Царскаго во
главѣ армии, такъ какъ онъ единственно спо-
коенъ, уравновѣшенъ, не теряетъ вѣры и бо-
дрости и отчетами о бою не сводитъ полити-
ческіе счеты, — вѣдь это было бы такъ просто —
вызвать всю вину на солдатъ, на новые по-
рядки. Вся повѣржили бы а Ставка благодарилъ
бы. Чтобы прекратить непріятныя попытки сдѣ-
лать меня оружіемъ какихъ-то интригъ, я по-
казалъ эту записку какъ штабнымъ противни-
камъ Парскаго, такъ и ему самому.

Изъ этого длиннаго списка виновниковъ я
выбралъ отступающихъ солдатъ и не наступав-
шаго генерала. Узнавъ, что на станціи желѣзной
дороги собралась большая толпа солдатъ и мѣ-
шаетъ правильному движенію поѣздовъ, я со-
ставилъ очень строгій и даже кровожадный при-
казъ отъ имени командующаго арміею и моего,
уполномочивающій лицъ, вѣдающихъ охраной
путей сообщенія разстрѣливать на мѣстѣ лицъ,
не повиновавшихся приказамъ. Но вѣсно, какое
впечатлѣніе производилъ этотъ приказъ, но при-
знанія его не было, такъ какъ небыло случаевъ
открытаго неповиновенія. Я этому не могу
не вѣрить, такъ какъ видѣлъ, что настроеніе
арміи было въ высшей степени мирное, мягкое,
добродушное, слегка промѣшанное въ самой себѣ.
Словомъ, солдаты увернулись отъ моего сто-
лѣка... Кроме того, я хотѣлъ дать возможность
выяснить условія и причины сдачи болѣе всо-
стороннимъ образомъ, чѣмъ мой обыкловъ шта-
бовъ корпусовъ и дивизій и разспросы случай-
ныхъ свидѣтелей. Это мнѣ казалось тѣмъ болѣе
важнымъ, что большевики уже стали распускать
слухъ о томъ, что городъ сдать мѣстамъ на-
рочно, такъ какъ начальство хотѣло казнить

отъ этого гнѣзда и рассадника большевпана. Эти слухи не могли не пользоваться довѣріемъ въ арміи, которая знала, что, въ сущности, защиты и сопротивленія не было, и поэтому я рѣшилъ освѣтить условія начального рѣшающаго боя у переправы черезъ Двину. Штабъ арміи и командиръ 43 корпуса рѣшающимъ моментомъ нашей неудачи считали то, что дивизія, стоявшая палъво отъ мѣста переправы нѣмцевъ, не двинулась своевременно въ атаку. Дивизіей командовалъ ген Скалонъ, къ которому я относился съ большимъ уваженіемъ, такъ какъ, по моему впечатлѣнію, онъ былъ однимъ изъ рѣдкихъ начальниковъ дивизій, не потерявшихъ способность управлять войсками. Однако, послѣ того, какъ получилъ письменный матеріалъ, недвусмысленно указывавшій на то, что въ критическую минуту ген Скалонъ, имѣя приказъ командира корпуса начать наступленіе, не сдѣлалъ этого, я рѣшилъ, на основаніи безспорно имѣвшихся у меня полномочій предать его военно-революціонному суду. Свое предложеніе объ этомъ, адресованное командующему арміей, я началъ словами признанія выдающихся качествъ и боевыхъ заслугъ ген Скалона и его несомнѣнной доблести и закончилъ увѣренностью, что судъ найдетъ дѣйствительные мотивы его медлительности въ рѣшающій моментъ. Я былъ увѣренъ, что судъ оправдаетъ Скалона, но мнѣ казалось, что это положило бы конецъ всякимъ толкамъ о преднамѣренной сдачѣ города.

Но какъ ни далеко шли мои свѣрѣпыя исканія виновника, мнѣ кажется, они были совершенно свободны отъ какого-либо предвзятаго политическаго взгляда. Но Ставка искала виновныхъ, конечно, съ заранее обдуманнѣйшими наміреніемъ. Генералъ Корниловъ прислалъ стро-

гий приказъ о томъ, чтобы немедленно для остроты разстрѣлять нѣсколькихъ солдатъ на дорогѣ на глазахъ у другихъ. Приказъ, конечно, не былъ приведенъ въ исполненіе. А мы рисовалась картина схватываютъ нѣсколькихъ, жарко гудорщихъ, солдатиковъ и ставятъ ихъ подъ разстрѣлъ. Не свяжетъ ли одинъ изъ нихъ, такъ, поинтерному, равнодушныхъ ко всему «Дайте хоть рѣшу то доѣсть!» Кроме того, Корниловъ заявилъ на собраніи бывшихъ тогда въ Ставке представителей комитетовъ, что предастъ суду Войтинскаго и Парскаго за то, что тѣ не даютъ правильной картины о положеніи въ арміи, т. е. не возлагаютъ вину на солдаты

Хотя хронологически потеря нами Якобштадта случилась нѣсколько позже, но логически и бытовымъ образомъ картина этого нашего отступленія связана съ картиной отступленія подъ Ригой, и я вынужденъ изобразить ее здѣсь.

Свѣдѣніи о началѣ наступленія нѣмцевъ на Якобштадтъ были получены мною около часу дня. Къ вечеру выяснилось, что пладдармъ очищенъ. На другой день рано утромъ я былъ уже въ штабѣ 38 отдѣльнаго корпуса, вандицавшаго пладдармъ и цѣлый день объѣзжалъ всѣ штабы дивизій. Вечеромъ оказался въ штабѣ дивизіи, стоявшей на правомъ флангѣ отъ мѣста прорыва.

Начальники дивизій оживленно и горячо рассказывали мнѣ о всѣхъ перипетіяхъ «боя». Промеже всего разсыпался похвалой по адресу войскъ. Даже получивъ уже приказъ объ отступленіи солдатъ не вѣрily и не хотѣли уходить, желая продолжать сопротивленіе. Видя недоброе на моихъ лицѣ, начальники дивизій

предложилъ мнѣ проѣхать въ поляхъ, стоявшій въ первой линіи и разспросить солдатъ и офицеровъ «Вѣтъ расскажутъ вамъ, что не хотѣли уходить» — Далѣе чрезвычайное удовлетвореніе что удалось отступить безъ всякихъ потерь. Вся дивизія, почти человѣкъ въ человѣка, благополучно была перестроена на правый берегъ. — И, наконецъ, весьма скромно отступление дивизіи было рѣшено помимо распоряженія изъ корпуса. Начальникъ дивизіи съ кодовой липкой въ рукахъ доказывалъ мнѣ, что по крайней мѣрѣ часа за полтора до приказа изъ корпуса, его дивизія начала отступление на правый берегъ.

Я слушаю все это молча, нѣрѣдка задавая вопросы о подробностяхъ. Когда начальникъ дивизіи кончилъ, я задаю вопросъ, навѣстна ли ему общій картина боя въ моментъ, когда онъ далъ приказъ объ отступленіи — Картина эта, конечно, не могла быть perfectной, такъ какъ связь между штабами была слишкомъ слаба для того, чтобы они могли обмѣняться своими свѣдѣніями. И же, говоря — во едино все, что слышать въ штабѣ корпуса и въ штабахъ трехъ дивизій, а также въ полку и одной изъ ротъ, которыми были на участіи наступленія нѣмцевъ нарисовалъ картину боя. После сравнительно короткаго и не особенно сильнаго артиллерійскаго боя ни одинъ штабъ не былъ обстрѣлянъ, во всякомъ случаѣ, не имѣлъ потерь) противникъ прорвалъ фронтъ охотою одной версты и силою никакъ не болѣе двухъ полковъ проехалъ въ наше расположеніе и, не озираясь ни налѣво ни направо, шелъ впередъ, пока не достигъ штаба атакующей дивизіи. Къ этому времени два полка противника были обружены со всѣхъ сторонъ нашими шестью полками, не считая силъ

атакуемой дивизии, три изъ которыхъ были подъ командой моего собесѣдника. Но какъ разъ въ этотъ моментъ было начать, сперва по собственному почину, а потомъ по приказу изъ штаба корпуса, отходъ на правый берегъ.

Мнѣ казалось, что собесѣдники были въ большомъ смущении.

— Такъ что же, по-вашему, нужно было рисковать судьбой всей дивизии и, несмотря на опасность, быть отрѣзаннымъ отъ мостовъ, переходить въ наступление?

— Для страны лучше знать, что нѣсколько дивизій потеряно въ упорномъ бою, чѣмъ знать, что всѣ дивизии всегда отступаютъ безъ потерь при первомъ натискѣ противника.

Начальникъ дивизии былъ крайне огорченъ такой моей безоглядной воинственности и при этомъ, что впродъ онъ не будетъ думать о своевременномъ отступленіи.

Результаты моихъ наблюдений подъ Якобштадтомъ, съ чертежами и подробной исторіей всего боя по донесеніямъ и приказамъ, я свелъ въ брошюрѣ, которую напечаталъ (секретно) и разослалъ во всѣ штабы корпусовъ и въ штабы дивизій участвовавшихъ въ бою. Несмотря на рядъ полученныхъ мною отъязовъ, правильность картины боя никѣмъ не оспаривалась.

Глава шестая.

ДѢЛО КОРНИЛОВА

1. Политическая обстановка въ Петроградѣ.

Если наступленіе противника подъ Ригой только отгѣснило нашъ военный фронтъ, то въ Петроградѣ оно прорвало нашъ политическій фронтъ.

На петроградскомъ фронтѣ давно уже было неблагополучно. Послѣ неудачнаго наступленія 18-го іюня русская революція, въ сущности, попала въ тупикъ, лишилась своего наступательнаго движенія. Ея историческимъ значеніемъ, психологическимъ смысломъ и единственной государственной программой — былъ миръ. Быть можетъ, даже миръ «во что бы то ни стало». Но всѣ пути къ миру казались уже испробованными, и всѣ только отдаляли отъ мира. Настроение основной демократіи начинало складываться все опредѣленнѣе противъ русской демократіи. Дипломатія — относилась къ Россіи съ явнымъ пренебреженіемъ, въ особенности послѣ того, какъ вступленію въ войну Америки дало возможность спокойноѣе относиться къ мыслямъ о выбытіи Россіи изъ строя. Противникъ, если и учитывалъ русскую революцію, то только какъ ослабленіе русскаго фронта, какъ возможность мира за счетъ Россіи... Вадъ даже германская

социальным краху стала безпокоиться о слабости России в той аппарате, которая там воцарилась.

Ни мира ни войны

Временное Правительство вело напряженный раб-оту по восстановлению боеспособности армии и плечом власти силовыми командными структурами. И политический Комитет вел как-то переговоры с представителями демократии других стран. Но из вопроса постепенной важности проблема мира и войны превратилась в общеденную заботу и если иногда выдвигалась о ней на первый план, то уже как средство для сведения других политических счетов. Даже когда вооружения для войны масс в тылу проявляли явно безумное настроение, когда крохотные митинги собирались ити походом всеми флотом, на Петроград, когда приходилось вступать в дипломатические сношения с Красноярской республикой и восточной солдатской, опьяненной революцией и бедствиями — и тогда эти явления осуждались не с точки зрения войны а с точки зрения внутренних политических и социальных вопросов.

Коалиционное Правительство, составленное для того, чтобы единым, консолидированным авторитетом руководить массами, распалось тотчас как только обозначилась неудача наступления на фронте Кадеты, а за ними и Львовы вышедшие из состава Правительства, недовольные социальным радикализмом левой части его. Начался несомненный кризис власти продолжавшийся почти месяц и вызволивший в 1-е гласный того времени кроме дней большевистского восстания в Петрограде и прорыва фронта под Тарнопольем.

Аграрные беспорядки, падение производи-

тельности на заводах, параллельно съ все растущей требовательностью рабочих, повышение личной безопасности, постоянные случаи грабежей и убийств, совершаемых безнаказанной и вооруженной толпой, словом, все признаки, что война национальная начинала переходить въ войну социальную, напугали правые и умеренные круги. На демократизм, на волю народную, на Учредительное Собрание надежды были уже брошены въдь муниципальные выборы по всей России дали подавляющее большинство социалстамъ. И выдвигается формула выборы при современныхъ условияхъ не могутъ дать точной картины разумной воли народа. Изъ личнымъ мотивамъ напуганныхъ, терроризованныхъ индустриальныхъ и для многихъ безусловно донинимавшихъ мотивамъ государственнаго порядка, власть слишкомъ слаба не хочетъ и не можетъ приказывать массѣ, которая стала неслышна на фронтѣ, и это грозитъ русскому государству и всему будущему страны величайшими бѣдствиями. Не спрашивать, не консультироваться не убѣждать, а приказывать и принуждать надо. И начинаются судорожные поиски власти, которая могла бы не убѣждать, а только приказывать.

Какъ разъ противоположную эволюцію представляло лѣвое крыло общественности. Съ такими же безпокойствомъ слѣди за признаками растущей анархичности и болѣзненными психическими процессами въ массахъ, лѣвые круги считали наиболѣе правильнымъ идти на уступки въ социальной области, въ особенности въ аграрной. дати такъ много, чтобы не оставалось ничего требовать, подкупить массы, купить у нихъ повиновение.

Это уже не было двумя мнѣніями, это было

уже двумя процессами развития социальных настроений. И неминуемо долженъ былъ наступить разрывъ.

Правда, Керенскому въ концѣ июля удалось организовать нечто въ родѣ коалиціоннаго Правительства, послѣ формальнаго объединенія обоихъ крыльевъ общественности. Но это лишь прикрыло, но не ликвидировало кризиса... Или точнее, — локализовало его въ самомъ Правительствѣ.

Это я видѣлъ собственными глазами во время послѣдняго пребыванія въ Петроградѣ, наканунѣ Государственнаго Совѣщанія въ Москвѣ. Поѣхалъ я тогда въ Петроградъ для того, чтобы выяснять возможность моей дѣятельнейшей работы на фронтѣ. Съ назначеніемъ Савинкова Управляющимъ Военнымъ Министерствомъ и Филоненко Верховнымъ Комиссаромъ мое положеніе стало довольно неопредѣленнымъ, потому что я потерялъ контактъ съ фактическими руководителями Военнаго Министерства, а работать на фронтѣ въ качествѣ представителя Правительства можно было, только чувствуя увѣренно всѣ отбѣски настроеній на верху. Тутъ, мнѣ казалось, не только не было пониманія, но съ каждымъ днемъ становилось все яснѣе, что кончина и быть не можетъ. Это были скорѣе мелочи, чѣмъ крупныя разногласія. Но мелочей было такъ много, и онѣ были такъ досадны, что мешали работѣ. Въ особенности, во всѣхъ заявленіяхъ и дѣйствіяхъ Филоненко чувствовалось что-то бюрократически властное, менужно-формальное. Мнѣ подчасъ казалось, что мисти тутъ комиссаровъ онъ хотѣлъ обратить въ какой-то новый родъ оружія, на радѣ съ пѣхотой и артиллеріей и т. д., строго централизованнѣй, построенный на принципахъ формальнаго подчиненія.

Отправляясь въ Петроградъ я имѣлъ уже готовое рѣшеніе уйти въ отставку и поступить офицеромъ въ одинъ изъ полковъ на фронтѣ для того, чтобы убѣдиться, что можно сдѣлать офицеру въ армии при современныхъ условіяхъ.

Однако съ Савиновымъ мнѣ удалось видѣться только мелькомъ. Утромъ, немедленно послѣ моего приѣзда, я отправился къ нему. У него сидѣлъ министръ исповѣданій Карташевъ. Савиновъ просилъ меня зайти вечеромъ поговорить подлѣбѣе. Вечеромъ я засталъ у него Филоненко, прѣхавшаго въ Петроградъ вмѣстѣ съ Корниловымъ. Савиновъ сообщилъ мнѣ, что онъ уже частное лицо, такъ какъ подалъ въ отставку, и отставка принята. Я высказалъ сожалѣніе.

О причинѣ конфликта я зналъ уже отъ Керенскаго который далъ мнѣ ознакомиться съ анкетой Корнилова и просилъ меня высказать мнѣніе о ней. Въ запискѣ этой, подписанной Корниловымъ, Савиновымъ и Филоненко, указывалось на необходимость немедленнаго проведения цѣлаго ряда существенныхъ мѣръ въ армии и въ тылу. Въ сущности, по отношенію къ армии, предлагались не столько опредѣленные мѣры, сколько опредѣленные тенденции къ сокращенію полномочій комиссаровъ и къ установленію законныхъ рамокъ дѣятельности комитетовъ, говорилось о введеніи снова института отданія чести и дисциплинарныхъ взысканій. Для тыла требовалось введеніе смертной казни за рядъ преступленій и милитаризація желѣзныхъ дорогъ и всѣхъ отраслей промышленности, связанныхъ съ войной. Я сказалъ, что записка, въ общемъ, формулируетъ тѣ задачи, которыхъ, насколько я понимаю, ставитъ передъ собой само Правительство (если исключить милитаризацію дорогъ и про-

мысленности'. Но она выпущена въ такомъ вы-
зывающемъ тонѣ, что ея опубликованіе можетъ
привести къ большимъ бѣдѣямъ. Опубликова-
вая ее надо было рѣшиться идти уже открыто
противъ комитетовъ, но не рассчитывать на ихъ
помощь. И дѣло было въ тактъ тонѣ, а не въ
существовѣ. Таково было, приблизительно, мнѣніе
и Керенскаго.

Но я видѣлъ, что Керенскому въ этомъ во-
просѣ приходится выдерживать напоръ серьез-
нѣйшихъ и разнообразнѣйшихъ влияній. Я видѣлъ
у него Локоткина и Сорокина и рядъ другихъ
лицъ толкающихъ въ одномъ и томъ же на-
правленіи — принятыя записки въ качествѣ
Правительственной программы. Я самъ на себѣ
испыталъ влияние этихъ силъ. Не успѣвъ я войти
въ Военное Министерство, какъ на меня
буквально наскочилъ одинъ изъ друзей Керен-
скаго и сталъ говорить о томъ, что единственное
спасеніе России въ Санинкова. То же самое
мнѣ подкрѣпно хотя и осторожно разсказалъ
Степунъ. То же писали «Березинскія Вѣдомости»,
въ ту же сторону гнула «Речь».

Со Степуномъ у меня былъ весьма интерес-
ный разговоръ. Онъ доказывалъ мнѣ, что Ке-
ренскій слабъ, нерѣшителенъ что, вѣчно коле-
блется самъ, онъ только мѣшаетъ другимъ. Я
же убѣждалъ его въ необходимости примиренія.
Иллюстрируя фактами изъ жизни фронта, я до-
казывалъ что, хотя поворотъ въ сторону силь-
ной власти нуженъ, но онъ невозможенъ въ
условій постепенности и осмотрительности. Я со-
глашался съ общимъ направлениемъ политики
Санинкова, но при условіи, что она будетъ про-
водиться подъ руководствомъ Керенскаго, кото-
рый шире, всестороннѣ воспринимаетъ русскую
жизнь и не дастъ совершить недопустимо крутой

поворотъ, гарантируетъ противъ авантюръ. Степунъ общался соответственно воедѣйствовать на Савинкова, я же долженъ былъ убѣждать Керенскаго вернуть Савинкова.

Теперь я ясно представлялъ себѣ атмосферу въ Петроградѣ послѣ такого крупнаго событія, какъ паденіе Риги. Поэтому, какъ только выяснилось, что противникъ послѣ влітія Риги и отступленія 12 ой армии не засѣдаетъ, я вмѣстѣ съ Войтинскимъ отправился въ Петроградъ, чтобы сдѣлать докладъ о событіяхъ.

Немедленно послѣ приѣзда я былъ вызванъ Керенскимъ, котораго я застаю въ большой тревогѣ. Первымъ его вопросомъ было, почему я пріѣхалъ, не случилось ли чего-нибудь. Я отвѣтилъ, что армія остановилась на Венденскихъ позиціяхъ и, повидимому, удержится тамъ.

— Нѣтъ, не въ этомъ дѣло. А въ штабѣ фронта ничего?

И Керенскій разсказалъ мнѣ объ ультиматумѣ Корнилова.

Я высказалъ твердое убѣжденіе, что Корниловъ, выступая противъ Временнаго Правительства и отнегая всѣхъ дѣятелей революціи, не имѣетъ ни одного шанса на успѣхъ. Армія не признастъ его ни на одинъ день. Но, вообще, нужно все сдѣлать, чтобы предотвратить конфликтъ, такъ какъ армія не выдержитъ его.

Керенскій просилъ меня немедленно снестись съ севернымъ фронтомъ, выяснить положеніе дѣлъ тамъ и предупредить Главнокомандующаго о возможномъ конфликтѣ. Я отправился на телеграфъ говорить съ Кленовскимъ и арміями. Между прочимъ, отправилъ также телеграмму

Корнилову съ довольно наивными, но искренними замечаниями не доводить дѣло до разрыва, такъ какъ конфликтъ между Ставкой и Правительствомъ прежде всего сдѣлается совершенно невозможнымъ и даже отчаяннымъ положенію офицерства.

2 Керенскій, Савинковъ, Корниловъ.

Хотя въ дни кризиса я почти безотлучно находился въ Зимнемъ Дворцѣ, но я былъ настолько занятъ сношеніями со своимъ фронтомъ, что восстановить полную картину событій мнѣ не подѣ силу тѣмъ болѣе, что она складывалась изъ массы мелочей, маленькихъ недоразумѣній, дѣйствиі второстепенныхъ лицъ. Однако, мнѣ приходилось сталкиваться въ очень интересные моменты съ Савинковымъ, Керенскимъ, Филоненко, Некрасовымъ, и мнѣ картина неопровержимо рисуется въ слѣдующемъ видѣ.

Имѣя въ основѣ своей глубокія и органическія, давно складывавшіяся настроенія различныхъ слоевъ населенія, весь конфликтъ ярко окрашенъ особенностями главныхъ дѣствующихъ лицъ.

Я выдалъ Керенскаго изъ разные периоды его жизни. И, несмотря на неразрушимую привязанность къ нему и уваженіе къ его характеру, я никогда не терялъ способности относиться критически къ его словамъ и дѣйствіямъ. До войны даже было обычнымъ, что наши позиціи рѣзко отличались, и мы были настолько политическими антагонистами, насколько это возможно членами одной политической организаціи. Но, во время революціи, я не могъ не видѣть, что это совершенно исключительный человекъ, особаго масштаба, по крайней мѣрѣ, по сравне-

нию со всеми другими деятелями того времени. Онъ первый твердо и ярко созналъ существо и неотвратимость переворота, безъ колебаній отдавшись ему всѣмъ своимъ существомъ. Но въ революціи онъ видѣлъ дѣло не одного политическаго течения, а всего народа, и этимъ объясняется, что, идя въ разрывъ со своими товарищами, онъ принялъ участіе во Временномъ Правительствѣ. И, сдѣлавшись министромъ онъ сразу сталъ, дѣйствительно, человекомъ власти (съ пафосомъ революціонера воспринимая переворотъ, надевшій черную скромную куртку, пожимая руки швейцарамъ и солдатамъ, онъ все же былъ дѣйствительнымъ и, быть можетъ, единственнымъ министромъ, фактическимъ руководителемъ своего вѣдомства, вставившимъ всѣхъ своихъ сотрудниковъ — и новыхъ, своихъ вчерашнихъ друзей, и старыхъ, вчерашнихъ противниковъ бюрократовъ, и высшихъ, директоровъ департамента, и низшихъ, того же швейцара — работать съ необычнымъ напряженіемъ количество издаваемыхъ при немъ по министерству юстиціи законовъ совершенно исключительное, причемъ законы эти поражаютъ какъ революціонностью содержания, такъ и законченностью техники. Онъ не былъ похожъ на того коллегуминистра, который въ день одного изъ тяжелыхъ правительственныхъ кризисовъ считалъ необходимымъ подчеркнуть свой демократизмъ, стоя въ хвостѣ очереди за газетой — ему въ министерскую квартиру (гдѣ, впрочемъ, онъ жилъ, какъ впоследствии и во Дворцѣ, скромнѣе, чѣмъ до революціи) приносили утромъ готовые и систематизированныя вырѣзки изъ всѣхъ газетъ, которыя онъ внимательно не только проглядывалъ, но и изучалъ. — Но онъ, наиболѣе восторженно и ярко чувствовавшій размахъ и радость рево-

люди и умевший использовать для народа все возможности и умевший бороться с врагами и скорбеть за них. По моему, что уже в одну из первых встреч со мною, после того как он стал министром, он в отчаянии жаловался что «друзья» сейчас сумели в несколько дней так подорвать революцию. И он, первый нашедший решительные слова для выражения своих опасений перед самими массами — ведь никто, кроме него не осмеливался в марте и думать бросать петроградскому гарнизону слова «взбунтовавшиеся рабы». Он первый из деятелей революции понимал необходимость возврата от слов к действиям и организации твердой власти, и для этого преодолевая оппозицию своих партийных друзей и комитета, он выбрал себе помощников (Завинова. Он сделал Верховным Главнокомандующим Корнилова, который при самом строе не мог двинуться дальше дивизионного командира и потерял кредит в революционных кругах после командования гарнизоном в Петрограде. Преодолевая чрезвычайное количество всевозможных влияний, он выдал приказ о военно-революционных судах в армии. Но он был демократ. Он сознавался и готов был на чудовищные уступки воли и мысли для того, чтобы поворачивать весь громадный корабль государственности в общественности в ту сторону, где видел опасность. Но он хотел делать это так, чтобы не только абстрактное представление о благе народа, но живое сочувствие и понимание реально большинства поддерживало его. Действовать не только для народа и во имя народа, но и согласно живой воле народа. Направить большинство — вот задача, которую ему ставила его синтетическая натура: создать власть

изъ порядкѣ демократическаго управления стра-
ной — вотъ политическая формулировка этой
задачи. Его темпъ былъ медленный — но вѣдь
прыгать можно по Россіи, но нельзя заставить
ее прыгать... Начею мнѣніе онъ не восприни-
малъ цѣлкомъ — но перерабатывалъ въ себѣ
въ составную часть общенароднаго мнѣнія. Разо-
рвать съ комитетами и партиями? — Онъ ви-
дитъ самъ дѣтскую безпомощность комитетовъ,
онъ ненавидитъ Чернова. Но онъ понимаетъ,
что само Учредительное Собраніе будетъ только
большинъ всероссійскихъ комитетовъ. И такъ
какъ въ маленькихъ комитетахъ онъ уже не безъ
успѣха ведетъ борьбу и съ Черновымъ и съ
Левинымъ, то не боится дать имъ рѣшительный
бой и въ большомъ комитетѣ. Онъ вѣритъ, что
большинство можетъ понять и одобрить его
стремленія. Конечно, онъ вѣрилъ въ народъ и,
быть можетъ, даже несколько идеализировалъ
его. Но вѣдь и народъ вѣрилъ Керенскому
и идеализировалъ его. Почему же народу про-
ститительно идеализировать одного человѣка, а
одному человѣку непростительно съ вѣрой и лю-
бовью относиться къ своему народу? И поэтому
часто въ словахъ ненависти къ Керенскому мнѣ
слышались слова ненависти не только къ рево-
люціи, но и ко всему народу. Во всякомъ слу-
чѣ, для того времени Керенскій воплощалъ со-
бой единственно возможную въ Россіи идею го-
сударственной власти и слѣла и справа была
анархія и гражданская война. И не случайно,
что съ паденіемъ Керенскаго пала и государ-
ственность Россіи.

Совершенно иной духовный складъ былъ у
Савинкова. Керенскій былъ однимъ изъ очень
немногихъ у насъ парламентарскихъ дѣятелей. Са-
винковъ же — чинбодѣ своеобразный, яркій, и

— не находят другого выражения **едовитый** цвѣтокъ нашего подполья, разбѣденный мыслями, отравленный сомнѣніями. Право? Его подполье не знает Мораль? А гдѣ ея грани, если перейдено «не убій»? Воля большинства? Но Савинковъ не ожидалъ выявленія этой воли когда выпелъ одинъ на бой за народъ, кто же въ правѣ теперь требовать отъ него, чтобы онъ оставилъ свое пониманіе блага народа и голосованіе толпы, тѣмъ болѣе, что толпа заблудилась и влечетъ къ глобали «трансцендентный» народъ, за который Савинковъ свою душу подложилъ. Онъ чувствуетъ ясно противоположеніе только красиваго и некрасиваго, и быть можетъ даже только — яркаго и безцвѣтнаго. Но твердо знаетъ въ минуту опасности нужно действовать. . . Разшительно ни передъ чѣмъ не останавливаясь, не оглядываясь ни направо ни налево и не особенно внимательно заглядывая впередъ, чѣмъ таинственнѣе, замкнутѣе и неожиданнѣе — тѣмъ лучше, тѣмъ больше упрямости въ усѣихъ. Конспирація — какъ методъ сношеній, заговоръ — какъ методъ управления, хотя бы заговоръ противъ большинства. И какъ трагическій урокъ — заговоръ противъ самого себя — какъ конспираторъ, Савинковъ недоверчивъ. Онъ привыкъ рѣшать одиноко, и ему не нужно товарищей, не нужно даже помощниковъ, а только исполнители, какъ хучка молодечьяхъ офицеровъ около него, или — онъ самъ признаетъ это личной слабостью — поклонники, влюбленные въ его «красивость». Остальные — враги, или въ лучшемъ случаѣ — толпа. А ужъ тѣмъ болѣе, Савинковъ не могъ быть чѣмъ либо помощникомъ. Даже Керенскаго онъ хотѣлъ видѣть лишь оруженъ своихъ плановъ, и онъ это возмечалъ, какъ только съ негодо-

ваніемъ убѣдился, что Керенскій не заговорилъ, а пытается честно быть конституціоннымъ министромъ.

Не столь яркой, но не менѣе значительной была фигура ген. Корнилова. Сильный въ бою, честный въ долѣ и правдивый въ жизни и еще десятокъ подобныхъ эпитетовъ такъ говорили и такъ воспринимали его всѣ. Всѣ эти качества въ нѣтъ гармоническомъ сочетаніи, соединенныя съ серьезностью и даже нѣкоторой торжественностью его духовнаго склада, придавали ему обаяніе и непрерываемый личный авторитетъ, привлекали всеобщее вниманіе и довѣріе. Судьба не дала ему возможности доказать свои стратегическіе таланты: отступленіе изъ Галиціи вылилось его личное, безспорное мужество, какъ и бѣгство изъ Падья, лавры взятія Галиція оснарявалъ у него, и поводомъ, не безъ основаній, Черемисовъ. Несомнѣнно слабой стороной Корнилова была неспособность, неумѣніе наладить административную сторону дѣла, подобрать себѣ сотрудниковъ: его ближайшіе сотрудники въ Петербургѣ постоянно жаловались на его неспособность работать и руководить дѣломъ, на тяжелый характеръ и даже мелочность, а, между тѣмъ, выборъ помощниковъ ладился отъ него самого. Его назначенія въ армию были крайне странныя — я уже упоминалъ о назначеніи Царскаго и объ инцидентѣ Лещинскій-Клембовскій. Его политическія стремленія? Въ Исполнительномъ Комитетѣ онъ говорилъ противъ царскаго режима — я не думаю, чтобы Корниловъ унывалъ до притворства. Несомнѣнно, онъ сочувствовалъ реформаторскимъ стремленіямъ. Но также несомнѣнно, что онъ не былъ демократомъ, въ смыслѣ стремленія предоставить власть народу какъ всякій старый

военный, онъ всегда былъ подозрительно насто-
роженъ по отношению къ солдату и «народу» во-
обще. Народъ славный, что и говорить, но надо
за нимъ присматривать, не то онъ изоблудется,
распутается. Противъ царскаго строя онъ былъ
именно потому, что власть начинала терять свой
серьезный, дѣловитый характеръ. Холдинъ
былъ не въ рукахъ вовсе плохъ, и нуженъ былъ
новый холдингъ, болѣе толковый и практичный.
Революція только доказала правильность его по-
дмрительности къ народу и солдату и онъ
жадно ловить признаки народной распущенно-
сти, чтобы убѣдить и себя и другихъ въ необ-
ходности рѣшительныхъ мѣръ. Онъ пытается
побудить къ этому Правительство и по-
даетъ записку, гдѣ на ряду съ мѣрами не вы-
сказанными сомнения, выносятся такія мѣры, какъ
милитаризація желѣзныхъ дорогъ. И тутъ всей
запиской такою, что Керенскій вынужденъ хра-
нить ее въ строжайшей тайнѣ, такъ какъ до-
статочно чтобы о ней прислышали — и Корни-
ловъ не минути во мотъ бы остался на своемъ
посту. Но Корниловъ не убѣждаетъ утвердивъ
Керенскаго, что Правительство тоже стремится
къ твердой власти но лишь опираясь на на-
родъ... Это состоитъ не то, что признаетъ ге-
нералъ Корниловъ. Для Керенскаго дело —
Учредительное Собрание было не чѣмъ думать,
какъ болѣзненнымъ всероссийскимъ комитетомъ, съ
тѣми же тенденціями, стремленіями и людьми
и съ тѣми же возможностями. Поэтому недѣль
ворваться съ матерьяльными комитетами. Но Кор-
ниловъ склоняетъ къ иному выводу — тогда надо
подготовить командискиность власти и отъ боль-
шого комитета.

3. Конфликтъ.

Ходъ событийъ былъ таковъ. Послѣ паденія Риги Савинковъ отправился въ Ставку, между прочимъ, съ требованіемъ, чтобы въ Петроградѣ были предвинуты надежныя войска. Савинкову, какъ ему казалось, удалось, послѣ нѣкоторыхъ тревъ, добиться полнаго единодушія со Ставкой.

Но 26-го августа, уже послѣ возвращенія Савинкова въ Петроградъ, изъ Ставки пріѣхалъ В. Львовъ, бывшій оберъ-прокуроръ синода, и отъ имени Корнилова предъявилъ Керенскому требованія о томъ, чтобы въ Петроградѣ было объявлено военное положеніе, чтобы Правительство передало всю полноту военной и гражданской власти Верховному Главнокомандующему, при чемъ до образованія новаго правительства всѣ вѣдомства должны были управляться товарищами министровъ, и чтобы Керенскій и Савинковъ немедленно выѣхали сами въ Ставку. Требования Львовъ изложилъ въ письменной формѣ.

Керенскій тотчасъ свесся съ Корниловымъ по прямому проводу. Корниловъ подтвердилъ, что Львовъ дѣйствовалъ по его полномочию, и что онъ, настаивая на немедленномъ рѣшеніи по прося, ожидаетъ пріѣзда въ Ставку Керенскаго и Савинкова.

Немедленно послѣ этого Львовъ былъ арестованъ. Правительство облекло Керенскаго чрезвычайными полномочіями. Корнилову была послана телеграмма о его сущности, а 27-го августа Керенскій издалъ воззваніе къ населенію о событіяхъ, а Корниловъ издалъ прокламацію противъ Правительства, утверждая, что Правительство дѣйствуетъ въ интересахъ немцевъ и германскаго штаба.

Трудно установить, что именно произошло между действующими лицами

Несомненно, общим было стремление сказать какое-то новое слово, соответствующее всей тревоге и смуте страны, найти выход. Керенский в день моего приезда говорил, что он решил ввести в армии дисциплинарные взыскания. Вероятно, он готов был предложить Правительству и другие решительные меры, подготавливая к ним партии и представительные органы демократии. Но именно в последнем было его отличие от Савинкова, который считал и влившим и предным тратить силы на слухов и убеждению всяких наявных, опытных комитетчиков и считал, что Правительство в праве воспользоваться тяжелым военным положением и взять на себя ответственность за решительные шаги к оздоровлению тыла и фронта, идя даже на разрыв со всеми советами и комитетами. Корнилов был сам убежден, да и не мог не убедиться под влиянием разговоров Савинкова и Филоненко, что Керенский слабый человек, что Правительство, в значительной его части неспособно что-либо сделать, поэтому персональным влиянием в Правительстве ему казались первоочередным делом наряду с изменением и самого принципа власти — полной независимости от партий и комитетов.

Были моменты, когда все действующие лица взирали на то, что они действуют не только в одном направлении, но одинаково рисуют себя и самый метод действия. Происходило это оттого, что умение технически наладить работу характеризовало всех главных действующих лиц. Кроме того, главным посредником в переговорах был Савинков. Но он

цѣнилъ лишь динамическій моментъ — готовность къ движению въ опредѣленную сторону — и относился довольно равнодушно къ «деталямъ» напр., онъ былъ увѣренъ, что столкновался съ Керенскимъ относительно существа вѣзиски, о которой я уже упоминалъ, въ то время какъ она оказалась полнѣйшей неожиданностью для послѣдняго. Поэтому и теперь онъ довольствовался своими переговорами въ Петроградѣ и въ Ставкѣ, находя что онъ вездѣ «столковался». И какъ же не находить ему того, если ему удалось добиться своего — двинуть къ Петрограду войска, которыя должны были обезпечить Правительству полную независимость.

Это ему казалось важнѣе всего. Движеніе 8-го коннаго корпуса происходило, несомнѣнно, по его инициативѣ, инициатива исходила изъ Петрограда, но Керенскій относился къ этому лишь какъ къ обычной мѣрѣ въ порядкѣ управления, не придавая никакого особаго значенія, даже не думая много объ этомъ, между тѣмъ какъ для Савенкова это было началомъ или обстановкой своеобразнаго заговора противъ всесилія комитетовъ. Пусть будетъ сила, тогда Правительство сумеетъ говорить иначе.

Но въ Ставкѣ дѣйствовалъ еще Филоненко, Несомнѣнно, это была неизмѣримо меньшая фигура по сравнению съ прочими дѣйствующими лицами. Но Филоненко, быть можетъ, болѣе другихъ ясно видѣлъ и твердо зналъ, чего хотѣлъ. Онъ, еще будучи комиссаромъ въ арміи, говорилъ даже не особенно близкимъ людямъ, что хочетъ быть министромъ иностранныхъ дѣлъ, и набиралъ своихъ сторонниковъ. Верховное комиссарство было только ступенью къ власти, къ которой онъ шелъ безуслово. Но въ послѣднее время, быть можетъ, нѣсколько торопиви Те-

перь же Филоненко уже предвкушалъ, что въ порядкѣ готовящихся перемѣнъ онъ можетъ достигнуть такихъ постовъ, къ которымъ его давно трудно. Но онъ уже давно опасался, что около Корнилова, той оси, вокругъ которой, по плану Савинкова, должны были произойти перевороты, стали орудовать другія лица, которыя тянули въ такую сторону, гдѣ уже не было мѣста для Филоненко. И онъ поднимаетъ тревогу изъ-за Лукомскаго, настаивая на его удаленіи.

Но какъ разъ въ моментъ, когда Савинкова приѣхалъ со своимъ планомъ движенія войскъ, эти круги стали брать верхъ надъ Корниловымъ. Последний, страннымъ образомъ, становится пассивнымъ, податливымъ. Ясно, что онъ попрежнему раздраженъ и негодуетъ. Онъ, возможно, не хочетъ быть только исполнителемъ намѣреній такого слабого, такого поддающегося тогда Правительства. Но онъ еще менѣе готовъ служить орудіемъ фантастическихъ плановъ бывшаго террориста, быть можетъ, ищущаго только новыхъ впечатлѣній. Собственной линіи поведения онъ, однако, не имѣетъ и отдается во власть окружающихъ влеченій, быть можетъ, просто потоку, что «Не все ли равно»...

Но круги въ Ставкѣ, Аладинъ, Завѣяко, Лукомскій, знаютъ, чего хотятъ. Для Керенскаго вывозъ войскъ къ Петрограду былъ только простымъ актомъ осторожности, мѣрой для поддержанія порядка и власти противъ возстаній и безпорядковъ, какъ опора и для Правительства и для поддерживающихъ его комитетовъ. Для Савинкова это было однимъ изъ заговоровъ развѣртывающейся революціи, лежащейся въ сильной власти и сметающей все слабое, вялое, неспособное революционно-властно править госу-

дарствомъ сила, обеспечивающая Правительство и противъ комитетовъ. Для Ставки это было своеобразнымъ походомъ за землю и воду для тѣхъ, кто потерялъ ее во время революцiи, карательной экспедицiей на красный революционный Петроградъ, силой противъ комитетовъ и Правительства. Они поняли, что Савинковъ и Керенскiй, котораго они ошибочно соединяли, хотѣтъ совершить какой то переворотъ при помощи Ставки. Этого только и нужно было. Они торопливо соглашались на всѣ требованiя и условiя и о нескимыя дикой дивизии и о немнзначенiи командующимъ корпусомъ Крымова. Они пользуются даже нѣсколько помпичной фигурой самочиннаго «спасателя отечества» В Львова, который, въ общемъ, только говорилъ о какомъ то переворотѣ, и сплнать при его посредствѣ, вызвать Керенскаго и Савинкова въ Ставку. Они увѣрены, что тѣ придутъ, не могутъ не принять, вѣдь они сами сатѣли все дѣло, а, главное, на всѣхъ путяхъ къ Петрограду уже стоятъ надежныя войска подъ командой Крымова, въ томъ числѣ и дикая дивизия.

Но тутъ разногласiе обнаружилось. В Львовъ привезъ атмосферу Ставки въ болѣе точной передачѣ, чѣмъ Савинковъ, и Керенскiй сразу почувствовали нѣкую дропастъ, отблжющую его политику отъ предположенiй Ставки. Но тутъ и Савинковъ понялъ, что Ставка идетъ своимъ собственнымъ путемъ, и протнвошелъ разрывъ.

Третiй конный корпусъ сталъ двигаться по соглашенiю. Но теперь Савинковъ увидѣлъ, что онъ идетъ только по волѣ одной Ставки, внѣ контроля Керенскаго и его собственного. Последнее особенно важно, ибо тутъ, быть можетъ, разгадавъ всего конфликта. Для Керенскаго это не такъ страшно, ибо онъ изъ разговоры самъ

не особенно верить и иметь, на кого опереться. Но Савинкову, не на кого больше опереться надо: онъ самъ — заговорщикъ, подстроившій заговоръ противъ самого себя, такъ какъ, конечно, если власть въ Петроградѣ перейдетъ къ Дуконскимъ, то первымъ будетъ сметенъ бывший террористъ. Теперь уже для Савинкова рѣшительно все равно, что говоритъ Ставка, Львовъ, Корниловъ. Дѣло въ томъ, что корпусъ надвигается. Надвигаются казаки, о которыхъ съ такимъ уваженіемъ всегда говорилъ Савинковъ, и онъ уже ясно видитъ картину входа казаковъ въ Петроградъ и слишкомъ хорошо знаетъ послѣдствія такого входа. Но Ставка и не скрываетъ своихъ намѣреній. Она, не стѣсняясь, заявляетъ, что она иначе думаетъ, чѣмъ Правительство, и не собирается болѣе слѣдовать его директивамъ.

Я живо помню настроеніе, которое было у насъ, когда конфликтъ разразился, когда была послана телеграмма Коренскаго о смѣщеніи Корнилова и телеграмма Корнилова съ обвиненіями Правительства въ томъ, что оно служитъ на пользу германскому штабу. Мнѣ кажется, что Коренскій не точно воспринималъ эти настроенія: онъ черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ событій, въ своей книгѣ, жаловался, что были часы, когда онъ былъ всѣмъ покинутъ... Но пустынность Зиняго Дворца объяснилась просто: во главу борьбы съ Корниловымъ сталъ военный губернаторъ Петрограда Савинковъ, и, конечно, онъ никого не могъ привлечь. Все комитетское — естественно отшатнулось отъ него. Все противъ-комитетское — хладно, выжидало событій, если только не могло активно присоеди- няться къ Корнилову. Я самъ, для очистки со-

лѣсти, предложилъ Савинкову использовать меня въ качествѣ простаго офицера, но я былъ радъ, когда онъ отказался отъ этого, и я могъ почти совсѣкъ отойти въ сторону, если не считать заботъ о сѣверномъ фронтѣ. Всѣ мы были словно оглушены отчаяніемъ, что совершалась драма, разрушающая все. О степени оглушения можно судить по тому, что даже послѣ всенароднаго разрыва Ставки и Правительства дѣлались попытки найти какое-то примиреніе. Между прочимъ, я самъ нѣсколько часовъ носился съ мыслью о томъ, чтобы во главѣ Правительства сталъ Савинковъ, если только Ставка согласится признать его. Но это, конечно, было явно безнадежно, или поздно, какъ сказалъ Степунъ. И въ концѣ концовъ оставалось только рисовать себѣ картину сгирания фронта и гибели послѣднихъ остатковъ организованности.

Положеніе Правительства казалось тяжкимъ, если не безнадежнымъ. На всѣхъ подступахъ къ Петрограду стояли войска Ставки. Штабы всѣхъ фронтовъ были обеспечены для Корнилова. Въ Петроградѣ, въ Зимнемъ Дворцѣ, одиноко сидѣлъ Керенскій, покинутый всѣми. Солдаты петроградскаго гарнизона не хотѣли никуда выходить. Казалось, вся формальная, цифровая сторона была за Ставку.

Но это были расчеты формальной стратегіи, не учитывающей духа войскъ. И я былъ правъ, когда говорилъ Керенскому, что ни одного шанса не имѣетъ выступленіе Корнилова. И такъ было видно, что поворотъ Керенскаго былъ очень крутъ и связаннымъ съ нимъ мѣрамъ съ трудомъ проводились въ жизнь, при постоянномъ давленіи на представительство солдатскихъ массъ. Все же онъ былъ осуществимъ. Борниловскій же поворотъ былъ уже тѣмъ непріемлемъ, что онъ

быть совершенно безнадежны. Даже если бы удалось взять Петроградъ и всецѣло овладѣть всѣми штабами фронтовъ, — они не могли бы справиться съ арміей, гдѣ все активное, говорящее и дѣйствующее было бы единымъ фронтомъ противъ новой власти. Вѣдь даже если бы все офицерство единодушно поддержало новое правительство — оно ничего не могло бы сдѣлать, такъ какъ создаты съ особымъ недоверіемъ относились бы къ своимъ начальникамъ, вдругъ возвратившимся съ пляжа въ роту.. Въ лучшемъ случаѣ, при наиболѣе организованной акціи всѣхъ антираволюционныхъ силъ — фронтъ стоялъ бы въ пожарѣ внутренней борьбы. Но и этого не было.

Въ этомъ я убѣдился прежде всего по событіямъ, разыгравшимся на сѣверномъ фронтѣ. Ставка недальновидно считала достаточнымъ вѣрнуться въ симпатіи Клембовскаго для того, чтобы считать фронтъ своимъ. Но она упустила изъ виду Савицкаго... Упустила изъ виду просто потому, что никто Савицкаго и не видалъ. Но въ минуту конфликта унтеръ-офицеръ Савицкій оказался сильнѣе Главнокомандующаго Клембовскаго.

Я уже упоминалъ, что, послѣ перваго разговора съ Керенскимъ, я отправился на телеграфъ сносятся съ сѣвернымъ фронтомъ. Эти сношенія только подтвердили, что Ставка уже рѣшилась на какой-то ударъ. Сперва я долго не могъ добиться соединенія съ кабинетомъ главнокомандующаго, такъ какъ мнѣ все отвѣчали, что занято Ставкой. Наконецъ, соединеніе дали. Въ очень сдержанныхъ и туманныхъ выраженіяхъ я далъ понять, что между Ставкой и Правительствомъ создались нѣкоторые затрудненія, которые даютъ поводъ Правительству опа-

саться неосторожныхъ шаговъ со стороны Ставки. Правительство надеется, что Клембовскій постарается оградить фронтъ отъ внутреннихъ потрясеній, и было бы радо, если бы онъ сообщилъ Ставкѣ о своемъ намѣреніи дѣйствовать въ согласіи съ директивами Правительства. Клембовскій отвѣтилъ, что его положеніе очень трудное, такъ какъ изъ Ставки онъ получаетъ какъ разъ противоположныя указанія. Потомъ онъ началъ говорить о томъ, что молить Господа Бога оградить фронтъ отъ ужасовъ гражданской войны и пр. Я считъ безполезнымъ распространяться дальше, такъ какъ все еще вѣрилъ, что конфликтъ удастся ликвидировать. На другой день, когда разрывъ оформился, я еще разъ соединился съ нимъ и просилъ, чтобы онъ подтверждалъ, что признаетъ авторитетъ правительственной власти. Клембовскій не далъ такого заверенія... Въ минутѣ начала гражданской войны — онъ оказался не съ Правительствомъ, значитъ — противъ Правительства.

Признаюсь, я былъ въ тревогѣ изъ-за севернаго фронта. Тревога моя объяснялась тѣмъ, что такой поворотъ дѣла заставалъ насъ совсѣмъ неподготовленными, а, значитъ, неподготовленными и всѣ правительственныя и демократическія силы. Я зналъ, что въ Псковѣ центромъ всѣхъ демократическихъ организаций являлся мой комиссариатъ. Псковскій совѣтъ былъ весьма слабый, единственный энергичный, но очень еще юный его председатель, труденикъ Савицкий вошелъ въ мой комиссариатъ начальникомъ одного изъ отдѣловъ, съ его уходомъ, въ совѣтъ dominating положение занялъ никто иной, какъ генералъ Нончъ-Бруевичъ, очарованный весь свѣтъ своей усидчивостію въ неутѣ и умѣвшій пользоваться совѣтомъ, какъ угодно Фронтъ.

вого комитета в Пскове не было. Был только «Коморсовет» для технических сношений армейских комитетов со штабом фронта, но не имевший никакой политической роли. Был еще комитет объединенных северных организаций, «Нискобориств», но тоже очень бледный, причем его председатель тоже вошел в сотрудничество в мой комиссариат. Принимая во внимание, что Войтинский был одним из лидеров Петроградского Комитета, — бесспорно, мой комиссариат был непрерываемым центром демократической общественной жизни в Пскове в то время. Поэтому, если мы были неподготовлены — то не были подготовлены никто. Между тем, я была на фронте около двух месяцев и если иногда упоминала об опасности справа, то только для того чтобы нещадно высмеивать и вышучивать этот излюбленный большевистский аргумент. То же с еще большей силой делал Войтинский. Ни разу, не только при обсуждении конкретных мер, мы не считались с опасностью справа, но даже в разговорах между собой не упоминали этого вопроса. Вопрос о нашей самозащите — стоял абсолютно ни в чьем нашем зрении. Думать о самозащите против Клембовского мне казалось так же нелепым, как думать о самозащите против Войтинского. Мы вполне искренно в этом отношении доверяли штабу и главнокомандующему, даже не интересуясь, как и части стоят в Пскове, надежны ли они или нет. Бонч-Бруевич мне лично был всегда неприятен, но, раз главнокомандующий считал его подходящим для роли начальника гарнизона, я не считала себя в праве возражать против этого. Таким образом, если бы штаб хотел арестовать нас, он мог бы сделать это в любую

минуту при помощи горсточек солдатъ, при чемъ сразу были бы обезглавлены всѣ общественныя организаціи въ Псковѣ.

Естественно, получивъ недвусмысленный отвѣтъ отъ Клембовскаго и зная, что около него находится энергичный, не срывающій своихъ симпатій генералъ-квартирмейстеръ Лукирскій, я былъ очень обезпокоенъ, тѣмъ болѣе что, по несчастной, какъ мнѣ казалось, случайности, мы съ Войтинскимъ оба оказались въ Петроградѣ. Тѣмъ болѣе, что Ставка успѣла предупредить Клембовскаго раньше насъ. И около Пскова стоялъ 3-й конный корпусъ.

Я телеграфировалъ Савицкому, назначая его отъ имени Керенскаго своимъ заместителемъ. На другой день уже онъ вызвалъ меня къ аппарату и сталъ жаловаться на неопредѣленность поведенія Клембовскаго. Въ серединѣ разговора онъ прервалъ сообщеніе словами, что ему мѣшаютъ говорить, не дають пользоваться телеграфомъ. Но черезъ нѣсколько минутъ онъ возобновилъ разговоръ и сказалъ, что получилъ возможность вести бесѣду со мной, комиссаромъ сѣвернаго фронта, только послѣ того, какъ пригрозили закрыть телеграфъ своими войсками.

Если Клембовскій еще колебался, то гарнизонъ, подобранный самимъ Клембовскимъ, не колебался ни минуты. Савицкій, мало кому доходяшій, назначенный по телеграфу въ моментъ конфликта, могъ утѣренно обратиться къ любой кучкѣ солдатъ — пѣхоты, казаковъ, уланъ и даже юнкеровъ — съ любымъ приказомъ, хотя бы дѣло шло объ арестѣ Главнокомандующаго, — и приказъ неукоснительно былъ бы выполненъ. Офицеръ на телеграфѣ хотѣлъ запретить ему сносіться со мной — но явно враждебное отношеніе къ этому запрету

со стороны телеграфистовъ и со стороны охраны телеграфа заставило отменить приказъ. И Савицкий сталъ полнымъ хозяиномъ положенія. Въ слѣдующій разговоръ, выяснивъ, что съ Клембовскими все же нельзя стовориться, онъ просилъ меня назначить временнымъ Главнокомандующимъ кого-нибудь иного. Я хотѣлъ назначить Духовскаго. Но Савицкий настаивалъ, что положеніе еще настолько неопредѣленно, что лучше назначить Болча Бруевича. Я снесся по телефону съ Керенскимъ и въ формѣ телеграммы передалъ приказъ о назначенія Болча Бруевича. Сидна Главнокомандующихъ произошла безъ всякихъ трений.

Но еще болѣе убѣдительную картину увидѣлъ я въ самомъ третьемъ конномъ корпусѣ. 30-го августа весь Петроградъ былъ еще полонъ слухами о наступленіи корниловскихъ войскъ. Въ штабѣ округа намъ сообщили, что корпусу данъ приказъ начать сегодня наступленіе на самый Петроградъ. Между тѣмъ мы съ Войтинскимъ, наскучивъ сидѣніемъ въ Петроградѣ, рѣшили на автомобиляхъ ѣхать въ Псковъ. Керенскій отговаривалъ меня, уѣзжая, что я неминуемо попаду въ руки корниловцевъ, я что, во всякомъ случаѣ, надо подождать возвращенія отпращивающаго направи въ Крымъ полкъ Савирина. И мы съ Войтинскимъ даже въколотбадно, не ѣхать ли кружнымъ путемъ, черезъ Гдовъ... Но такъ какъ автомобиль былъ не особенно крѣпкій тѣ, въ концѣ концовъ повернули на прямой путь — черезъ Гатчину и Лугу, въ какой-то интуитивной увѣренности, что никакой опасностью корниловцы намъ грозить не могутъ.

Въ Царскомъ селѣ были слухи, что Царское уже занято) — никакого. Въ Гатчинѣ — никакого. Около станции Преображенскій нашъ

автомобиль былъ остановленъ кавалерійскимъ разъѣдомъ. Мы въ нѣкоторой тревогѣ, навалили себя. Видя колебания разъѣзда, я разразился рѣкими нападками на смутьяновъ, ведущихъ гражданскую войну въ то время какъ конница нужна на фронтѣ противъ противника, и приказалъ шоферу ѣхать дальше. Проѣхавъ версту, мы увидали уже главные силы шла кавалерія, артиллерія, пѣхота — всего отрядъ въ нѣсколько тысячъ. Колебаться было поздно, и нашъ автомобиль выѣхалъ въ отрядъ. Вдругъ, въ кучкѣ нѣсколькихъ офицеровъ я узналъ председателя дужаго комитета. Онъ подѣхалъ ко мнѣ, и сразу выяснилось недоразумѣние. Отрядъ состоялъ изъ частей дужаго гарнизона, который, узнавъ отъ перебѣжчиковъ о предполагаемомъ на сегодня наступлении третьего коннаго корпуса, стоявшаго въ нѣсколькихъ верстахъ отъ Луги, въ экстренномъ ночномъ собраніи призналъ свои силы недостаточными для обороны и рѣшилъ отступить на Петроградъ для соединенія съ правительственными войсками.

— Гдѣ же корниловцы?

— Вероятно уже прошли Лугу и идутъ за нами, а, можетъ быть, въ Лугѣ.

Мы все же поѣхали дальше. По дорогѣ до Луги — никого. Въ Лугѣ — тихо и спокойно и къ великой радости обывателей, ни одного солдата на улицѣ. Разспросами узнали, что штабъ корпуса расположился въ шести верстахъ отъ Луги, въ сторонѣ отъ шоссе. Такимъ образомъ, путь на Псковъ былъ для насъ открытъ. Но Войтинскій не былъ удовлетворенъ. Онъ былъ убѣжденъ, что тутъ какое-то недоразумѣние, и его надо выяснить. Если же штабъ корпуса, действительно, замышляетъ что-либо противъ Правительства, то ясно, что онъ не въ

дѣется на солдатъ, и мы сумѣемъ немедленно арестовать его. Я согласился, и мы повернули по проселочной дорогѣ. Добрались до деревни, гдѣ долженъ былъ находиться штабъ корпуса. Пусто. Спрашиваемъ жителей — оказалось, что рано утромъ казаки снялись съ мѣста и отпря- вылись въ сторону, противоположную отъ Петро- града, кажется, на Дно, при чемъ, уходя, казаки говорили, что они въ одинъ день собираются пройти верстъ 70. Это было уже бѣгствомъ, и даже паническимъ. При этихъ условияхъ гнаться за корпусомъ было безцѣльно, и мы, послала записку дужанамъ, чтобы тѣ прекратили свое отступленіе на Петроградъ, и телеграмму въ Петроградъ о томъ, что оборона противъ Кор- ниловцевъ болѣе не нужна.

4. Послѣ дѣла Корнилова.

Болѣе детальныя свѣдѣнія о состояніи кор- ниловскаго корпуса мы получили въ Псковѣ. Въ первый же день нашего прѣзда намъ сообщали, что въ Псковѣ находится одинъ изъ вѣро- ятныхъ главныхъ сторожниковъ Корнилова — генералъ Красновъ. Его Корниловъ вызвалъ внезапно въ Ставку какъ разъ передъ конфлик- томъ съ Правительствомъ и въ день конфликта назначилъ его командиромъ третьего коннаго корпуса, такъ какъ Крымовъ долженъ былъ вести командованіе всѣми отрядами, оперирую- щими противъ Петрограда. Ясно было, что Красновъ не могъ не быть посвященъ во всѣ тайны заговора. Свидѣній все же не рѣшился его арестовать, предложивъ генералу не вы- ѣзжать изъ города. Послѣ короткой бесѣды съ Красновымъ, я предложилъ ему немедленно при- нять командованіе корпусомъ и скорѣе приво-

дуть его въ порядокъ. Кажется, самъ Красновъ былъ нѣсколько изумленъ такимъ оборотомъ дѣла... Но я всѣмъ видѣннымъ уже былъ убѣжденъ, насколько правильной была наша позиция позиціоннаго равнодушія ко всякимъ планамъ справа — реальной опасности тамъ не было, и можно было надѣяться, что послѣ уроки корниловскаго возстанія никто не подумаетъ повторять его. Красновъ потому довольно часто приходилъ къ намъ, показывая свои приказы и пр. Онъ рассказывалъ, что никогда, даже послѣ самыхъ тяжелыхъ боевъ, ему не приходилось видѣть такой полной дезорганизации и расстройствъ, какъ въ этомъ образцовомъ корпусѣ, послѣ его похода на Петроградъ, все перепуталось, смѣшалось, растянувшись, разбредшись на протяжении отъ Луги до Витебска. Намъ тоже пришлось имѣть много хлопотъ съ этимъ корпусомъ, такъ какъ приходилось съ величайшимъ трудомъ уговаривать солдатъ встать подъ команду своихъ офицеровъ.

Мы достигали только формальныхъ результатовъ: офицеровъ перестали массами арестовывать... Но авторитетъ команднаго состава былъ навсегда уничтоженъ. Солдатская масса, увидѣвшая, какъ генералъ, Верховный Главнокомандующій, пошелъ противъ революціи, почувствовала себя со всѣхъ сторонъ окруженной кинжаломъ, а въ каждомъ человѣкѣ, носящемъ погоны, предателя. И тотъ, кто разубѣждалъ ее въ этомъ — казался ей тоже предателемъ. И тотъ же генералъ Даниловъ, который недавно хвалился, что армія его превращается въ военный университетъ, говорилъ теперь, что армія свалилась въ пропасть, а положеніе стало такимъ же тяжелымъ, какъ было три мѣсяца тому назадъ.

Прежде всего, самъ командный составъ оказался совершенно обитымъ съ точки Характерную въ этомъ смыслѣ фигуру представлялъ ген. Черемисовъ, назначенный Главнокомандующимъ Сѣвернаго Фронта на смѣну «советскому» Бонч-Бруевичу. Онъ всегда слылъ лѣвымъ генераломъ, и Исполнительный Комитетъ выдвигалъ его усиленно на высокіе командные посты, такъ что Керенскому съ трудомъ удавалось отстоять своего Корнилова передъ натискомъ сторонниковъ Черемисова. Теперь, послѣ паденія Корнилова, выдвиженіе Черемисова было немѣлкимъ. Вотъ образецъ его дѣйствительнаго поведенія.

Въ Псковъ пріѣхалъ Виленкинъ для того, чтобы просить Черемисова не брать изъ 5-ой арміи броневой дивизіонъ, который своею надежностью составлялъ опору штаба и комитета во всѣхъ затруднительныхъ случаяхъ. Черемисовъ отказался и разразился угрозами по адресу комитета.

— Вы придерживаетесь слишкомъ правой линіи поведенія. Поэтому солдаты не доверяютъ вамъ, и вамъ нужна воинская сила. Будьте немножко лѣвѣе и тогда обойдетесь безъ всякихъ броневыхъ дивизіоновъ.

— Самый правый въ комитетѣ я, отвѣтилъ Виленкинъ. Что же касается другихъ, то если сложить годъ, проведенные членами комитета на каторгѣ за лѣвизну ихъ убѣжденій, получится число большее, чѣмъ число вашихъ лѣтъ, г. генералъ. И если бы задача теперь была въ томъ, чтобы быть лѣвымъ и подыгрывать подѣ настроенію массъ, то я давно сидѣлъ бы адѣсь на вашемъ мѣстѣ, внесенный на рукахъ солдатъ.

Тотъ же Черемисовъ въ Ревелѣ, на вопросъ матросовъ, нужна ли въ арміи дисциплинарная власть, заявилъ, что, по его мнѣнію, армія мо-

может победить и без такой власти, такъ какъ его корпусъ подъ Галичемъ доказалъ, что и свободная армия можетъ совершать подвиги.

Ревельское посещение мнѣ очень памятно. Впервые мнѣ пришлось столкнуться со стихией чистаго большевизма: матросскія собранія состояли на девять десятыхъ изъ однихъ большевиковъ. Моей задачей было защищать переходящее Временное Правительство. Помяну, нужна была величайшая осторожность. Но я чувствовала всю тщету попытокъ, такъ какъ само слово «Правительство» создавало какіе-то электрическіе токи въ залѣ, и чувствовалось, что полым негодованіемъ, ненавистью и недоверіемъ сразу захватывали всю толпу. Это было ясно, сильно, откровенно и непреодолимо и сливалось въ единодушный вопль «Долой!» И я склоненъ считать величайшимъ моимъ ораторскимъ подвигомъ, что мнѣ удалось сказать рѣчь до конца. — При возвращеніи нашемъ изъ Ревеля нашъ поездъ — поездъ Главнокомандующаго фронтомъ — облылся дезертирами, которыми были полны станція, и которые вылезали даже на крыши, откуда ихъ съ трудомъ сгоняли.

Та же картина была на фронтѣ. Иногда намъ приходилось переживать просто трагическія минуты, когда изъ штаба дивизіи передавались по аппарату телеграммы «Солдаты такого-то полка оставили позицію и пошли въ тылъ по направлению къ штабу дивизіи... Черезъ четверть часа: «Къ солдатамъ полка, оставившаго позицію, присоединились тако-то и тако-то сосѣдніе батальоны и всѣ вмѣстѣ идутъ къ штабу дивизіи.» И такъ дѣло, черезъ каждыя полъ, а то и четверть часа. Правда, въ концѣ концовъ какъ-то всѣ эти бунты и уходы кончались сравнительно мирно. Но ясно было — армія уже

не существовало. Но надвинулась опасность, что пассивное сопротивление замкнется активной борьбой съ Правительствомъ подъ видомъ большевиковъ которые вдругъ подняли головы и почувствовали себя полными козырями въ армии. «Но мы ли говорили, что генераламъ и офицерамъ нельзя довѣрять». Невинныя комитеты стали превращаться въ большевистскія ячейки. Всякие выборы въ армии давали изумительный приростъ большевистскихъ голосовъ. При этомъ нельзя не отмѣтить, что лучшая, наиболее подтянутая армия не только на сѣверномъ фронтѣ, но, быть можетъ, на всемъ русскомъ фронтѣ — 5-ая — первая дала большевистскій армейскій комитетъ. Наиболее дезорганизованная, имѣвшая во главѣ наиболее лѣвый комитетъ — 12-ая — дольше всѣхъ и мужественнѣе всѣхъ сопротивлялась большевикамъ, действуя даже съ оружіемъ въ рукахъ.

Разруха на фронтѣ увеличивалась политической разрухой въ Петроградѣ. Тамъ чувствовалось, что лозунгъ «Шейной на фронтѣ кушать мѣръ въ тылу и на фронтѣ» — не далъ ожидаемыхъ результатовъ. На фронтѣ была не война, а только поражения, и миръ международный отдался еще болѣе. Въ тылу же уже было грозила война. Поэтому демократическое совѣщаніе поразило даже самыхъ инициаторовъ чрезвычайныхъ разбродовъ мысли. Даже представители одной партіи выступали по разнымъ вопросамъ не только разномъ, но диаметрально-противоположно. Мысли было такъ много, что ясно было, что мнѣнія нѣтъ вообще. И что было дѣлать и говорить? Каяться всенародно въ своихъ и чужихъ прегрѣшеніяхъ, какъ Зарудный? Или воздерживаться по всемъ вопросамъ, какъ председатель наиболее многочисленной фракціи,

Черношь? Словошь въ центрѣ полный разладъ и разброхъ. А справа? Ропотъ ворчанья, передаваемая шепотомъ клевета, медленное разъединеніе послѣднихъ остатковъ авторитета власти, пафосъ озабоченнаго шипѣнья по угламъ. И лишь слѣва консолидація силъ и настроеній

Отчасти вина за послѣдствія Корниловскаго дѣла, несомнѣнно, падаетъ на Правительство. Какъ ни какъ, совершилось открытое восстаніе Верховнаго Главнокомандующаго противъ Правительства. Восстаніе окончилось неудачей. Но побѣдители какъ бы стыдились своей побѣды. Лишь послѣ долгихъ переговоровъ и уговоровъ удалось убѣдить Алексѣева хотѣ для виду арестовать Корнилова, который былъ помѣщенъ въ Быховъ подъ охраной своихъ вѣрныхъ technicians. Начатое судебное дѣло танулось безкомично... То же самое было и на периферіи. Штабъ сѣвернаго фронта пытался прикинуть къ восстанію. Но Клембовскій былъ только смѣщенъ, и потому мы же защищали его отъ нападковъ печати. Я помню, одинъ изъ комиссаровъ прислалъ мнѣ, когда я былъ уже въ Ставкѣ, негодующую телеграмму на малость по отношению къ восставшимъ и требовалъ немедленнаго суда и приговора смертной казни. Я отвѣтилъ ему чрезвычайно рѣзкимъ выраженіемъ моего негодованія за недопустимое вышаташество въ дѣйствіи судебной власти. Но если послѣ большевистскаго восстанія въ шолѣ мѣсяцѣ многіе находили, что необходимо было на страхъ массъ обрушиться карами на лидеровъ большевизма, то особенно разбирался, кто правъ, кто виноватъ, то также закономъ были требованія суровой репрессіи теперь по отношению къ тѣмъ, кто

быть съ Корниловымъ. Государственная власть, которая хотѣла быть достойной этого имени, должна была желѣзной рукою расправиться съ матавжниками, не останавливаясь даже передъ невинной жертвой, лишь бы суровостью запугать массы, лишь бы не обратиться въ пугало, на которое уже не боялись садиться птицы. Это, можетъ быть, было бы злодѣяніемъ, но такимъ, которымъ создается сильное Правительство Керенскій не пошелъ на такое злодѣяніе. Правъ онъ или нѣтъ?

Часть третья
Война въ странѣ

Глава первая.

ОКТЯБРЬСКОЕ ВОЗСТАНИЕ

1 Назначение въ Ставку

Въ началѣ октября я въ Цковѣ получилъ телеграмму съ предложеніемъ немедленно прѣхать къ Керенскому въ Ставку. Я приблизительно догадывался, о чемъ могла идти рѣчь: мои друзья изъ Петрограда уже предупреждали меня, что Исполнительный Комитетъ выдвинулъ мою кандидатуру въ Верховные Комиссары, да и Керенскій говорилъ объ этомъ со мной. Но я всякій разъ отклонялъ это, считая, что самъ Керенскій является нѣмъ инымъ, какъ комиссаромъ. Больше того, я находилъ, въ особенности послѣ поѣздки съ Черемисовымъ въ Ревель, что и на фронтѣ можно обойтись безъ комиссара.

Такъ какъ въ телеграммѣ были назначены сроки моего прѣезда въ Ставку, а телеграмму я получилъ съ опозданиемъ, то мнѣ пришлось ѣхать на автомобилѣ до ст. Невель и дойти ночной поѣздъ изъ Петрограда. Однако, я спланилъ напрасно, такъ какъ, прѣжавъ, узналъ, что Керенскій опасно боленъ, и къ нему никого не допускаютъ. Прождавъ день и переговаривъ съ Духонинымъ и Вырубовымъ, я рѣшилъ оставить письмо и уѣхать. Но на слѣдующій день Керенскому было лучше, и онъ принялъ меня,

дома въ постели. Я повторилъ мой отказъ. Онъ просилъ подождать его выздоровленія. Оказалось, что большіе трудности встрѣтились въ налаживаніи отношеній съ новымъ комитетомъ въ Ставкѣ, состоявшимъ изъ представителей фронтовыхъ и армейскихъ комитетовъ. Комитетъ этотъ былъ образованъ отчасти по моей инициативѣ — надо было какъ-нибудь вернуть къ Ставкѣ, хотя бы дѣловое, довѣріе арміи; но отношенія съ комитетчиками какъ-то не налаживались и меня хотѣли заставить расхлебывать кашу, которую я заварилъ. На слѣдующій день, отчасти уступая уговорамъ Керенскаго и Духокина, отчасти же самъ заинтересовавшись тогдашнимъ аппаратомъ Ставки, я согласился.

Керенскій произвелъ на меня впечатлѣніе какой-то пустынною всей обстановкой и страхомъ, никогда не бывавшимъ спокойствіемъ. Около него были только его неизмѣнные «адъютанты». Но не было ни постоянно раньше окружавшей толпы, ни делегаций, ни прожекторовъ. И не только въ Могилевѣ — во время боёвѣ — то же самое поразило меня и въ Петроградѣ въ Зимнемъ Дворцѣ. Появились какіе-то страшные досуги, и я имѣлъ рѣдкую возможность бесѣдовать съ ними по цѣлымъ часамъ, при чемъ онъ обнаруживалъ какую-то странную вторичность. И онъ не разъ повторялъ, что съ истеричизмомъ ожидаетъ созыва Учредительнаго Собранія для того, чтобы, открывъ его, сложить свои полномочія и немедленно, во что бы то ни стало, уйти.

Между дѣлодами противъ моего назначенія комиссаромъ въ Ставкѣ, которые я выставлялъ Керенскому, былъ и тотъ, что я имѣлъ, какъ мнѣ казалось, опредѣленный планъ дѣятельности

на фронтѣ, но не зная, что дѣлать въ Ставкѣ. И мнѣ казалось, что понадобится не менѣе двухъ мѣсяцевъ, пока я осмотрюсь въ обстановкѣ.

— Все равно, всякому другому придется еще болѣе, чѣмъ вамъ, присматриваться къ обстановкѣ. Вы, по крайней мѣрѣ, не будете дѣлать заговоровъ.

Однако, первые выводы послѣли впечатлительно скорѣе. И въ двадцатыхъ числахъ октября я телеграфировалъ въ Петроградъ о намереніи приѣхать туда, такъ какъ необходимо переговорить о нѣкоторыхъ существенныхъ вопросахъ. Я отчетливо помню эти вопросы, и такъ какъ они оставались не только мое личное мнѣніе, но синтезировали настроенія какъ штаба, такъ и комитета, который, кстати сказать, оказался чрезвычайно благомыслице настроеннымъ, то мнѣ хочется нѣсколько подробнѣе остановиться на нихъ.

1. Первымъ вопросомъ былъ чисто политехнический вопросъ, о войнѣ и мирѣ. Было безспорно, что надо было поставить какой то видимый предѣлъ войнѣ и дать понять народу, что Правительство серьезно озабочено приисканіемъ способа закончить войну. Мнѣ и очень многимъ казалось, что правительство не только ничего не дѣлаетъ въ этомъ отношеніи, но даже не считаетъ нужнымъ скрывать свое недружелюбное отношеніе ко всякимъ разговорамъ о мирѣ. И въ то время, какъ мы въ Ставкѣ ежедневно получали цѣлыя груды телеграммъ, рисующихъ отчаянное положеніе фронта и полный развалъ военной организаціи — Терещенко провозгласилъ въ Совѣтѣ Республики рѣчь, гдѣ доказывалъ, что, хотя противникъ готовъ протянуть руку къ миру, но мы-то еще позволимъ. Я, правда, воспользовался припадомъ Терещенко въ Ставку для того,

чтобы показать ему груды телеграммъ, получен-
ныхъ въ день приѣзда съ фронта, гдѣ все гово-
рилось о необходимости немедленнаго мира, но
онъ отнесся къ этому свысока — да и разговоръ
нашъ длился всего около 5 минутъ. Я послала
еще длинную телеграмму въ Петроградъ. Но
мнѣ казалось, что необходимо поговорить объ
этомъ лично. Тѣмъ болѣе, что мы знали, что
въ правительствѣ былъ Верховскій понимавшій
необходимость решительныхъ шаговъ къ миру.
Но какъ разъ было получено извѣстие объ уходѣ
Верховскаго, при чемъ комментаріи складывали
этотъ уходъ какъ разъ съ вопросомъ о мирѣ.

О Верховскомъ, какъ объ одномъ изъ наи-
болѣе блестящихъ молодыхъ офицеровъ, я слы-
шалъ еще въ инкерскомъ училищѣ. Во время
революціи я встрѣтилъ его на румынскомъ
фронте, гдѣ онъ велъ агитацію за необходи-
мость наступленія. Я былъ нѣсколько франки-
рованъ его первыми выступленіями въ качествѣ
военнаго министра. Но потомъ помать органа
чужую правильность его позиций. Онъ одина-
ково ярко и полно понималъ необходимость и
неотвратимость революционныхъ порядковъ, какъ
неосуществимость ихъ съ техническими требова-
ніями веденія войны. Отсюда выводъ — такъ
какъ революція отменяетъ войну, то надо по-
стараться отменить войну. Или, во всякомъ слу-
чаѣ, конечнымъ образомъ помѣнить ее. Но онъ
не имѣлъ достаточнаго авторитета ни въ обще-
ственныхъ ни въ военныхъ кругахъ, чтобы бы-
стро добиться не только согласія съ его взгля-
дами но — что было наиболее необходимымъ
— дѣйствія въ этомъ направлении.

2 Въ связи съ принятыми военными кругами
планами Верховскаго о сокращеніи арміи, воен-
ныхъ дѣламъ разъ стратегическихъ трудностей.

Командный составъ рѣшительно не анализъ ка-
кимъ образомъ справиться съ прежними зада-
чами при меньшемъ количествѣ солдатъ. Помню
однѣ изъ командующихъ армій, когда пришло
дѣйствио о необходимости расформировывать
третью дивизию, впалъ въ отчаяніе. Онъ вы-
нулъ планъ расположения его войскъ и сталъ
показывать на планѣ тѣ «дыры», которыя обра-
зуются на фронтѣ, при намѣченномъ расформи-
ровании, и доказывалъ, что нѣтъ никакой воз-
можности зализать эти дыры. Мнѣ казалось,
что положеніе не такъ страшно, такъ какъ было
доподлинно вѣдомо, что на фронтѣ противника
было дѣйствио вдвое меньше. Кромѣ того, мнѣ
казалось, что на переходное время надо было
принять исходной точкой знанія, что у насъ не
нѣтъ боепособной арміи, не только въ смыслѣ
активныхъ операцій, но даже для защиты. По-
этому надо было принять рѣшеніе при натискѣ
со стороны противника отступать, нанося арьер-
гардными боями возможно большія потери, ата-
куя во фланги... Но приготовить заранее от-
ступление верста, быть можетъ, на 200. Этими
можно было выиграть время, необходимое для
перестройки всей арміи. Сокращеніе арміи слѣ-
довало поставить на радикальныхъ основаніяхъ,
сведя ее, быть можетъ, до 15—20 корпусовъ,
выбраннаго состава, малочисленныя основныя изъ
офицеровъ, прекрасно снабженныя, воору-
женныя. — Такимъ образомъ, дѣло шло не болѣе
ли менѣе, дакъ о новой стратегіи и новой арміи.
Я дѣлился своими мыслями съ Духонинимъ и
Дидериксомъ и, въ обществѣ, встрѣтилъ одобреніе.
Но, въ виду сложности связанныхъ съ этимъ
планомъ тактическихъ и политическихъ вопро-
совъ, я считалъ необходимымъ переговорить съ
Керенскимъ и его помощниками.

3. Независимо отъ предположений о постройкѣ новой армии, мнѣ казалось, что давление, оказываемое старой арміей, слишкомъ мало и не соответствуетъ той динамической энергіи, которая была заложена въ ней. Какъ ни плохъ нашъ фронтъ, давление, оказываемое имъ на противника, значительно меньше, чѣмъ оно могло быть даже при существующихъ настроеніяхъ и дезорганизациі. Развѣдка почти не производилась, и это было небрежностью не только со стороны солдатъ, но и со стороны команднаго состава. Поиски небольшихъ партій тоже отошли въ область преданій. На всѣ мои разпросы еще на фронтѣ я получалъ некачественныя отвѣты: — Нѣтъ желанія, нѣтъ настроенія.

Между тѣмъ, было ясно, что въ войскахъ появились воинственныя и грабительскіе инстинкты, появилась рѣшительность и предприимчивость, правда, направленная на объекты въ тылу, а не на фронтѣ. Нельзя ли эту предприимчивость направить на противника? Но было ясно, что этого нельзя было сдѣлать безъ матеріальнаго поощренія. Въ войскахъ роняли, что рабочіе загребаютъ тысячи, въ то время, какъ солдаты на фронтѣ должны были довольствоваться своей несчастной пѣтеркой. Надо было предоставлять солдатамъ подработать на фронтѣ. И я предлагалъ назначить опредѣленные награды за военные трофеи, и при томъ очень крупныя награды несравнимыя съ тѣми жалкими четвертинными билетами, которые жандармы и удачливцы окопниковъ. Я предлагалъ установить тысячу рублей за одного пѣшняка, пятьсотъ рублей за винтовку противника, тысячу рублей за пулеметъ, такъ, чтобы награды

служила достаточнымъ стимуломъ для дѣлой пар-
тия охотниковъ — не слѣдуетъ забывать, что
въ то время жалованье рядового офицера было
что-то около 200 рублей, жалованье товарища
министра 1250 р. Мы дѣлали возраженія, что
такія награды разорительны для казны. Но я ука-
зывалъ что, даже если взять худшій въ финан-
совомъ отношеніи случай, что армія прельсти-
вшись такими наградами, беретъ въ плѣны ми-
ліоны солдатъ, то уплатить придется тогда ми-
лиарды. Но видъ война быта бы конченъ сразу,
при такомъ давленіи на фронтѣ. Указывалось на
безразличность такой мѣры. Но мы каза-
лось призывать направлять инстинкты народа
на внѣшняго врага, чѣмъ допустить ихъ нестер-
пимый разгулъ на внутреннѣхъ отношеніяхъ.

4 Въ послѣднее время (тѣмъ занималъ во-
просъ о поддержаніи безопасности въ тылу и
во всей странѣ. Постоянно приходили извѣстія
о страшныхъ грабежахъ разгромахъ имѣній раз-
громахъ жезѣнодорожныхъ станцій и пр. Ни-
какія мѣры не давали надежнаго результата,
такъ какъ сами охраняющіе войска были такъ
же ненадежны, какъ войска, творившія безобра-
вія, и часто сами присоединялись къ бѣгущи-
ствамъ. Мы казалось необходимымъ поставить
на очередь созданіе специальныхъ надежныхъ
отрядовъ изъ социально-высшихъ классовъ. Мы
казалось, необходимо было создать возможно бо-
лѣ военныхъ училищъ, такъ какъ подѣ этимъ
видомъ легче всего было осуществить мѣру. Я
представлялъ себѣ, что въ каждомъ значитель-
номъ городѣ или около каждой значительной
станціи должна быть одна школа прапорщиковъ,
которая должна была служить опорой порядка.

Беренскій самъ предполагалъ каждый дѣлѣ
недѣли приѣзжать въ Ставку. Но что-то это на-

держало въ Петроградѣ. Поэтому я рѣшилъ ѣхать самъ. Духонинъ тоже высказалъ желаніе проѣхать въ Петроградъ для переговоровъ съ Манниковскимъ, и мы условились, что, приѣхавъ въ Петроградъ, я повлияю на Керенскаго, чтобы тотъ немедленно вызвалъ изъ Ставки Духонина.

2. Возстаніе въ Петроградѣ.

24 октября я приѣхалъ въ Петроградъ съ грудой всевозможныхъ докладовъ и матеріаловъ. Керенскій встрѣтилъ меня въ приподнятомъ настроеніи. Онъ только что вернулся изъ Совѣта Республики, гдѣ произнесъ рѣзкую рѣчь противъ большевиковъ и былъ встрѣченъ обычными и всеобщими овациями.

— Ну, какъ вамъ нравится Петроградъ? встрѣтилъ онъ меня.

Я выразилъ недоумѣніе.

— Какъ, развѣ вы не знаете, что у насъ вооруженное возстаніе?

Я разсмѣялся, такъ какъ улицы были совершенно спокойны, и ни о какомъ возстаніи не было слышно. Онъ тоже относился нѣсколько проницательно къ возстанію, хотя и озабоченно. Я сказалъ, что нужно будетъ положить конецъ этимъ вѣчнымъ потрясеніямъ въ государствѣ и рѣшительными мѣрами расправиться съ большевизмомъ. Онъ отвѣтилъ, что его мнѣніе такое же, и что теперь уже никакіе Черновы не помогутъ ни Каменевымъ, ни Зиновьевымъ, если только удастся справиться съ возстаніемъ. Но относительно послѣдняго было такъ мало сомнѣній, что Керенскій немедленно согласился, чтобы я вызвалъ Духонина въ Петроградъ, и я тотчасъ послалъ соответствующую телеграмму.

Керенскій просилъ меня отправиться въ Со-

вить Республику посмотреть, что тамъ дѣлается, и переговорить съ лидерами относительно опредѣленности и рѣшительности резолюции.

Маринскій Дворецъ былъ переполненъ. Кромѣ членовъ Совѣта, въ кулуарахъ и лонжахъ было много представителей чиновнаго мира и много военныхъ. Было возбужденіе. Партіи совѣщались по фракціямъ, сталкивались между собой. Но безрезультатно, такъ какъ споры провалились въ своей фракціи пятую по счету резолюцію и, повидимому, теряли надежду столкнуться на чемъ-нибудь. Я, между прочимъ, заговорилъ о необходимости организовать гражданскую оборону изъ студенчества, но меньшевики отшатнулись отъ меня, какъ отъ чужака.

— И такъ правительство надѣлало много глупостей, вы хотите еще бѣдную гвардію устраивать...

Но вотъ началось голосованіе революціи, въ темную, безъ предварительнаго созвора. Принятою оказалась резолюція, составленная Даномъ, о томъ, что Совѣтъ возлагаетъ ответственность за возстаніе большевиковъ на правительство и на большевиковъ и предлагаетъ передать дѣло обороны отечества и революціи какому-то комитету спасенія, составленному изъ представителей городской Думы и партій. Я тутъ же сдѣлалъ выводъ, что такая революція составляетъ ничто иное, какъ отказъ отъ поддержки Правительства, и высказалъ предположеніе, что послѣднее подастъ въ отставку. Сообщивъ по телефону Керенскому резолюцію, я тотчасъ самъ поѣхалъ во Зимній Дворецъ. Керенскій былъ въ замѣшаніи и въ волненіи и заявилъ, что при такихъ условіяхъ ни минутой не останется во главѣ Правительства. Я горячо поддерживалъ его рѣшеніе и вызвалъ по телефону Алексѣева и другихъ ли-

деревъ партій Тѣ приѣхали Рѣшеніе Керенскаго мнѣ страшно изумило, такъ какъ они считали резолюцію чисто теоретической и случайной и не думая, что она можетъ повлечь практическіе шаги. Особенно изумился Авксентьевъ, когда Керенскій заявилъ, что передаетъ власть ему, какъ председателю Совѣта. Начались угоняиванія и убѣжденія, которыя продолжались всю ночь.

Къ утру Керенскій согласился остаться у власти. Но уже въ течение ночи волстаніе, не встрѣчая достаточно энергичнаго сопротивленія, получило значительное развитіе. Я самъ былъ крайне изумленъ, когда мой автомобиль въ нѣсколькихъ шагахъ отъ Зимняго Дворца на Миліонной, былъ задержанъ взникъ то странными патрулемъ, которыя отирали меня въ казармы полка. Тамъ меня повели въ революціонный комитетъ, но сейчасъ же отпустили. Это были воставшіе, которые, однако, дѣйствовали крайне нерѣшительно. Я пѣзъ дому протелефонировалъ объ этомъ въ Зимній, но получилъ оттуда успокоительныя заверенія, что это недоразумѣніе.

На утро, однако, стало ясно, что событія приняли такой оборотъ, что кризисъ власти не можетъ разрешиться въ обычномъ порядкѣ, почти весь городъ былъ въ рукахъ воставшихъ. Керенскаго я засталъ въ Штабѣ. Онъ не спалъ всю ночь и теперь собирался уѣхать. Мы проводили его — Онъ поѣхалъ на своемъ собственномъ автомобилѣ съ адъютантами въ полной формѣ. Правительство и все таюцая небольшая кучка штабныхъ военныхъ остались въ Зимнемъ Дворцѣ и въ Штабѣ. Я сѣлъ писать воззваніе къ арміи. Правительство, подъ председательствомъ Коновалова засѣдавшее въ Зимнемъ Дворцѣ, одобрило текстъ. Я немедленно самъ от-

появился на телеграфъ и отправилъ воззваніе въ Ставку. Кроме того, я соединился съ Духонинымъ, который уже ночью получилъ извѣстія изъ Штаба о возстаніи. Духонинъ заверилъ меня, что приняты всѣ мѣры къ посылкѣ войскъ въ Петроградъ, и что нѣкоторыя части должны были уже немедленно начать прибывать. Я вернулся въ Правительство и сообщилъ о моихъ переговорахъ. Правительство обсуждало вопросъ о томъ, кого избрать генералъ-губернаторомъ Петрограда. После нѣкоторыхъ споровъ и колебаній, избрали Кишкрина. Тотъ сейчасъ же началъ совѣщаться съ Вагратуни и Цальчинскимъ.

Все это время по телефону приходили печальныя и тревожныя извѣстія. Заняты вокзалы. Занятъ телеграфъ и телефонъ. Занятъ Мариинскій Дворецъ, и члены Совѣта, собравшіеся туда, такъ какъ предполагалось засѣданію для пересмотра вчерашней резолюціи, выгнаны.

Вышелъ на площадь. Она охранялась юнкерами. Но прислушиваясь къ разговорамъ, я убѣдился, что юнкера разбѣжены обывательскими разговорами и, во всякомъ случаѣ, не проявляли вѣнзулами въ выпавшей на нихъ долю задачъ защищать Временное Правительство. — Прошелся по улицамъ. Возстаніе приближалось, но медленно и нерѣшительно. Мнѣ показалось, что проявленіе энергии съ нашей стороны могло бы замѣнить положеніе дѣлъ. Я никакъ не могъ добиться въ Штабѣ толковаго отвѣта, дѣлается ли что-нибудь для борьбы или нѣтъ. Наканунѣ Вагратуни заверилъ меня, что Правительство имѣетъ силы болѣе, чѣмъ достаточно. Онъ сообщалъ, что въ течение ночи будутъ приняты мѣры къ тому, чтобы захватить штабъ возстаншихъ, знаменитый военно-революціонный комитетъ совѣта. Теперь все время шло рѣчь о необходимости

принять меры къ освобождению Маринского Дворца и телефона. Но часы проходили, и дѣло дальнѣе разговоровъ не двигалось. Сознаніе бездѣятельности и пассивности было такъ ощутительно и неприятно, что я предложилъ самъ пойти освобождать Маринскій Дворецъ и попросилъ дать мнѣ для этого роту юнкеровъ.

Какъ разъ къ этому времени къ Зимнему Дворцу подошла знакомая мнѣ школа инженерныхъ прапорщиковъ въ, гдѣ я раньше преподавалъ. Съ согласія Штаба я взялъ одну роту подъ командой пор. Синетуба и, въ сопровожденіи нѣсколькихъ офицеровъ изъ военнаго министерства направился по Морской улицѣ. Около Невскаго пр. меня встрѣтилъ П. М. Толстой. Онъ зналъ о моемъ проектѣ идти на выучку къ Маринскому Дворцу и прочитать «развѣдку». Оказалось, передъ Дворцомъ стоятъ броневики. Тогда я рѣшилъ ограничиться болѣе близкимъ объектомъ — телефонной станціей освобожденіе которой тоже было очень важнымъ.

Подойдя къ телефонной станціи, я оставилъ половину роты не доходя до входа во дворъ, а съ другой половиной зашелъ дальнѣе. Полуроты выстроились цоверекъ улицы Публича, которая, какъ обычно, сновала по тротуарамъ, извозчики — со всѣхъ ногъ стали спасаться въ боковыя улицы, видя, что дѣло подходитъ къ стычкѣ. Морская мертвенно опустѣла — никого, кромѣ моихъ юнкеровъ. Изъ телефоннаго двора выбѣжалъ прапорщикъ-большевикъ и, размахивая револьверомъ, сталъ разсиранивать, въ чемъ дѣло. Я сказалъ, что прицельно по приказу изъ Штаба сбить караулъ. Онъ отвѣтилъ, что добровольно не подчинится. — «Ну, такъ мы будемъ брать силой»..

Вѣроятно, съ точки зрѣнія достиженій

успѣха, мнѣ надо было застрѣлить на мѣстѣ этого молодого прапорщика. Но я далъ ему убѣжать во дворъ, и тамъ онъ сейчасъ же крикнулъ: «Въ ружье!» Во дворѣ показались испуганные, встревоженные лица солдатъ. Я отделилъ десятокъ юнкеровъ и хотѣлъ направиться во дворъ. Но мнѣ показалось, что задача можетъ быть выполнена и безъ боя, что большевики, засѣвшіе тамъ, сами сдадутся, увидя, что вся улица въ нашихъ рукахъ. Но вдругъ со стороны Маринской площади затрещали выстрѣлы. Выигъ отъ моей роты юнкеровъ остался на улицѣ только нѣсколько человѣкъ остальные всё попрятались по подворотнямъ въ подъездахъ домовъ. Положеніе было не опасное, такъ какъ я, стоя все время на улицѣ и сравнительно спокойно наблюдая за всей картиной, не слышалъ, чтобы душъ свистѣли мимо насъ. Но я не могъ опредѣлить, откуда именно идетъ стрѣльба: съ крыши, изъ оконъ? Кто стрѣляетъ? Какія мѣры нужно принять? Но стрѣльба затихла, и юнкера стали повсюду смущенно появляться опять. Я подумывалъ уже о рѣшительныхъ дѣйствіяхъ, но показался броневикъ, и опять тревога въ моихъ рядахъ. Однако, броневикъ тихо и спокойно прошелся нѣсколько разъ мимо насъ по улицѣ, а потомъ сталъ у воротъ телефона, направивъ на насъ пулеметы. Я рѣшилъ снять осаду, такъ какъ чувствовалъ, что мои юнкера смущены всей обстановкой, да и я потерялъ увѣренность въ легкости выполненія задачи. Чтобы не подвергать опасности ту половину роты, которая стояла дальше, проводя ее въ строю мимо броневика, который могъ открыть огонь по отступающимъ, я повелъ ее кружнымъ путемъ по Гороховой и улицѣ Гоголя. Той же полуротѣ, которая стояла ближе къ Невскому, я

через офицера далъ приказать немедленно возвращаться на Дворцовую площадь. Моя полурота вернулась благополучно. Но та, которая была ближе, была охвачена на Невскомъ броневиками и значительнымъ отрядомъ большевиковъ и разоружена.

Такъ окончилась единственная, насколько я знаю, попытка активного сопротивления большевикамъ.

Убѣдившись на опытѣ, что активная борьба вокругъ Дворца почти невозможна, тѣмъ болѣе, что было очевидно, какъ таяли наши слабыя силы, и какъ сужалось кольцо большевиковъ, которые уже стали выглядывать у штабныхъ воротъ, я сдѣлалъ предложение, чтобы Правительство немедленно оставило Дворецъ. Я доказывалъ, что еще имеется полная возможность покинуть Дворецъ, но рискуя быть арестованными, и перейти въ другое помѣщеніе, откуда уже организовывать борьбу. Слишкомъ пустынно было въ Зимнемъ Дворцѣ и мертвенно. Конкретно, я предлагалъ перейти въ Городскую Думу, гдѣ, по телефоннымъ свидѣніямъ, собралась вся представительная общественность, и гдѣ намѣчался дѣятельный центръ борьбы.

Но только Гвоздевъ соглашался со мной. Остальные члены Правительства рѣшительно отказались. И, быть можетъ, они были правы... Лучше было погибнуть въ пустынномъ Зимнемъ Дворцѣ и быть арестованными толпой ворвавшихся солдатъ, чѣмъ оказаться окруженными и поддерживаемыми тѣми, кто вчера еще винилъ Правительство въ томъ, что оно вызвало большевизмъ.

Вообще, въ Правительствѣ было желаніе проявить упорство и мужество. Кишинъ и Конопаловъ давятъ своимъ подъемомъ и непрерыв-

ными благородными жестомъ. Но болѣе характеръ для обстановки и историческаго момента былъ Малиновъ. Онъ ничего не говорилъ, а только слушалъ. Его глаза скорбно сияли. И было чрезвычайно ясно, что онъ прекрасно понимаетъ всѣ причины событій, ясно видитъ послѣдствія, но отчетливо сознаетъ безнадежность борьбы и страдаетъ отъ неспособности не только сдѣлать, но и вообще дѣлать что-нибудь для предотвращения опасности ..

Чтобы устранить всякія сомнѣнія, Правительство устроило закрытое засѣданіе и постановило оставаться во Дворцѣ и защищаться до послѣдней степени.

Между тѣмъ, большевики подступали къ Дворцовой площади. У воротъ Дворца юнкера устроили баррикады изъ бревенъ и очистили всю площадь, такъ какъ были случаи разоруженія постовъ. къ юнкерамъ приближались кучка людей, словно прохожихъ, останавливались, снимала винтовки и, угрожая револьверами, отнимала ихъ.

Темнѣло. Въ рукахъ Правительства оставался только Зимній Дворецъ, пустынный, молчаливый — лишь на дворѣ оставшіяся кучки юнкоровъ что-то шумѣли, чего-то требовали, о чемъ-то совѣщались. Выбрали депутатовъ «для того, чтобы высказать намѣренія Правительства». Къ депутатамъ вышло Правительство, кажется, въ полномъ составѣ. Говорилъ Кишинъ — съ подъемомъ, но мужественно и спокойно, что Правительство рѣшило не покидать Дворца и оставаться въ немъ до послѣдней возможности. Юнкера слушали, не возражая, но и не соглашались. Одинъ юнкеръ пытался было выразить готовность съ радостью умереть за Правительство,

ство. но явный холод остальных товарищей сдержал порыв.

Еще раз соединился со Ставкой и переговорилъ съ Духонинымъ. Недоумѣие, почему войскъ нѣтъ еще въ Петроградѣ. Передалъ результатъ переговоровъ Правительству. Сообщилъ кому-то изъ министровъ, что собираюсь обратиться изъ Дворца въ городъ. Вышелъ на площадь, перелѣзалъ черезъ несохраняемыя баррикады у воротъ. Около Александровскаго сада задержали. Показалъ свой старый офицерскій документъ — пропустили.

Отправился въ Городскую Думу, гдѣ былъ оживленный бурлящій центръ общественной антибольшевистской работы. Было крайне приятно, почувствовать себя опять на людяхъ, не среди обреченныхъ. Всѣ помѣщенія полны народомъ Много засѣданій. Много предложений. Много бодрыхъ рѣшительныхъ словъ и увѣренныхъ дѣлъ.

Но вотъ съ Невы стали доноситься пушечные выстрѣлы. внося струйки какого-то леденящаго холода въ оживленный говоръ въ комнатахъ и коридорахъ. Стало понятно, что нельзя только говорить и спорить и строить концепции борьбы. Нужно сразу немедленно что-то дѣлать. И какъ-то сразу оформилось рѣшеніе идти всей толпой ко Дворцу. Вышли много, быть можетъ, нѣсколько сотъ человѣкъ. Выстроились шеренгами и двинулись по Невскому проспекту. Вдругъ голова шествія остановилась. Дорогу преградили большевистскій патруль. Начался долгіе переговоры. Приѣхалъ грузовикъ, наполненный матросами, молодыми, разудалыми, но теперь какими-то странно задумчивыми парнями.

Общественные деятели окружили грузовикъ и стали доказывать ему, что это неотъемлемое право каждого гражданина быть со своимъ Правительствомъ въ такіе минуты. Матросы не отвѣчаютъ, и даже смотрятъ куда то въ сторону или, вѣрнѣе, вверхъ, прямо передъ собой, съ платформы грузовика. Возможно, что не слышутъ, занятые своими собственными мыслями, во всякомъ случаѣ не понимаютъ интеллигентскихъ, красиво построенныхъ фразъ. Потомъ, не говоря ни слова, поѣхали дальше. Но патруль остался и не пропускалъ. Ностояла, повзбѣли и рѣшили вернуться — подчинились «насилію, какъ при старомъ режимѣ».

3 Въ Царскомъ Селѣ и Гатчинѣ.

На другой день съ вечера грянуло извѣстіе о томъ, что Керенскій съ войсками приближается къ Петрограду. Онъ въ Лугѣ. Онъ въ Гатчинѣ. Онъ въ Царскомъ Селѣ. Онъ уже говоритъ по телефону съ Петроградомъ. Извѣстия эти подняли настроеніе политическихъ кружковъ. Начались оживленныя попытки организации борьбы съ большевиками. Эти же слухи отразились крайнимъ упадкомъ настроенія у большевиковъ, что видно было по ихъ патрулямъ на улицахъ. Былъ случай, что дамы обезоруживали солдатъ. Увѣренность въ скорой ликвидаціи большевиковъ росла ежечасно, тѣмъ болѣе, что изъ казармъ стали поступать свѣдѣнія о недовольствѣ гарнизона новыми хозяевами, и стали буквально сыпаться предложенія принять участіе въ вооруженномъ выступленіи противъ большевиковъ. Были свѣдѣнія о растерянности въ средѣ самого военно-революціоннаго комитета. Городская Дума и помѣщеніе крестьянскаго со-

дѣла въ училищѣ правовѣдѣнія были всецѣло въ нашихъ рукахъ и составляли центръ подготовки общественной и вооруженной акціи противъ большевиковъ.

26 октября незнакомый мнѣ инженеръ изъ группы «Единство» предложилъ попытаться проѣхать на автомобиле къ Керенскому. Я сперва отнесся къ этому проекту, какъ къ авантюрѣ. Но, обдумавъ положеніе дѣлъ и взглянувъ на карту, я рѣшилъ, что дѣло не безнадежно. Съ револьверами въ карманахъ, мы поѣхали черезъ Кошино въ Царское Село. Не обошлось безъ тревожныхъ минутъ, когда патрули вооруженныхъ рабочихъ останавливали нашу автомобиль и пытался допрашивать, куда мы ѣдемъ. Но въ концѣ концовъ мы благополучно достигли Царскаго Села. Керенскаго тамъ еще не было. Но гарнизонъ уже отступалъ въ ужасѣ передъ ка-ваками. Вся аллея къ вокзалу была переполнена солдатами мѣстнаго гарнизона, отступающими передъ невидимымъ противникомъ. Шли съ винтовками, нѣкоторые даже съ нѣсколькими винтовками въ походномъ снаряженіи, неся на рукахъ пулеметы и автоматическія ружья. Видно было, однако, что боевого настроенія не было. И у насъ съ инженеромъ явилась, дѣйствительно, авантюристическая мысль пойти на вокзалъ и постараться склонить солдатъ на сторону Правительства. Оставивъ автомобиль около дома Плеханова, мы пошли пешкомъ. На вокзалѣ — страшная суматоха всѣхъ поѣзда, отходящаго на Петроградъ, обвѣиваемая солдатами. Начавъ съ разговоромъ въ первой попавшейся кучкѣ солдатъ, мы перешли къ рѣчанію. Тотчасъ собралась толпа. Слушаютъ внимательно, даже поддакиваютъ. Я кончилъ призывомъ не слушать большевиковъ и поддержать Правительство въ его

стремленія дать народу честный миръ. Учредительное Собрание и землю. Но едва я замолчалъ, увѣренный въ успѣхъ, какъ какой-то пожилой солдатъ плюнулъ и со злобой, несправедливо на кого, началъ кричать, что теперь ужъ онъ-ничего не понимаетъ. Всѣ говорятъ и всѣ по-разному. Одинъ хочетъ этого, другой хочетъ того. Всякій со своими программами, партиями.

— Все перепуталось, ничего не пойму, къ чорту всякіе ораторы — кричитъ онъ въ изступленномъ негодованіи.

Впечатлѣнію рѣчи сразу пропало — я въ всѣ чувствовалъ тоже, что въ головѣ перепуталось. И я, только что говорившій такъ убѣдительно, — только одинъ изъ виновниковъ этой путаницы. Видъ другіе до меня говорили не могли убѣдительно о той же землѣ и томъ же мирѣ. И, пользуясь моментомъ, зашумѣли подлинныя большевики:

— А, главное, такіе ораторы арестовывать бы сразу...

Но на это у толпы не хватило рѣшимости, и мы имѣли возможность уйти, хотя и послѣшно, но съ соблюденіемъ внѣшняго приличія.

Сѣли на автомобиль и поѣхали искать Керенскаго. Сейчасъ за Царскіе Селомъ наткнулись на кавалерійскій отрядъ. Видъ и настроеніе казаковъ — молчаливо-нервнительный — произвелъ сразу новоселое настроеніе. Тѣмъ болѣе, что офицеры сразу обратились съ просьбой переговорить съ казаками и сообщить имъ, что еще не всѣ въ Петроградѣ на сторонѣ большевиковъ, и что казаки не идутъ противъ всего народа...

Послѣ моей рѣчи, выслушанной молча, меня проводили въ Керенскому. Онъ вмѣстѣ съ Брасновымъ находился въ дѣжнѣ, въ комнатѣ,

гда тутъ же на постели лежала больная женщина. Мои свѣдѣнія о Петроградѣ несомѣнно слишкомъ оптимистическія, но соотвѣтствующія всемъ имѣвшимся у насъ даннымъ.

Подѣйствовали ободряюще на Керенскаго и Краснова. Красновъ задавалъ вопросъ, можетъ ли онъ выждать хотя бы одинъ день съ дѣйствительнѣйшимъ наступленіемъ, такъ какъ его кавалеріа устала, и ему необходимо подождать пѣхоты. Мое мнѣніе было, что если силъ недостаточно для немедленнаго наступленія, то можно было выждать. Подробно расспрашивать о состояніи отряда я не считалъ въ правѣ, такъ какъ разговоръ велся при клишбномъ большомъ количествѣ лицъ. Но самъ тогда вынесъ впечатлѣніе, что въ рукахъ Краснова, во всякомъ случаѣ, несъ кавалерійскій корпусъ.

Убѣдившись самолично въ близости Керенскаго къ Петрограду, я отправился обратно, прѣчемъ достигъ Петрограда только поздно вечеромъ. Тотчасъ я направился въ Комитетъ Спасенія Родины и Революціи и былъ очень обрадованъ, что за день организационная работа сдѣлала громадныя шаги. Военный комитетъ имѣлъ связи со всеми почти частями и считалъ себя распорядителемъ весьма солидной вооруженной силы. Ставился вопросъ о выступленіи въ городъ. Но было единодушно рѣшено подождать еще хоть одинъ день, каждый часъ увеличивать нашу силу и организованность, кромѣ того, мои свѣдѣнія о томъ, что отрядъ Керенскаго по всей видимости, начнетъ наступленіе на Петроградъ лишь черезъ день, тоже склонили въ сторону выжиданія для нанесенія согласованнаго удара.

Я отправился домой, оставивъ военный комитетъ на разрѣшеніи организационныхъ во-

просовъ. На другой день я узналъ, что послѣ моего ухода, въ комитетъ пришли Полковниковъ и еще кто-то и принесли извѣстие о томъ, что большевики назначили на завтра разоруженіе юнгаровъ, т. е. собирались нанести ударъ на шимъ главнымъ связямъ. Естественно надо было предупредить ударъ. Поэтому было рѣшено начать выступленіе немедленно.

И, дѣйствительно, съ ранняго утра повсюду шла стрѣльба какъ ружейная такъ и орудійная, въ особенности около юнкерскихъ училищъ — Павловскаго и Николаевскаго — это было исполненіемъ плана большевиковъ. Антибольшевистскія силы тоже развили свой планъ — на время были заняты телефонъ и телеграфъ, и нѣкоторыя силы сгруппировались около Михайловскаго инженернаго училища, въ Инженерномъ Замкѣ, гдѣ былъ центръ антибольшевистскаго восстанія. Но къ полудню училища были разгромлены, а силы восстанія, лишеннаго поддержки своихъ главныхъ кадровъ, юнкеровъ начинали замѣтно таять. Къ вечеру провалъ восстанія сталъ несомнѣненъ — около четырехъ часовъ я уже никого не засталъ въ Михайловскомъ училищѣ. — Провалъ восстанія, неожиданная слабость нашихъ силъ и неожиданная энергія, развитая большевиками, давалась намъ ошеломляющей. Но такъ или иначе — надежды оставались только на отрядъ Керенскаго.

Провалъ восстанія, быть можетъ, отчасти могъ быть объясненъ и техническими моментами. Организация антибольшевистскихъ силъ была создана насильемъ. Не было ни достаточнаго количества телефоновъ, ни продуманнаго и плановѣрнаго распредѣленія ролей. Много личныхъ силъ, недостатка въ которыхъ не чувствовалось, пропадало неиспользованными. Если бы эти силы

были использованы или дали себя использовать в день восстания большевиков, когда в руках Правительства был весь технический аппарат власти, штаба - результат, несомненно, был бы иной. Но, странным образом, борясь с большевиками, все боялись быть связанными с Правительством. При формулировке политических целей антибольшевистской акции в Комитет Спасения Родины и Революции я поднимал вопрос о необходимости заявления, что борьба идет за восстановление Правительства, извергнутого большевиками. Но ни один голос не поддержал меня. Все указывали, что, при непопулярности Правительства в стране, лучше о нем совершенно не упоминать. Так как формально Совет и Исполнительный Комитет были в руках большевиков, то борьба, в сущности, шла от каких-то безымянных или совершенно неизвестных организаций. Прусская общественность, бездвательно предоставив Правительство власть, но имея возможности воспользоваться находившимся в его руках техническим аппаратом власти, стала бороться с большевиками в тот момент, когда аппарат власти оказался уже в их руках.

На следующий день я решил опять ехать к Керенскому. Ко мне присоединился А. Р. Гоц. Тем же путем и с теми же приключениями мы добрались до Царского Села.

Заехали опять к Плеханову узнать, где находится Керенский. Плеханов был очень болен, к нему нас не допустили, но жена Плеханова сказала что кто то нас хочет видеть внизу. Оказалось — Савинков, который приехал туда от имени каких-то казачьих ор-

гайзацій. Онъ сразу обрушился нападками на Керенскаго за его прежнюю дѣятельность и ~~сначала~~ доказывать, что нѣтъ никакихъ шансовъ, чтобы казаки пошли въ наступленіе подъ его главенствомъ. Онъ вспоминалъ запрещеніе казачьего крестнаго хода въ Петроградъ и другія обиды и указывалъ, что Керенскій настолько непопуляренъ, что одинъ изъ казачьихъ офицеровъ отказался подать ему руку. Намъ казалось, что въ словахъ Савинкова была отнюдь не только передача фактовъ, не только политическій диагнозъ, но нападки, старательный подборъ фактовъ.

Такъ какъ штабъ Краснова стоялъ въ Царскомъ, то мы заѣхали предварительно къ нему. Красновъ не говорилъ ни слова о недостаткахъ Керенскаго и упоминалъ только, что Керенскій слишкомъ торопитъ его, между тѣмъ какъ онъ не можетъ начать дальнѣйшаго продвиженія въ отсутствіи силъ Пѣхоты нѣтъ какъ нѣтъ, а казаковъ такъ мало, что Красновъ не можетъ даже набрать оружіе, которое царскосельскій гарнизонъ оставилъ въ казармахъ. Но главное, не что Красновъ напиралъ — отсутствіе пѣхоты.

— Казаки не хотятъ идти, такъ какъ думаютъ, что ихъ ведутъ противъ народа, разъ вся пѣхота только противъ нихъ. Дайте намъ пѣхоту, примите, какія угодно, мѣры — только дайте хоть одинъ батальонъ, чтобы было, кого показывать.

Отъ окружающихъ Краснова мы узнали, что Савинковъ ведетъ усмиренную агитацію противъ Керенскаго среди отряда.

Керенскій находился въ Гатчинѣ, въ тихомъ и гостеприимномъ дворцѣ. Онъ былъ страшно обрадованъ нашему приѣзду и настаивалъ, чтобы кто-нибудь изъ насъ съ нами остался.

— Вѣдь со мною нѣтъ никого, кромѣ моихъ адъютантовъ. А рѣшенія часто приходится принимать очень ответственныя.

Затѣмъ, онъ рассказывалъ о томъ, что уѣхавшей передъ нами депутаціи отъ Вихжеда съ особеннымъ негодованиемъ вспоминалъ онъ Плзасова, который нашелъ подходящимъ моментъ читать какия-то наставленія Керенскому и перечислять его вѣны и грѣхи.

Я рассказалъ Керенскому о свиданіи съ Савинковымъ и высказалъ свое мнѣніе, что, при создавшемся положеніи, быть можетъ действительно Керенскому лучше уѣхать изъ отряда. Надежды на успешное продвиженіе мало. Надо думать объ организаціи борьбы въ болышемъ масштабѣ. Надо ѣхать въ Ставку, гдѣ имеется хорошій техническій аппаратъ, гдѣ можно связаться со всей страной, съ Москвой, съ арміями. Здѣсь же, въ Гатчинѣ, полная оторванность и отрѣзанность на милость Савинкова и Плзасова. — Говя соглашаясь со мной Керенскій возражалъ, что неудобно уѣзжать изъ отряда что необходимо еще попытаться счастья, что вообще уже пробѣжать невозможно. Но я, какъ могъ, разбивалъ всѣ аргументы я, въ концѣ концовъ, при помощи Гоца, убѣждалъ Керенскаго согласиться выѣхать на другой день въ Ставку. На основаніи имѣвшася у меня опыта побѣдохъ изъ Петрограда къ Керенскому я вынесъ убѣжденіе въ полнѣйшей возможности «проскочить» и въ Могилевъ. Такъ какъ повѣдка все же представляла нѣкоторый рискъ, то и тутъ же «на всякій случай» убѣждалъ Керенскаго назначить себѣ прѣсидіума, который могъ бы вѣстись формальнымъ посетителемъ въ званіи и ея пресмѣстности. Керенскій составилъ въ трехъ экземплярахъ записку о томъ, что, въ случай его нечаяно-

венія или невозможности дѣйствовать, онъ свои полномочія передаетъ Аксентьеву. Одинъ экземпляръ записки вынулъ Гоцъ, другой былъ переданъ мнѣ, хотя я долженъ былъ ѣхать вмѣстѣ съ Керенскимъ.

На другой день, уже послѣ отъѣзда Гоца, когда мы уже заканчивали приготовленія къ отъѣзду, въ Гатчинѣ неожиданно пріѣхалъ Савинковъ, который не то отъ Гоца, не то отъ Краснова узналъ о намѣреніи Керенскаго ѣхать. Онъ рѣшительно сталъ возражать противъ этого. Керенскій вызвалъ меня. Я съ изумленіемъ спросилъ Савинкова, какъ примирить его теперешнюю позицію со вчерашними высказаніями. Вчера онъ говорилъ, что пущайъ Керенскаго понижаетъ настроеніе солдатъ, такъ что его нельзя пускать на передовыя позиціи. Сегодня же оказывается, что присутствіе Керенскаго необходимо, и его отъѣздъ можетъ повредить дѣлу. Отвѣта его я не помню, знаю одно, что онъ продолжалъ настаивать на томъ, что до исхода сраженія Керенскій долженъ оставаться. Керенскій согласился и отменилъ отъѣздъ. Я потомъ отъѣхалъ Савинкова въ сторону и сталъ разсуждать его наединѣ, въ чемъ дѣло. Я предупредилъ Савинкова, что я отнюдь не хочу быть связаннымъ съ одной опредѣленной личностью, что для меня важна только борьба и ее исходъ, что хотя я лично близко связанъ съ Керенскимъ, но всегда понималъ значеніе политики Савинкова въ арміи и скорбѣлъ о его разрывѣ съ Керенскимъ. Савинковъ весь оживился при упоминаніи о его политикѣ въ арміи и опять сталъ нападать на Керенскаго на разныхъ прегражденіяхъ.

Савинковъ ѣхалъ въ Царское, оставивъ меня въ полномъ недоумѣніи. Мы остались, разсывая по всѣмъ сторонамъ телеграммы о подкрѣпленіи

ния, уговаривая безрезультатно гатчинский гарнизон присоединиться къ правительственным войскамъ. После полудня были получены свѣдѣнія, что наступление Краснова приостановилось. Къ вечеру узнали, что весь отрядъ Краснова отступаетъ на Гатчину.

Почему отступилъ отрядъ Краснова? Формально устанавливаются двѣ причины отсутствія пѣхоты и недостатка снарядовъ въ его отрядѣ. Но обѣ эти причины сводятся къ одной — на строению массъ. Пѣхоты было сколько угодно, даже самымъ много и въ Царскомъ Селѣ и въ Гатчинѣ. Но эти гарнизоны, не вставая на сторону большевиковъ, категорически отказывались встать на сторону правительства. Сторонники большевиковъ поступили, съ оружіемъ, уйдя въ Петроградъ. Остальные бросали оружіе въ казармахъ, выходили на улицы, не сопротивлялись, когда ихъ забирали и разоружали. Они были настолько безынцесны, что Красновъ, вынужденный оставить въ казармахъ оружіе, такъ какъ у него не было силъ собрать это оружіе, не боялся идти позади себя чуть ли не 16 тысячный гарнизонъ. Но отряда въ 100 человекъ не удалось собрать ни въ помощь Краснову. Терпѣливо выслушавъ увѣщанья, убѣжденія и призывы, солдаты расходились, не споря, не оглядываясь и не дѣйствуя. То же настроеніе было, долинскому, и въ другихъ частяхъ, такъ какъ, несмотря на то, что многія лица и во многихъ мѣстахъ старались двинуть отряды къ Гатчинѣ — ни одинъ не пришелъ, кромѣ какой то полугубной шайки волковника Орла. То же настроеніе въ сущности, было среди казаковъ: они формально шли въ наступленіе, стрѣляли изъ пушекъ и винтовокъ... Но они не сражались, такъ какъ потери большевиковъ послѣ двѣ

пальбы оказались смѣхотворно малыми. Но я большевикскія войска были такого же настроенія отрядъ Краснова отступилъ съ потерями, насколько помню, не превышающими 20 человекъ раненыхъ и убитыхъ. . . Ясно, это былъ не бой. Масса была почти въ равновѣсн. Но большевиковъ было больше, чѣмъ ихъ противниковъ, и они дѣйствовали единодушно, и масса понемногу наклонилась въ ихъ сторону. Поэтому небольшой отрядъ Краснова долженъ былъ качнуться назадъ, просто для того, чтобы не раствориться въ массѣ окружающей пассивной, колеблющейся солдатчины. Но разложение началось отрядъ — уже въ Гатчинѣ.

Въ гатчинскомъ дворцѣ всю ночь было оживленіе. Приѣхалъ весь штабъ Краснова, приѣхалъ Савинковъ. Происходили засѣданія офицеровъ. — Съ неудовольствиемъ узналъ Керенскій что въ Гатчину призываетъ Черновъ, гастролирувавшій передъ тѣмъ, и съ большимъ успѣхомъ, на сѣверномъ фронтѣ. Керенскій просилъ меня встрѣтить Чернова и убѣдить его немедленно ѣхать дальше, если возможно не заглядывая во дворецъ. во всякомъ случаѣ не пытался играть какую-либо роль въ Гатчинѣ. Мнѣ казалось это излишней подозрительностью и недоувѣрчивостью. Я помѣстилъ Чернова въ моей комнатѣ и даже настоялъ, чтобы Керенскій принялъ его. Вѣсѣда продолжалась не долго, но въ весьма спокойныхъ тонахъ.

Не успѣли мы съ Черновымъ вернуться въ мою комнату, какъ меня опять вызвалъ Керенскій. Съ нимъ былъ Савинковъ. Оказывается, Савинковъ пришелъ съ собраніемъ офицеровъ гатчинскаго отряда съ предложеніемъ утвердить его въ качествѣ комиссара отряда. Керенскій спросилъ меня, какъ я отношусь къ этому. Я ска-

залъ, что, по моему мнѣнью, такое назначеніе нежелательно, такъ какъ и теперь у насъ большія трудности, и мы не можемъ добиться прихода пѣхоты. . Имя же Савинкова настолько непопулярно въ лѣвыхъ кругахъ и комитетахъ, что мнѣстіе о его активной роли въ отрядѣ можетъ насъ окончательно лишить надежды на пѣхоту. Савинковъ не соглашался со мной и доказывалъ, что важнѣе всего привлечь на свою сторону офицерство, которое на сторонѣ Савинкова, что доказывается его теперешнимъ выборомъ. Керенскій прервалъ нашу нѣсколько своеобразный споръ, заявивъ, что онъ утверждаетъ Савинкова.

Въ моей комнатѣ я засталъ Войтинскую, Семенова и какого-то подозрительнаго офицера съ подыванной щекой, который утверждалъ, что офицеры гатчинскаго дворца составили заговоръ противъ Керенскаго, что онъ якобы собственными ушами слышалъ, какъ они говорили, что, при первой попыткѣ Керенскаго уѣхать, они пустятъ ему пулю въ голову. Я, конечно отнесся къ этому, какъ къ полнѣйшей брехнѣ, и даже не передавалъ Керенскому. Но это рисуетъ атмосферу гатчинскаго дворца.

Утромъ я былъ разбуженъ делегацией лужскихъ воеровъ, въ рукахъ которыхъ была лужская станція и лужскій Совѣтъ. Они пришли къ Чернову спрашивать его совѣта, правильна ли та позиція, которую они заняли и выразили въ посланнѣй принятой резолюціи. Эта резолюція гласила, что лужскій гарнизонъ рѣшаетъ оставаться нейтральнымъ въ борьбѣ Правительства съ большевиками и пропускать въшеломы, какъ идущие на помощь Правительству, такъ и идущие по вою большевиковъ. Черновъ заявилъ, что съ его стороны резолюція возраженій не

встрѣчаетъ. На мои негодующія реплики что это ударъ въ спину Правительству, онъ спокойно замѣтилъ что практически важно одно, чтобы пропускались эшелоны Правительства, такъ какъ эшелоны къ большеречкамъ, понадиному, не идутъ.

Конечно, было бы нарушениемъ объективности, если бы еще tentarъ видѣть въ этомъ поведеніи Чернова признаки какого-либо коварства или измѣны. Онъ искренне и давно былъ противъ военнаго политикки большинства, въ томъ числѣ и въ особенности Керенскаго. Я помню его первое выступленіе въ Совѣтѣ въ качествѣ министра земледѣлія. Его рѣчь дышала неподдѣльнымъ восторгомъ передъ революціей, создавшей такія учрежденія, какъ Совѣтъ, состоявшій весь изъ «селянъ» и рабочихъ. Соціальная побѣда, въ видѣ возможности провести земельную реформу, ему представлялась настолько значительными и «праздничными», что вопросы фронта и международнаго положенія отступали на задній планъ на радостяхъ побѣды надъ помещикомъ, котораго Черновъ, вѣроятно, ненавидѣлъ почти физически, можно было простить и даже уступить въвиду И, несомнѣнно, его настроенія ближе отражали настроенія массъ, чѣмъ идеология оборонческаго большинства. Но они вели къ сепаратному миру, — слово, котораго тогда даже большевики не рѣшались произнести. И онъ не боролся противъ военнаго большинства но какъ-то интриговалъ противъ него. Теперь же онъ былъ въ правѣ думать, что линия «народной гордости», которую проводилъ Керенскій, была губительною и оттолкнула массы отъ Правительства. Какъ Савинковъ былъ правъ, говоря, что за Правительствомъ не идутъ офицеры, такъ правъ былъ Черновъ, говоря, что

за Правительство не идти — солдаты. И оба дѣлали не тотъ выводъ, что надо эстаблить солдатъ и офицеровъ поддерживать Правительство, но оба считали, что борьбу съ большевиками надо вести похию Правительства, отгораживаясь отъ Керенскаго.

Я не знаю, чѣмъ закончился пріемъ депутация, такъ какъ Керенскій вызвалъ меня и сообщилъ, что получены крайне тревожныя свѣдѣнія съ фронта. Въ 6-ой арміи большевистскій комитетъ рѣшилъ послать цѣлую дивизію въ помощь большевикамъ, и отношенія между штабомъ и комитетомъ достигли такого напряженія, что каждую минуту можетъ послѣдовать взрывъ. Въ двѣнадцатой арміи уже началась вооруженная столкновение между расколотившимся частями комитета... Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ разобрались желѣзнодорожный путь — единственная линія, питавшая армію. — Надежда на быстрое разрѣшеніе вооруженнаго конфликта въ Гатчинѣ нѣтъ, такъ какъ среди гарнизона и казаковъ броженіе. На притокъ новыхъ силъ надежда тоже нѣтъ, такъ какъ въ предѣлахъ 24-часового пути нѣтъ ни одного правительственнаго вѣстника. Броневой дивизионъ, уже было погруженный въ Рѣжницѣ, не двинулся и разгружается. Кроме того была получена телеграмма о томъ, что совѣщаніе партій въ Петроградѣ рѣшило прекратить гражданскую войну (телеграмма впоследствии оказалась подложной).

Керенскій рѣшилъ созвать совѣщаніе, Красновъ, Саминковъ, начальники штаба отряда, предсѣдатель комитета казачьей дивизіи и еще кто-то. Линія спора опредѣлилась сразу. Саминковъ настаивалъ на борьбѣ во что бы то ни стало,

соглашался въ крайнемъ случаѣ на переговоры лишь какъ на военную хитрость, для того, чтобы выиграть время. Онъ носился въ это время съ идеей призванія на помощь полкова, корпуса Добровольца Муснидскаго. И развивая противоположную точку зрѣнiя, доказывая, что дальнейшее продолженiе борьбы повлечетъ за собой полный распадъ фронта, нужно найти органическое соглашенiе цѣною максимальныхъ возможныхъ уступокъ. Краснонъ мало интересовался широкими политическими перспективами ему нужно было пережить во что бы то ни стало, въ виду положенiя его отряда. Въ томъ же духѣ рѣшительно высказались остальные военные. Керенскiй подчинился необходимому, и, повидимому, соглашался со мной. Казаками представители под держивали Краснова. Такъ какъ вопросъ о необходимости перемирия — все равно, какъ военной хитрости или какъ начала для переговоровъ, былъ безспоренъ, то рѣшено было немедленно сдѣлать соответственное предложенiе большенкамъ. Начали формулировку соответствующихъ документовъ, которые отъ имени Краснова должны были быть отосланы въ штабъ бѣловощиковъ, какъ Краснонъ упорно именовала большенниковъ въ своихъ посланiяхъ. Я отказался идти къ большенкамъ подъ бѣлыми флагомъ, такъ какъ выѣстъ съ Керенскимъ считалъ, что немедленно вступить въ переговоры можетъ только военная власть. Что же касается самого Керенскаго, то онъ долженъ былъ вручиться согласiемъ политическихъ группъ. Поэтому было рѣшено, что я немедленно тайно поѣду въ Петроградъ вести соответственные переговоры. Кузьминъ же долженъ былъ выѣхать подъ бѣлымъ флагомъ къ болшевишкамъ.

Засѣданiя, формулировка бѣлаго, присланiю

автомобилей — все это заняло время до вечера. Сперва я решилъ ехать кружнымъ путемъ, но, убѣдяшись, что дорога слишкомъ плохая, повернулъ назадъ и поѣхалъ напрямикъ на Царское Село уже занятое большевиками. Путешествие было, въ сущности, даже не рискованное, а безнадежное, такъ какъ изъ Гатчины въ Царское села одна дорога, и наши послѣдніе патрули стояли у самаго входа въ Гатчину — дальше должны были находиться уже патрули или дозоры большевиковъ, которые не могли пропустить автомобиль изъ Гатчинскаго гаража. Однако къ нашему удивленію, Царское Село еще не охранялось. Первые патрули мы встрѣтили только на Царскихъ Селахъ, но такъ уже не стоило большого труда убѣдить большевиковъ пропустить насъ какъ западныхъ путешественниковъ. Потомъ къ намъ подошло несколько рабочихъ красногвардейцевъ, которые при всѣхъ остановкахъ кричали «Наши, наши», и такъ мы ѣхали около полуночи въ Петроградъ. Я тотчасъ отправился искать позитивные центры. Но въ Городской Думѣ — никого, на Фонтанкѣ въ Правовѣдѣніи — никого. Отъ случайно встрѣченной секретарши Комитета (спасенія узнала, что меньшевики заседаютъ у Крохмалева) Поѣхалъ къ нему, но уже никого не засталъ. Между тѣмъ на улицахъ стало мертвенно-пустынно. Наврѣдка только раздавались выстрѣлы. Въ квартирѣ Крохмалева меня швейцаръ уже не хотѣлъ пустить, такъ какъ домовый комитетъ постановилъ никого не пускать послѣ 12 часовъ ночи... Ясно было, что всѣ усилія что-нибудь сдѣлать въ эту ночь были безплодны.

Но и слѣдующій день былъ не менѣе безплоденъ. Я сдѣлалъ докладъ въ Комитетъ Спасенія — такъ сказавъ, что важность затронутыхъ во-

просовъ заставляетъ передать вопросъ на обсуждение отдѣльныхъ партій. Сдѣлавъ докладъ въ своей партіи, въ центральномъ комитетѣ эсеровъ, который съ трудомъ разыскала, въ Нижелѣ, наконецъ .. Но вездѣ былъ отвѣтъ обсудимъ . Къ четыремъ часамъ получилъ известіе, что усилія мои напрасны, такъ какъ Гатчина пала, упразднивъ всѣ поднятые мною вопросы.

Тогда, въ минуту дѣйствія, всѣ событія казались сложною цѣпью мелкихъ, часто несчастныхъ случайностей. Казалось, скажи тотъ или иной дѣятель иначе, напиши иную революцію - и все пошло бы по-иному. Но теперь ясно, что вопросъ былъ значительно сложнее. Члены одной и той же партіи не могли столкнуться между собой, потому что такой разбродъ мнѣній былъ повсюду, быть можетъ въ душѣ каждого человека. И не въ энергіи или вялости отдѣльныхъ лицъ причина неуспѣха борьбы съ большевиками. Почему Кишквинъ и Пальчинскій въ Петроградѣ, Керенскій и Красновъ въ Гатчинѣ, Войтинскій и Савицкій въ Псковѣ, Волдыревъ въ Двинскѣ, Парскій и Кучинъ въ 12-ой арміи, Духонинъ и Дидерихсъ въ Ставкѣ — почему всѣ вдругъ оказались такими безпомощными и неэнергичными и безрезультатными въ усиліяхъ? Неужели вездѣ случайность или ошибка?

Глава вторая.

ПАДЕНІЕ СТАВКИ.

Посоветовавшись съ друзьями, я рѣшилъ пробраться къ себѣ, въ Могилевъ, тѣмъ болѣе, что въ Петроградѣ было рѣшительно нечего дѣлать, а Комитетъ Спасенія Родины и Революціи рѣшилъ послать значительную политическую делегацію въ Ставку.

Настроение Ставки было вполне опредѣленное: оставивъ мысль объ активной борьбѣ съ большевиками и посылкѣ эшелоновъ въ Петроградъ, пассивно бороться съ ними, отставая отъ нихъ распорядокъ въ арміи. Расчетъ былъ ясенъ. день Учредительнаго Собранія приближался, и необходимо было такъ или иначе дотянуть до этого дня, сохраняя въ цѣлости военную организацію. Это не было нейтралитетъ, это было просто умолчаніе о позиціи. Такъ какъ въ Петроградѣ техническое руководство военнымъ министерствомъ оставалось въ рукахъ ген. Маньковского съ которымъ Духонинъ постоянно сносился, то была полная надежда, что такая позиція Ставки обезпечитъ ей неприкосновенность.

Я не находилъ возраженій противъ такой позиціи. Я не возражалъ, когда ген. Духонинъ показывалъ мнѣ письмо Савинкова съ просьбой посылать эшелоны къ Лугѣ въ распоряженіе чутъ ли не самого Савинкова, отнесся къ этому, какъ къ авантюрѣ. Но при такомъ настроеніи

положение комиссара Временного Правительства было совершенно неопределенным, если не сказать ложным. Поэтому я написал Духонину, что передаю свои полномочия председателю общевойсковому комитету, Перекрестову, правому вверху. Духонин слабо возражал, тем Дидерихс скорее даже поддерживал такое решение, считая что присутствие меня, как представителя прежнего Правительства, дало Ставке одиозной во глазах большевиков. Но обстоятельства должны были привести свое намерение в исполнение. Прежде всего, Комитет вынес постановление о необходимости, чтобы я остался на своем месте. То же самое мнение высказали представители Комитета Спасения Родины и Революции, которые начали съезжаться в Москву. Но решительным образом повлияло на это разрыв Ставки с большевиками.

Разрыв произошел из-за требования большевиков, чтобы Ставка вышла на себя техническую сторону мирных переговоров с противником к которому большевики намеревались приступить немедленно. Духонин в уклончивом ответе, не отказываясь прямо, задать целый ряд вопросов об отношении к переговорам союзников, об условиях мира и т. п. Но Ленин, ведущий переговоры по прямому проводу, прервал их сличением Духонина с назначением Верховным Главнокомандующим Крыленко.

Стало ясным, что большевики идут на срыв всей военной организации и не останутся ни перед чем для того, чтобы разрушить Ставку, мешающую им начать переговоры и, вообще, принимать конкретные меры к приближению мира. При этих условиях мотивы моего ухода отпадали, и в день разрыва я

навязать Духонину и Дидерихсу, что сохраняю свои полномочия за собой

Послѣ разрыва съ большевиками стало ясно, что даже до Учредительнаго Собранія Ставки не дадутъ дотянуть, если она не будетъ бороться за свое существованіе. Но какъ бороться? На кого опираться? Въ первую голову отпадали всѣмѣ попытки искать опоры въ правѣ, въ остаткахъ офицерскихъ организацій, уцѣлѣвшихъ послѣ дѣла Корнилова. Эти круги отпослались отрицательно къ теперешней Ставке вообще и къ Духонину въ частности. Но и вообще въ этомъ направленіи нельзя было найти что-либо осязательное и вѣсомое, что можно было бы противопоставить большевизму.

Опоры приходилось искать въ остаткахъ прежнихъ оборонческихъ организацій въ арміи. Но и тутъ положеніе было неловкимъ. Вокругъ Ставки какъ чисто военно-техническаго аппарата, такіе силы нельзя было сгруппировать. Онѣ могли группироваться только вокругъ политическаго центра. Такимъ образомъ, Ставка невольно втягивалась въ русло общей политической борьбы за власть и сама по себѣ являлась мотивомъ для того, чтобы эту борьбу начать немедленно, не ожидая Учредительнаго Собранія.

Вообще, съ момента разрыва съ большевиками, Ставка жила въ напряженной атмосферѣ перекрещивающихся политическихъ стремленій и идей. Больше всего осязательными и осязанными были для меня тѣ идеи, съ которыми прѣхали политические представители — Черновъ, Гоцъ (въ военномъ платьѣ, Алакоутъевъ (безъ бороды), Скобелевъ, Богдановъ, Знаменскій, Рикитниковъ. Засѣданія происходили попеременно: пленарныя въ общевойсковомъ комитетѣ, а въ болѣе узкомъ составѣ — у меня. Вопросъ все

время шель о формах борьбы и о политической платформе борьбы. В сумбуры прений и взаимно парализующих тенденций, в конце концов выкристаллизовались следующие конкретные предложения.

1. Созвать съезд крестьянских представителей в Могилеве. На этом более всего настаивали социалисты-революционеры. И действительно, от имени председателя Исполнительного Комитета Крестьянских Депутатов Чернова, были разосланы соответствующие приглашения во все губернские комитеты. Но эта работа окончилась неудачей, так как были получены сведения, что депутаты в большинстве идут все же в Петроград, и Чернов вынужден был дать распоряжение о том, чтобы и его сторонники направлялись туда.

2. Гораздо большие прения вызвал вопрос о попытке образовать в Ставке правительство. Большинство общеваршавского комитета ради членской делегации и я настаивали на принятии такого решения, так как оно создало бы действительно центр для борьбы за власть. Об этой идее говорилось не только абстрактно, но назывались конкретные имена. Комитет единодушно настаивал на кандидатуре Чернова в качестве главы правительства. Сопоставляя сведения о таких оценок, которыми Чернов встречался на северном фронте, с единодушным мнением комитета, оставленного из представителей всех армий, я тоже высказался за него, хотя в личном разговоре подчеркнул Чернову, что, в общем, я являюсь не столько его сторонником, сколько противником. Но теперь мне казалось это мне подходящим, так как оно, как я выражался, было «социально окрашено». Так как сам Чернов, по форме

уклончиво, но, по существу, недвусмысленно высказался в пользу этой идеи, то получилось большинство Рызко, даже озлобленно-негодующе возражал против этого ближайший товарищ Чернова, Гоц. Он считал, что попытка обречена на неудачу и только скомпрометирует партию, которая должна была сыграть решающую роль в Учредительном Собрании. На парных порах было решено позиционировать почву, произвести подсчет голосов в армии, запросить армейские комитеты. Запрос исходил от общearмейского комитета. Ответы, в общем, дали большинство в пользу такого решения. Но обстановка наметилась вследствие неблагоприятного отношения из Петрограда. Мы были в постоянных сношениях с Петроградом, благодаря неутомимости и мужеству П. М. Токстого, который ухитрился в большевистском Петрограде сохранить в неприкосновенности тайну одного аппарата Куза и каждую ночь (днем почему-то пользоваться аппаратом было невозможно) разговаривать с нами. Через него были получены сведения об отрицательном отношении к нашим предположениям в Петроградских кругах. Кроме того, в меньшевистской газете появилась статья, именующая всё политическим предположением в Ставке авантюрой, после этой статьи наши друзья-меньшевики решительно высказались против всяких попыток организации власти из Ставки и указали. Эсеры проявили давление на своего лидера, который тоже, не ожидая даже поступления всех ответов из армии, собрался в Петроград. Были также известны течения и стремления среди чисто-военных кругов Ставки, и, в особенности, среди союзных войск. Но они не вылились не только в кон-

Кругами, настроенными соглашательски, была выдвинута мысль о назначении вместо Духонина, Бончъ Бруевича. После падения всей предположений относительно активной борьбы съ большевиками, эту идею воспринял и общегермейский комитетъ. Я возражалъ противъ замысла, но соглашался, что известное значение могло бы имѣть назначеніе Бончъ Бруевича исполняющимъ должность начальника штаба, такъ какъ Духонинъ былъ фактически Верховнымъ Главнокомандующимъ. Духонинъ согласился на этотъ планъ. Я переговорилъ съ Бончъ Бруевичемъ, но тотъ отказался намекая, что, получая высшее назначеніе онъ долженъ имѣть полную свободу дѣйствія. Но я тогда резко прервалъ переговоры.

Были характерными также замѣненія въ настроеніи массы, которая окружала насъ въ видѣ технического персонала, чиновъ охраны, ординарцевъ, георгиевскаго батальона. Настроения эти съ каждымъ днемъ становились хуже. На георгиевскихъ кавалеровъ уже давно нельзя было рассчитывать. Даже казаки и текинцы стали проявлять признаки броженія. Мы перестали быть увѣрены въ своихъ источникахъ, шоферахъ. Боялись разговаривать по телефону, такъ какъ сообщалось о большевистской агентурѣ среди телефонистовъ. Все явнѣе стало проявляться влияние приѣзжихъ агитаторовъ, отъ которыхъ Ставка не находила способа обезопасить себя. Вода всеобщаго потопа начинала просачивать сквозь почву у насъ подъ ногами.

Изъ внѣшняго мира поступали все болѣе тревожныя свѣдѣнія. Переизборы комитетовъ давали поводъ успѣхъ большевикамъ. Я разослалъ телеграммы имѣя губернскихъ комиссаровъ но получилъ очень мало отвѣтовъ — очевидно правительственная власть уже не находи-

лась въ ихъ рукахъ. Но наиболѣе потрясающее впечатлѣніе на насъ произвели выборы въ Учредительное Собрание въ Петроградѣ: около 40% голосовъ оказались поданными за большевиковъ! Принимая во вниманіе, что лѣвые эсеры и интернационалисты должны были быть привлечены къ партіи, поддерживающимъ большевиковъ, стало яснымъ, что путь демократіи, большинства голосовъ, формально выраженной воли нации дежитъ крайне близко около большевиковъ. Это уже не десятая часть, какъ было въ началѣ революціи, а самая многочисленная и влиятельная въ массахъ партія. Было явной недѣлностью пытаться бороться съ нею вооруженнымъ путемъ. Тѣмъ болѣе, что слѣдующая по величинѣ партія эсеровъ не проявляла большой склонности вооруженно бороться съ большевиками.

Параллельно съ нашей неуверенностію въ себѣ возрастала рѣшительность сторонниковъ большевиковъ внутри Могилева. Лѣвая часть общевойскаго комитета сперва веда себя очень тихо. Теперь же, по мѣрѣ того, какъ новые армейскіе комитеты отзываютъ своихъ представителей изъ Ставки, лѣвое крыло начинало все болѣе рѣзко проявлять свое мнѣніе. Не выдвигая никакой опредѣленной идеи, оно отчаянно противилось всякой мѣрѣ, всякому рѣшенію большинства. Особенно упрямъ, нетерпимъ и непримиримъ былъ б. председатель комитета Полянский. Дыханіе новыхъ психологическихъ сдвиговъ стало чувствоваться и въ другихъ демократическихъ организацияхъ — въ крестьянскомъ советѣ, въ советѣ солдатскихъ и рабочихъ депутатовъ стали слышаться новые рѣчи, рѣзкіе протесты. Однако до послѣдняго дня большинство этихъ советовъ, отчасти благодаря лич-

тому влиянию могилевского губернского комиссара Певанера было на стороне Ставки и, какъ могло, старалось оградить ее отъ ареста большевиками.

Между тѣмъ, событія развивались своими чередомъ. Крыленко отправился на фронтъ 5-ой арміи начать переговоры съ военнымъ командовавшимъ противника. Мы пытались оказать сопротивление Крыленко въ его поѣздѣ. Въ Псковѣ комиссаромъ былъ Шубинъ, интернационалистъ, но стоявшій въ тотъ моментъ на нашей сторонѣ. Онъ запросилъ у меня инструкцій, что дѣлать. Я сказала, что необходимо сдѣлать все возможное, чтобы не пропустить Крыленко. Болдыревъ самъ сообщалъ, что оказываетъ сопротивление большевикамъ. Но вотъ получаются извѣстія, бѣжавшія изъ Пскова Черемисовъ арестованъ, Шубинъ — арестованъ, Волдыревъ — арестованъ. Мы были увѣрены, что противникъ откажется вести переговоры съ узурпаторами власти. Однако, послѣ предварительныхъ переговоровъ большевики получили приглашение выслать своихъ парламентаріевъ въ назначенный день, прекративъ въ этотъ день боевыя дѣйствія на фронтѣ. По этому поводу Крыленко указалъ себя въ необходимости снестись со Ставкой. Духонинъ попросилъ меня переговорить съ нимъ. Крыленко потребовалъ, чтобы я передала Духонину приказъ прекратить въ назначенный день всякую перестрѣлку и военныя дѣйствія. Я отказался передавать, указавъ, что армія вообще еще не признала власти Крыленко. Я даже предлагала Духонину, разослать противоположный приказъ, чтобы въ назначенный день начать возможно болѣе оживленную ружейную и артиллерійскую перестрѣлку. Но Духонинъ отказался; такъ какъ считалъ, что такая

мира может внести большое осложнение в жизнь армии.

Вообще надо сказать, что сильный жест большевиков, их способность перешагнуть через колючий заграждение, четыре года отделявшая нас от соседних народов, произвели сами по себе громадное впечатление. Мы все настаивали, что большевики не могут дать мира стран. И тут, когда они приступили к действию, прервать их — значило бы оставить весь народ в убеждении, что большевикам несподручно выполнять их программу, дать немедленно справедливый мир уставшему народу. Не лучше ли дать им дойти до естественных выводов и последствий? Могли быть два исхода. Или имцы не захотят говорить с большевиками — тогда это будет прекрасным конституционным уроком для народа, который почувствует себя вынужденным идти по стезе мирного развития демократических учреждений. Или же имцы предложат такие условия мира, которые окажутся явно неприемлемыми, явно губительными для России — тогда народ увидит необходимость вооруженной борьбы — Конечно, было бы лучше, чтобы этот показательный урок проходили мы сами и использовали его в наших целях. Поэтому я, с согласия военных кругов Ставки и даже союзнических миссий, сделал предложение о том, чтобы Ставка созвала в Москве представителей всех партий, в том числе и большевиков, для всенародного, так сказать, разрешения вопроса о мире. Но из Петрограда было дано опять-таки отрицательное заключение, которое было им передано цитатой из заключения Нератова, с которым согласился и остаток Временного Правительства и Комитет Спасения Ро-

даны и Революции. Такимъ образомъ, не имѣя возможности ни бороться, ни проявлять активность въ какомъ-нибудь иномъ направлении, мы вынуждены были пассивно выжидать событий.

Положенію Ставки въ стратегическомъ смыслѣ казалось вполнѣ надежнымъ. Лежащій въ сторонѣ отъ большихъ путей къ фронту, спокойный Могилевъ представлялъ собой какъ бы островокъ среди взволнованнаго народнаго моря. Подобраться къ нему, казалось, ватруднительнымъ. Около Витебска стоялъ 35-ый корпусъ, одинъ изъ самыхъ надежныхъ, съ которымъ кое-кто связывалъ самыя фантастическія надежды. Но если и можно было сомнѣваться въ способностяхъ корпуса къ активнымъ дѣйствіямъ противъ большевиковъ, то не было никакихъ сомнѣній по довѣрять намѣреніямъ корпуса не пропускать большевиковъ черезъ Витебскъ въ Ставку. Между Оршей и Могилевомъ стояла наиболѣе надежная во всей арміи первая финляндская дивизія. Въ самомъ Могилевѣ были кавалки и текинцы. Потомъ присоединялись еще двѣ роты ударниковъ. Казалось, что добраться было не легко — Кромѣ того, казалось, что большевики, послѣ разбѣда изъ Ставки политическими представителями и послѣ избранія Двинска базой мирныхъ переговоровъ, оставятъ Ставку въ сторонѣ.

Но вотъ въ управленіи военныхъ сообщений изъ Петрограда была получена свѣдѣнія, что на Могилевъ выступили эшелоны матросовъ. Медленно, съ длинными остановками для обѣдовъ, ужиновъ и мочевокъ, съ проявленіемъ нѣкоторой пербѣзительности, но все же постоянно эшелоны продвигались впередъ. Миновалъ Дно. Подходила къ Витебску. Миновалъ Витебскъ —

спрашивается, что делать 35-й корпус? Подходить к Оршэ

Возникла мысль отодвинуть всю Ставку на юг на Украину. И нель соответствующие переговоры съ Украинской Радой при посредствѣ Оди́нца и Зарубяна. Но, несмотря на самы́ отчаянныя усилія посредниковъ, Рада не согласилась приотить Ставку въ Кіевѣ и предоставила ей найти себѣ пристанище гдѣ-нибудь на «Черниговщинѣ». Ставка все-таки пробовала грулиться. Но немедленно передъ помѣщеніемъ Ставки появилась возбужденная толпа солдатъ, заявляющихъ, что онѣ (ставку не выпустятъ).

Вечеромъ въ тотъ же день — это было 17 ноября — распространилось, со ссылкой на итальянскую миссию, сообщеніе, что союзники официально рѣшили не возражать противъ сопратныхъ переговоровъ Россіи съ нѣмцами при соблюденіи нѣкоторыхъ условій (непосылка военныхъ матеріаловъ въ Германію и др., и что даже назначили своего представителя, который для информационныхъ и контрольных цѣлей будетъ присутствовать при переговорахъ. Сообщеніе было передано съ такими техническими подробностями, что сомнѣваться въ немъ не приходило никому въ голову. Естественно, что это было серьезнымъ психологическимъ ударомъ. На собраніи всѣхъ членовъ Ставки, гдѣ настроеніе было на то, чтобы организовать борьбу, сообщеніе Духонина этого эффекта подѣйствовало ошеломляюще. Если не только противники, но и союзники готовы признать законными шаги большевиковъ, то какова же будетъ роль Ставки и ея зацеты? И, вѣсто боевыхъ тоновъ, въ рѣчахъ Духонина и представителей членовъ Ставки развучали ноты прощанія при расставаніи

Вопросъ о сопротивленіи какъ-то самъ собою былъ снятъ. Вечеромъ у Духонина собрались высшіе чины Ставки, которые пришли къ нему съ рѣшеніемъ, что ему необходимо покинуть Ставку, такъ какъ противъ него большевиками велась слишкомъ усиленная личная кампанія, и поэтому его присутствіе можетъ осложнить положеніе Ставки въ моментъ прихода большевиковъ. Такое же рѣшеніе вынести и общедармейскій комитетъ. Я придерживался того же мнѣнія, хотя по нѣсколько инымъ соображеніямъ. Независимо отъ цѣлости техническаго аппарата Ставки, мнѣ казалось чрезвычайно важнымъ сохранить въ неприкосновенности отъ большевиковъ идею вышшаго командованія арміей, олицетвореніемъ которой былъ Духонинъ. Поэтому мнѣ казалось необходимымъ, чтобы онъ ѣхалъ на одинъ изъ важныхъ фронтовъ, еще не окончательно разложившихся. Духонинъ, однако, колебался. Считая, что вопросъ можетъ быть разрѣшенъ еще на другой день, я около 3 часовъ ночи отирался къ себѣ.

Около пяти часовъ утра меня разбудилъ телефонный звонокъ. Духонинъ просилъ меня прійти къ нему немедленно, такъ какъ имъ были получены весьма важныя вѣсти. Я былъ такъ утомленъ, что пробовалъ было просить у Духонина разрѣшенія прійти часовъ въ 8 утра. Но Духонинъ настаивалъ, чтобы я пришелъ немедленно и захватилъ съ собою председателя общедармейскаго комитета Перекрестова. Я тотчасъ одѣлся, нашелъ Перекрестова, и мы оба пришли къ Духонину. Было еще совсѣмъ темно.

Духонинъ былъ измученный и блѣдный. На столѣ лежала кучка телеграммъ. Изъ 35-го корпуса сообщалось, что въ немъ разруха, и о какомъ либо сопротивленіи большевикамъ не мо-

жетъ быть и рѣчи Дале, было извѣстно что большевистскій эшелонъ стоитъ въ Оршѣ и утромъ предполагается двинуться дальше на Могилевъ. Дале, была телеграмма отъ начальника 1-ой финляндской дивизии о томъ, что дивизия «рѣшила» быть нейтральной и не препятствовать большевикамъ на пути. Кроме того, Духонинъ сообщалъ, что ночью у него была депутація ударниковъ, которые поставили условіемъ ихъ дальнѣйшаго пребыванія въ Могилевѣ равноушное Георгіевцевъ, роспускъ или даже арестъ всѣхъ комитетовъ и еще что-то, явно не нужное и неисполнимое... Просто людямъ хотѣлось уйти... Духонинъ пробоваъ было ихъ уговорить остаться для охраны, чтобы при входѣ большевиковъ не разыгрались эксцессы. Но ударники заявляли что для одного человѣка они не могутъ жертвовать головами сотенъ. — Я, въ свою очередь, могъ сообщить Духонину, что у меня наканунѣ былъ полковникъ, командиръ техники, и заявилъ, что такъ какъ техники имѣютъ уже очень дурную контръ революционную славу, то они просятъ на нихъ не расчитывать при защитѣ теперешней Ставки — и былъ самымъ тогда озабоченъ, чтобы доискаться смысла этого заявленія, т. е. было ли это откровенъ «справка» или «слова». Выводъ однако былъ ясенъ ни одного создателя для защиты Ставки!

Оставался выборъ: или сдаться матросамъ, которые черезъ нѣсколько часовъ выйдутъ въ Могилевъ, или уйти. Я, конечно, настаивалъ на второмъ. Но Духонинъ возражалъ, что уйти невозможно уже просто потому, что въ его распоряженіи нѣтъ никакихъ средствъ передвиженія. Гаражъ со вчерашняго дня былъ подъ вліяніемъ большевиковъ, тайнаго военно-революцiоннаго комитета въ Могилевѣ, который отдаѣ

приказъ, чтобы ни одинъ автомобиль не выѣзжалъ за предѣлы Могилева. О поѣздѣ приходилось думать еще меньше, такъ какъ если бы даже удалось выѣхать изъ Могилева, то поѣздъ былъ бы несомнѣнно задержанъ въ Жлобнѣ, гдѣ стояла дивизія большевиковъ.

Но я еще наканунѣ, въ предвидѣніи такого положенія дѣлъ, принявъ нѣкоторые мѣры. При содѣйствіи комиссара Пензнера я обезпечилъ пріютъ Духонину въ самомъ Могилевѣ и, кромѣ того, выяснилъ, что въ Могилевѣ помимо штабного, имѣлся еще гаражъ эвакуированнаго варшавскаго округа путей сообщенія. Поэтому, я предложилъ пойти впередъ и уладить всѣ эти вопросы. Духонинъ же долженъ былъ выйти черезъ четверть часа вслѣдъ за мной и въ моемъ управленіи встрѣтить провожатаго, который доведетъ или до автомобиля или до надежнаго помѣщенія. Духонинъ еще продолжалъ колебаться. Но времени нельзя было тратить, такъ какъ днемъ самый выходъ изъ (тавки могъ быть затруднителенъ. Духонинъ говорилъ, что его собственный денщикъ слѣдилъ за нимъ... Поэтому, я оставилъ Дидерикса, Рателя и Черекрестова убѣждать Духонина, самъ же отправился въ гостиницу, гдѣ ночевалъ мой пріятель и сотрудникъ Гедрийцъ. Я разбудилъ его и направилъ кавстрѣчу Духонину, съ тѣмъ, чтобы тотъ привелъ его временно къ себѣ. Самъ же я пошелъ къ начальнику варшавскаго округа путей сообщенія доставать автомобиль. Съ трудомъ добудется. Но получилъ обѣщаніе, что къ 9 часамъ автомобиль будетъ поданъ — раньше было невозможно, такъ какъ болѣе ранніе сборы могли возбудить подозрѣніе. Совершенно случайно въ моемъ раскрытіи была печать большевистскаго петроградскаго военно-революціоннаго ко-

митета. Поэтому я на всякий случай заготовилъ пропускъ для автомобиля отъ имени этого комитета.

Около 8 часовъ я вернулся въ гостиницу къ Гедройцу и, къ моему великому удивлению, всталъ тамъ Духонинъ, Дидерихсъ и Рателя — Перекрестовъ уже раньше простился и отправился домой. Побѣдка была рѣшена. И если бы автомобиль былъ готовъ, я не сомнѣваюсь, Духонинъ сѣлъ бы въ него, и мы уѣхали бы. Но приходилось ждать Духонина все время безпокояся, что на мосту большевики поставятъ стражу и будутъ караулить. Но я былъ совершенно спокоенъ и убѣждалъ, что мы имѣемъ передъ собою для выѣзда изъ Могилева не меньше 12 часовъ, а можетъ быть, и дѣлая сутки. Но неожиданно измѣнилъ свое мнѣнiе Дидерихсъ. До снѣхъ поръ онъ такъ же убѣжденно доказывалъ необходимость отъѣзда Духонина, какъ и я. Тутъ же, въ этой полуконспиративной обстановкѣ, онъ почувствовалъ что-то противорѣчащее военной этикѣ. И онъ упорно и настойчиво сталъ разубѣждать Духонина. Мои возраженiя что рѣчь идетъ о дальнейшей борьбѣ, о сохраненiи идеи верховнаго командованiя и пр., онъ парировалъ указаuiями, что Духонинъ не политическiй дѣятель, и что своей Ставкой онъ борьбы вести не можетъ. Несмотря на серьезныя колебанiя Духонина, Дидерихсъ убѣждалъ его немедленно вернуться въ Ставку.

Я поставилъ имъ вопросъ, какъ они считаютъ, слѣдуетъ ли и мнѣ оставаться. Оба рѣшительно возражали. Было рѣшено, что Духонинъ немедленно послѣ возвращенiя въ Ставку телеграфируетъ ген. Щербачеву, что передаетъ ему Верховное Командованiе. Поэтому мнѣ слѣдовало ѣхать на румынскiй фронтъ.

Мы сердечно простились. Духонинъ натянулъ непромокаемую накидку, прикрывавшую его генеральскіе погоны, и вернулся въ Станку.

Черезъ нѣсколько часовъ, съ большимъ напуданіемъ былъ данъ автомобиль. Въ ту минуту, когда въ Могилеву подходилъ большевистскій эшелонъ, я перѣезжалъ черезъ днѣпровскій мостъ, на которомъ, какъ я и ожидалъ, не было не только большевистской, но вообще никакой стражи.

Глава третья.

ВОЗСТАНОВЛЕНИЕ ВОСТОЧНОГО ФРОНТА.

1. Брестскій миръ.

Въ первый же день по приѣздѣ въ Кіевъ узналъ, что Духонинъ былъ убитъ матросами. Я снесся съ румынскимъ фронтомъ, но отъ начальника штаба получилъ отвѣтъ, что Щербачевъ возражаетъ противъ моего приѣзда къ нему на фронтъ, такъ какъ это можетъ только осложнить и такъ уже не легкое положеніе. То же самое сообщалъ мнѣ Тлосигаузенъ, который уже дѣйствовалъ не какъ представитель Правительства, а какъ представитель фронтового комитета, «Румчерода»?...

Политическая обстановка въ Кіевѣ поравняла меня своей сложностью. Явно чувствовалось, что рѣчь идетъ уже не о двухъ фронтахъ — противъ нѣмцевъ и противъ большевиковъ, но по крайней мѣрѣ о трехъ, такъ какъ національный украинскій вопросъ сказывался очень сильно, даже наклонилъ другіе вопросы: Уже во время многолетнихъ бесѣдъ съ Винниченко и Грушевскимъ я убѣдился, что «русская опасность» въ ихъ психологии весьма реальный факторъ. Въ отвѣтъ на это въ средѣ представителей русскихъ партій болѣе всего говорилось о «коварствѣ» украинцевъ, о той опасности, которая грозитъ со стороны самостійняковъ явныхъ и тайныхъ.

Къ концу декабря я вернулся въ Петроградъ. Тамъ все было въ ожидании Учредительнаго Собранія, такъ какъ было извѣстно, что большинство не на сторонѣ большевиковъ. Казалось, Учредительное Собрание давало надежную опору для борьбы съ большевизмомъ, и принимались всѣ усилія, чтобы на немъ сосредоточить вниманіе и активность народныхъ массъ. И, дѣйствительно, къ пятому января, въ день открытія Учредительнаго Собранія, по улицамъ потянулись невиданныя по количеству манифестацій поддержки. Нѣтъ сомнѣнія что одна десятая людей, выйдя она поддержать Правительство въ день восстанія большевиковъ, предотвратила бы возможность ихъ побѣды. Теперь же грубая и уже организованная энергія большевиковъ оказалась выше энтузіазма манифестантовъ, и торжественныя, воодушевленные шествія были разогнаны ружейнымъ огнемъ съ крышъ и изъ оконъ.

Но впечатлѣніе «неправды», совершеннаго большевиками надъ Учредительнымъ Собраніемъ, было въ значительной степени смягчено цѣлостью и достоинствомъ самимъ Учредительнымъ Собраніемъ: его, какъ говорили, «достоинствомъ поведеніемъ», трусливостью и податливостью предсѣдателя Чернова. Учредительное Собрание бранили больше, чѣмъ большевиковъ, разогнавшихъ его. Тутъ произошло опять раздвоеніе русской антибольшевистской общественности. До сихъ поръ она какъ-то забывала о тѣхъ спорахъ, которые недавно раздѣляли ее. Но теперь различіе цѣлей и причинъ недовольства большевиками явилось наглядно. Средняго полагая не удовлетворяла ни Ленинъ, ни Каменевъ, ни Козловъ. Но не Черновъ, не Керенскій, даже не Миллюковъ или Родзянко. Вообще — не политическій дѣлъ

тель нуженъ былъ значительнымъ и влиятельнымъ кругамъ русской общественности, а генералъ, я при томъ не армейскій, а кавалерій.

Процессъ раздѣленія Россіи на два воюющихъ лагеря ускорился международнымъ вопросомъ. Процедура мирныхъ переговоровъ медленно продолжалась, но уже чувствовалось неравенство силъ дзюнговъ и пулеметовъ. Наконецъ, большевики отказались подписать условія мира, предложенныя немцами. Нѣ анти-большевистскія партіи почувствовали приливъ силъ не только потому, что странѣ грозила опасность, но потому, что предметный угрозы, на который надвигался, оказался какъ разъ такимъ, какъ предполагали. Это давало увѣренность во внутренней правотѣ позиціи Мира нѣтъ! Значитъ, война? -- Въѣсть съ тѣмъ, однако, отказъ большевиковъ подписать миръ на минуту колебалъ настроеніе по отношенію къ большевикамъ, и создавалось маленькое движеніе въ пользу сговора съ ними, если бы дѣло дошло до дѣйствительной борьбы.

Въ одномъ изъ эпизодовъ этого психологическаго сдвига пришлось сыграть роль и мнѣ. Когда стало извѣстно о наступленіи немцевъ на фронтъ и о приближеніи ихъ къ Пскову, въ Петроградѣ началось большое волненіе. Мнѣ, какъ военному и знающему о грандиозныхъ запасахъ военнаго имущества въ Псковѣ, представлялось яснымъ, что задача момента одна: оказывать сопротивленіе наступающему противнику. Поэтому на засѣданіи центральнаго комитета трудовой партіи я возражалъ противъ резолюціи, которая была одновременно направлена и противъ «инфляціи» и противъ «внутренняго» врага. Я настаивалъ, что въ настоящую минуту надо

только думать о противнике входящемъ въ наши предѣлы, и бороться съ нимъ въ системѣ той правительственной организаціи, которая ифется налицо, забывая на моментъ о ея несовершенствахъ и совершенныхъ преступленіяхъ. Мое мнѣніе восторжествовало. Это вызвало частичный кризисъ въ партіи въ видѣ выхода изъ состава комитета нѣкоторыхъ членовъ его. Тогда было рѣшено для примиренія устроить новое засѣданіе. Но я не дожидаясь слѣдующаго засѣданія. Мысль, что тѣ оконы, которые я съ такимъ стараніемъ строилъ вокругъ Пскова, могутъ быть съ налета пройдены кавалерійскимъ развѣдомъ противника, казалась мнѣ настолько чудовищной, что я отправился къ Крыленко и предлагалъ ему услуги въ качествѣ рядового офицера.

Крыленко былъ страшно изумленъ, что я нахожусь въ Петроградѣ, упомянулъ, что они устраивали спеціальныя засады, чтобы поймать меня. Онъ пробовалъ въ связи съ этимъ говорить что-то о необходимости, чтобы я явился «однимъ, безъ охраны», въ революціонный трибуналъ, причемъ обещалъ дать мнѣ свое «письмо»... Но я отвѣтилъ, что я пришелъ вовсе не для своей реабилитация, а если вопросъ ставить въ эту плоскость, то я склоненъ скорѣе признать его къ отвѣтственности, чѣмъ отвѣчать самъ. Я теперь просто и открыто прихожу въ качествѣ офицера, предлагая безъ всякихъ заднихъ мыслей помощь въ борьбѣ съ внѣшнимъ врагомъ, тѣмъ боже, что я прекрасно знакомъ съ псковскимъ фронтомъ. Онъ спросилъ меня, готовъ ли я немедленно отправиться на позиціи. Я отвѣтилъ, что согласенъ. Онъ записалъ мой телефонъ и адресъ, и сказалъ, что позвонитъ по телефону, когда надо будетъ вѣхать. Кроме того, онъ про-

силъ меня составить докладъ о защитѣ Пскова малыми силами

Мой поступокъ вызвать такое возмущеніе въ партіи, что мнѣ пришлось заявить о своемъ уходѣ изъ комитета. Нѣсколько иначе отнеслись мои друзья военные, которые наперебой являлись ко мнѣ, предлагая свои услуги. Я слѣлъ и писалъ докладъ. Крыленко, дѣйствительно, позволилъ мнѣ и спросилъ, готовъ ли я отправиться на другой день рано утромъ. Я отытилась, что согласенъ. Черезъ полъ часа являлись красноармейцы и предъявляли ордеръ, подписанный женой Крыленко, о моемъ арестѣ. Послѣ весьма поверхностнаго обыска я былъ препровожденъ въ революционный трибуналъ во дворцѣ Сергія Александровича.

Ночь на полу трибунала. Формальный допросъ о моей дѣятельности въ Ставкѣ. Мой отказъ давать показанія. . Кресты. . Десятокъ довольно тревожныхъ дней, такъ какъ все время ходили слухи о томъ, что красноармейцы готовы насъ разстрѣлать въ случаѣ приближенія немцевъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ сознание о какой-то трагичности положенія: изъ-за желанія защитить Россію отъ противника — почти исключенъ изъ своей партіи и посаженъ въ тюрьму «справителемъ».

Если бы не недостатокъ пищи и не тревога изъ-за поведения вооруженной стражи — сидѣть въ Крестахъ было-бы недурно. Нравы Крестовъ, знакомые мнѣ раньше по двукратному сидѣнію въ нихъ по политическимъ дѣламъ, — были весьма мягкими. Сторожа не обращались иначе, какъ со словами «товарищъ», вкладывая въ слово, дѣйствительно, душевное отношеніе. Двери камеръ оставались открытыми чуть ли не весь день, и если закрывались, то со словами «Това-

рыцъ, ничего, если я васъ прикрою немножко» . Но я обычно не только не возражалъ, но даже настаивалъ, чтобы меня «прикрыли», такъ какъ хотѣлось оставаться одному

Какимъ-то образомъ, вѣроятно, не безъ участія моей жены, моей судьбой заинтересовались лѣвые эсеры, работавшіе тогда совместно съ большевиками, и они добились моего освобожденія. Дальнѣйшихъ попытокъ сотрудничать съ большевиками я не могъ дѣлать, такъ какъ Псковъ оказался занятымъ нѣмцами, а большевики рѣшили подписать мирныя условія, «не читая дѣлъ»

Но это не былъ миръ, а только начало войны, еще болѣе страшной войны.

Трудно сказать, что было бы, если бы большевики рѣшили продолжать войну съ противникомъ. Еще труднѣе сказать, что было бы, если бы противникъ въ Брестѣ предложилъ нѣмцы условія мира и не пытался свести Россию къ предѣламъ московскаго княжества. Я думаю, что въ послѣднемъ случаѣ Германия приобрѣла бы спокойнаго сосѣда. Авторитетъ большевиковъ тогда поднялся бы, и часть лѣвыхъ общественныхъ группировокъ нашла бы для себя возможнымъ сотрудничать съ ними, и все развитіе политическихъ отношеній въ Россіи пошло бы совсѣмъ инымъ путемъ. Если бы Брестскій миръ былъ хоть немного болѣе приличнымъ, болѣе того, если бы просто можно было вѣрить, что якобы положенное въ его основу самоопредѣленіе народовъ было реальнымъ фактомъ, а не формой, прикрывающей господство Германіи на востокѣ Европы, тогда, быть можетъ, отъ большевиковъ началось бы мирное развитіе Россіи. Правда, экономическія потрясенія были бы неизбежны,

пока большевики не отказались бы от своего максимализма въ вопросахъ организаціи народнаго труда. Но эти потрясенія были бы какъ разъ легче въ моментъ разрухи, завѣщанной войной, чѣмъ въ моментъ мирно налаженной жизни. Экономическіе опыты большевиковъ были бы легче, потому что они были бы ничѣмъ новымъ, какъ продолженіемъ, или, въ худшемъ случаѣ, попытками дальнѣйшаго развитія государственнаго социализма, регуліровки промышленности, созданной для войны. Поэтому стѣсненія частной предпринимчивости не нарушали бы слишкомъ грубо создавагося строя взаимоотношеній. И нельзя пренебрегать психологической стороной дѣла. Какъ бы ни были ничтожны успѣхи большевиковъ при налаживаніи мирной работы — это все же было бы лучше, чѣмъ безумное самосжиганіе на войнѣ. Вѣдь даже остановленный заводъ, даже разрушенный до основанія — лучше, чѣмъ заводъ, изготавливающій снаряды и патроны. Но вѣдь заводы не остановились бы, они хоть плохо, а работали бы для мира, производя нужное и полезное для дальнѣйшей работы.

Конечно, масса частныхъ интересовъ была бы нарушена. Но имъ крайне трудно было бы найти идеологическое оправданіе. Конечно, были бы попытки восстаній, контръреволюціи. Но онѣ не привлекли бы массъ. Я сужу и по настроенію нашего весьма праваго партійнаго комитета когда въ немъ обсуждалось письмо Савинкова съ приглашеніемъ прѣхать въ Новочеркасскъ для образованія анти-большевистской власти, было рѣшено приглашеніе отклонить, такъ какъ никому изъ насъ не хотѣлось участвовать въ русской Вандей.

Но это было до Брестскаго мира. Брестскій

же миръ оказался общественному сознанию на столько чудовищнымъ, что выбора не могло быть: надо бороться противъ этого мира, борясь прежде всего съ сознательными или безсознательными предателями Россіи съ большевиками.

Я, по своимъ мирнымъ настроеніямъ, готовъ былъ отнестись къ Брестскому миру съ возможно большою терпимостью. Но и то видѣлъ, что онъ создавалъ чудовищное преобладаніе нѣмцевъ на Востоку Европы. Особенно опаснымъ казалось мнѣ это даже не для самой Россіи, а для мелкихъ народковъ, входящихъ въ орбиту гегемоніи Германіи. Я припоминалъ соображенія Рорбаха и другихъ нѣмецкихъ империалистовъ относительно плановъ Германіи на востокъ, и мнѣ чудилось, что осуществленіе принудительной колонизации, опирающейся на законную въ жезѣ государственную власть, стоитъ цѣлыя народы съ ихъ землей. И даже послѣ четырехлѣтняго перерыва взялся за перо и написалъ книжку «Съ Германіей или съ Россіей», гдѣ разбиралъ грядущую судьбу мелкихъ народковъ. Я доказывалъ, что единственное ихъ спасеніе — въ Россіи, которая въ будущемъ окажется все же единственной силой, способной составить противовѣсъ владычеству Германіи.

Видя неизмѣнность борьбы въ будущемъ, я не оставлялъ военныхъ вопросовъ. Совмѣстно съ Гоцеми, Потресовымъ, Розановымъ, Верховскимъ, Болдыревымъ, мы составили книжку «Народъ и Армія», оцѣнивая опытъ прошлаго и ставя вопросы о будущей организаціи арміи. Я смотрѣлъ на это, именно, какъ на начало подготовокъ грядущей — быть можетъ, черезъ нѣсколько десятковъ лѣтъ — войны съ Германіей. Но мои товарищи были материалисты. Они рѣшили тѣсно сотрудничать, чтобы новый выпускъ книги

былъ посвященъ злободневному вопросу о воз-
становлении восточнаго фронта, что и было рѣ-
шено при моей все ослабѣвающей оппозиціи. Но
мы не успѣли издать второй выпускъ. Политиче-
скимъ и техническимъ условіямъ вслѣдствіе все раз-
горающейся борьбы и личнаго участія въ ней
сотрудниковъ, уже снимали съ очереди такіе
мирныя затѣи, какъ книга о войнѣ.

Немедленное возстановленіе восточнаго
фронта съ особою рѣшительностью, горячностью,
нѣрой въ усиліяхъ и настойчивостью проповѣды-
вали Чайковский, Авксентьевъ, Гоцъ, Болдыревъ,
Щенкинъ и Микотинъ. Никъ казалось необходи-
мымъ создать условія вооруженной борьбы съ
большевиками, свергнуть ихъ власть и возобно-
вить борьбу съ Германіей. Словомъ дѣлюю
войны внутри купить возобновленіе войны на
фронтѣ.

Я лично въ началѣ былъ противникомъ этой
идеи. Меня пугало внутреннее положеніе въ
Россіи. Разруха все усиливалась, дороговизна
съ каждымъ днемъ становилась замѣтнѣе. Фа-
брики останавливались не только изъ-за новыхъ
порядковъ, но и изъ-за недостатка топлива и
сырья. Мнѣ припоминалось, что и въ мир-
ное время въ Россіи бывали случаи, что дѣльными
областями оказывались пораженными голодомъ, и
люди умирали отъ недостатка хлѣба. Что же
теперь, при полной разрухѣ транспорта, при не-
достаткѣ сѣмянъ... Между тѣмъ, внесеніе воен-
ныхъ дѣйствій внутри самой Россіи грозило раз-
рушеніемъ послѣднихъ остатковъ технической
организации, уничтоженіемъ надежды накормить
города и области, нуждающіеся въ хлѣбѣ. И,
переводя эти абстрактныя разсужденія на языкъ
цифръ, я доказывалъ своимъ друзьямъ, что такая
борьба можетъ привести къ гибели многихъ мил-

любовь жителей — Въ оправдание моей позиции долженъ сказать, что тогда, въ апрѣлѣ-маѣ 1918 года, политическія условія были существенно отличными отъ условій, создавшихся черезъ три мѣсяца. Всѣ партии, до кадетской включительно, кѣли свои органы печати. Комитеты всѣхъ партий функционировали открыто. Преслѣдованія совершались только публичнымъ судомъ, при широкомъ допущеніи защиты (дѣло Брамсона, Болдырева, Пурлшевича). Советская конституція открывала возможность вести борьбу съ большевиками на основѣ хотя и несовершеннаго, но все же довольно широкаго избирательнаго права. Во всѣхъ правительственныхъ учрежденіяхъ дѣловая работа направлялась прежними техническими силами.

Но мотивы международнаго характера и полная невозможность примириться съ Брестскимъ миромъ были такъ неотразимы, что лица, даже воспринимавшія пессимизмъ моихъ предсказаній, находили, что все же надо идти на всѣ жертвы для восстановленія международнаго положенія Россіи. Кроме того, рассчитывали на помощь союзниковъ, для которыхъ, казалось, восстановление восточнаго фронта должно было имѣть кардинальное значеніе.

Выбѣгъ съ тѣмъ все жило еще убѣжденіе, что такъ какъ большевики только обманомъ и насиліемъ захватили власть въ странѣ, то народъ уже понялъ этотъ обманъ и стремится сбросить его большевиковъ. Анархическія настроенія рабочихъ и крестьянъ, будирущихся противъ всякой власти, призывались за доказательство «отрезвленія» массъ. Говорилось о пробужденіи религиознаго чувства массъ. Помню разсказы о «Чудѣ св. Николая» въ Москвѣ. Чудо состояло въ томъ, что 1-го мая большевики декорировали

Красную Площадь въ Москвѣ и завѣсили краснымъ кумачомъ образъ св. Николая на Никольскихъ воротахъ. Но поднявшійся вѣтеръ сталъ трепать кумачъ, который раворадся короной вѣнчика надъ иконой, и ликъ святаго мало-помалу отерлся весь. Говорили, что толпы людей, пораженныхъ чудомъ, все время собирались передъ воротами — Возлагали надежды и на патристически-эстетическія чувства народа. Развѣ народъ можетъ допустить, чтобы интернационалисты-большевики размѣстились въ сердцѣ Россіи въ Москвѣ. Я сама какъ-то высказывалъ мнѣніе, что картина, которую представляли народныя комиссары, заседавшіе въ Кремлѣ, должна возмущать привычныя эстетическія представления массъ. Данъ какъ-то мнѣ отвѣтилъ, что если народъ терпѣлъ, что въ Кремлѣ сидѣлъ царь, то онъ стерпѣтъ и комиссаровъ. Мнѣ этотъ отвѣтъ въ ту пору показался очень плоскимъ. Теперь же я склоненъ иначе отнестись къ нему.

Значительно реальнѣе смотрѣлъ на вещи Болдыревъ. Онъ съ тревогой слѣдилъ за сообщеніями о вспыхивахъ большевизма въ Сибири и говорилъ, что угаръ въ головахъ еще далеко не погасъ... Но онъ зато очень вѣрно вѣрилъ въ помощь союзниковъ.

Въ концѣ концовъ, создатель гражданской войны идеологически, Брестскій миръ создалъ ее и стратегически. Необходимость бѣжать отъ угрожающей суровой военной репрессіи государственной власти, вставшая чехо-словаковъ пуститься въ опасный путь переправы съ боемъ черезъ два континента. Оккупация Украины и тѣмъ даи дала возможность прикѣпиться у Чернаго моря Краснову и Добровольческой Арміи.

Въ полѣ мѣсяцъ партиз уже принимали то-

родливый рѣшени о посылкѣ на востокъ своихъ лидеров для образования тамъ коалиціонной всенародной власти, организующей борьбу съ нѣмцами и большевиками. Къ сожалѣнію, техническія условія и трудности не позволили многимъ изъ нихъ добраться до назначенной цѣли. Пашехоновъ и Астровъ попали на югъ, Чайковский на сѣверъ.

Начавшаяся борьба сама себя питала. Большевики словно только и поджидали возможности пролить себя въ подлинномъ видѣ. Раньше еще можно было при желаніи объяснить такіе случаи какъ убійство братьевъ Генгелеровъ, убійство Шингарева и Кокошкина, случайными проливленіями дикости массы. Но тутъ дикость эта была воспринята, какъ принципъ государственнаго управления. Созданы были чрезвычайки, во главѣ которыхъ стали дико и жестоко, а подчасъ и ненормальные люди. Даже въ официальном органѣ этихъ застѣнковъ стали съ циничной откровенностью печататься статьи о необходимости пытокъ, отчеты о томъ, что цѣлыми группами лицъ по простому подозрѣнію были разстрѣляны по распоряженію не органовъ власти, а партійныхъ коммунистическихъ организацій. Яростный, скрежещущій вубами погромъ разразился надъ интеллигенціей во всѣхъ городахъ Россіи. — Не менѣе тяжкимъ оказался моральный и духовный гнетъ. Всѣ газеты, кромѣ коммунистическихъ, были закрыты. Всѣ партии выгнаны въ подполье. Вся духовная жизнь была захвачена подъ подозрѣніе — въ университетахъ, на доверіи профессурѣ, большевики настаивали играть руководящую роль швейцаровъ и студентовъ коммунистовъ ..

Строгость политическихъ репрессій заставляла прятаться всѣхъ, кто не былъ съ боль-

шевиками и, в результате, заставляла выбирать тот или иной фронт в общей гражданской войне.

Не малую роль стали играть и экономические соображения. С началом гражданской войны и кромсанием страны на части внутренними фронтами экономическая жизнь стала складываться все хуже. На фабриках стало все меньше сырья и топлива. Товарооборот прекратился, помимо всяких «национализаций». Демобилизованным солдатам и офицерам некуда было податься, чтобы найти приют своим семьям. А тут фронты стали требовать все большего количества людей. Война стала единственным ремеслом, единственным спасением от голода для многих десятков тысяч людей. Только давшие разрушая страну и убивая своих сограждан, можно было зарабатывать деньги. — В красную армию поступить было совсем просто. Но не особенно сложно былозначать поступить и в белую армию. Адреса вербовщиков, принимающих всех с распростертыми объятиями и даже снабжающих деньгами на дорогу, были легко доступны, и поступить в белую армию или в офицерские отряды разных наименований и назначений в Петроград и в Москву было гораздо легче, чем поступить на фабрику или завод.

Конечно, это не было наймитством. Идеология защиты Родины от измученных и врагов, спасения ее чести и существования давали тот энтузиазм, который заставлял преодолеть стремление к мирной жизни после войны и начать рискованную жизнь члена тайной военной организации или пробираться через большевистский фронт к Каледину или чехословакам.

И, такимъ образомъ, война, завоевавшая людей, пожорившая первый этапъ революціи, завоевывала второй этапъ ея

2. Поѣздка въ Литву.

Я въ качествѣ бѣженца долженъ былъ ѣхать въ Литву. Правда, миръ былъ якобы заключенъ, и формально не было препятствій къ возвращенію жителей, изгнанныхъ войной, на свои пепелища. Но, по существу, сообщеніе было крайне затруднительно, такъ какъ, съ одной стороны, большевики ограничивали право выѣзда, съ другой — нѣмцы неохотно принимали гостей. То и дѣло сообщалось, что та или иная граница закрыта, или что пропускъ связанъ съ такими формальностями, что тысячи бѣженцевъ скапливаются въ томъ или иномъ пунктѣ. Къ этому присоединялись чрезвычайныя трудности и неудобства желѣзнодорожнаго сообщенія — Всѣ эти трудности возрастали для меня, члена антибольшевистской организаціи, бывшаго сотрудника Керенскаго, незарегистрировавшагося у большевиковъ офицера. Но кое-какъ разрѣшеніе на выѣздъ получено.

Это было очень кстати, такъ какъ въ началѣ августа терроръ уже началъ свирѣпствовать во всю: офицеровъ арестовывали сотнями и отирали неизвестно куда. Приходилось ночевать по чужимъ квартирамъ, подвергая риску хозяйства. Но вотъ документы въ карманѣ. Ёду на вокзалъ. Поѣздъ отходитъ ночью на Торошино (Псковъ). Но дѣло осложняется: въ лужскомъ уѣздѣ востаніе крестьянъ, и поѣзда не идутъ дальше Луги. Что дѣлать? возвращаться поздно, да и некуда. Рѣшаюсь ѣхать въ Лугу. За пять минутъ до отхода поѣзда на платформѣ по-

является отрядъ красноармейцевъ, и комиссаръ заявляетъ, что ѣхать могутъ только тѣ пассажиры, которые имѣютъ удостовѣреніе, что они лужскіе граждане, и меня съ вещами выпроваживаютъ изъ вагона. Но мнѣ удается убѣдить комиссара, что хотя мое удостовѣреніе на Торошино, хотя билетъ — до Луки, тѣмъ не менѣе я ѣду только до станціи Преображенской. Меня пускаютъ обратно, и я ѣду до Луки.

Лужскій вокзалъ полонъ бѣженцевъ. Полная неизвестность, пойдутъ ли и когда пойдутъ поѣзда. Но около 4 часовъ даютъ товарный поѣздъ, который сразу наполняется свыше всякой мѣры. Съ трудомъ нахожу мѣсто для своихъ чемоданчиковъ. Трогаемъ. На промежуточной станціи — «Всѣмъ выѣзжать, провѣрка». Крикъ, суматоха. Но къ станціи приводятъ арестованныхъ бунтовщиковъ — нѣсколькихъ студентовъ и одного бывшего офицера или юнкера. Комиссару не до поѣзда, и, не кончивъ провѣрки, насъ сажаютъ въ поѣздъ и везутъ дальше.

Но вотъ и Торошино. Первое впечатлѣніе — обиліе хлѣба. Торгуютъ открыто, по «дешевой» цѣнѣ — 5—6 р за фунтъ. Уже поздно, получить разрѣшеніе на проходъ Торошинской границы нельзя, и приходится думать о ночевкѣ. Но станція переполнена, платформа тоже. Около станціи имѣлось нѣсколько соломенныхъ палашей. Въ одной изъ нихъ нахожу свободное мѣсто. Утромъ, дрожа отъ холода, просыпаюсь. Ищу комиссаръ, становлюсь въ хвостъ бѣженцевъ, подхожу, наконецъ, къ своей очереди и показываю документы.

— Вы не родственникъ комиссара при Ставкѣ?

Вопросъ неожиданный и не изъ приятныхъ. Но спрашиваетъ барышня съ очень мирнымъ

лицомъ. Отвѣчаю, что я самъ бытъ комиссаромъ. Въ одно мгновеніе всѣ документы были готовы, и даже даны самые благожелательные совѣты и указаны относительно дальнѣйшаго пути.

На станціи нанимаю подводъ — желѣзно-дорожнаго сообщенія нѣтъ, и 20 верстъ до Пскова приходится перебираться на лошадахъ или пѣшкомъ. Пазовики обѣщаютъ довезти «до самой рогатки». Чего же больше? Послѣ нѣсколькихъ осмотровъ и реваншъ въ дорогѣ подъѣзжаемъ къ городу, такъ хорошо знакомому. Около версты отъ города дорога преграждена колючимъ заборомъ, который тянется вокругъ всего Пскова. Около воротъ кѣмецкій караулъ. Визитка проявляетъ нерваную торопливость, немедленно требуетъ деньги, выгружаетъ вещи и убѣждаетъ. Напрягая всѣ познанія кѣмецкаго языка пытаюсь объяснить кѣмецкому караулу мои намѣренія и убѣдить пропустить меня въ Псковъ. Указую, что это невозможно, такъ какъ черезъ эти ворота № 8 пропускаютъ только востонцевъ, а для литовцевъ назначены иные ворота — не то пятые, не то четвертые. Что дѣлать? Собираю свои вещи, которые приспособлены къ кѣмцему хожденію, и двигаюсь въ путь. Итти приходится по полю, по тропинкамъ, такъ какъ ворота расположены на дорогѣ, ведущей въ Псковъ. Седьмая рогатка — только для латышей. Шестая — только для мѣстныхъ жителей. Пятая — только для поляковъ. Наконецъ подхожу къ четвертой — уже вижу ворота и стражу около нихъ. Но вдругъ передо мной открывается рѣка Пскова, весьма широкая и по виду глубокая. И ни признаковъ ни моста ни перехода. Спрашиваю первого попавшагося крестьянина, гдѣ мостъ. Говоритъ, что меда-

деко, сейчас за проволочным забором — два ряда колючей проволоки, саженой высоты. посредине никакая изгородь с надписями «Не трогать, смертельно», трупы нисколько не кошек и собак, очевидно неграмотных, красноречивые надписи. Объясню, что мне нужен мост для того, чтобы перейти через изгородь, и что мост за изгородью ни пока что безлозень. Оказывается, есть другой мост — верстах в семи. Но за то есть брод и поблизости, но были дожди, и река вслухла, но все-таки советуется попробовать. Показывает место брода. Снял платье, беру вещи на голую и, ступая по горло в воду, при помощи компетентных советов мальчишек с того берега, благополучно переправляюсь через реку. Наконец-то я у цели! Около 8 часов, голодный, усталый, достигал заветной рогатки.

— Для литовцев?

— Да, для литовцев.

Показываю с торжеством свои документы

— Все в порядке. приходите завтра утром в 8 часов.

Как, завтра утром? Почему не сегодня? Где же мне провести ночь? Неужели ночевать в поле? — Но ведь все это совершенно не касается караула, который холодею и суху но достаточно снисходителен, чтобы напомнить, что если я завтра опоздаю хоть на минуту, то придется ждать еще 24 часа. Постоял у ворот, посмотрел на бытовые сцены. Как-то старуха из соседней деревни с возом старой рухляди управляет «шпаном» пропустить ее через ворота, так как она только на короткое время пришла в город, и до ее деревни ледь рукой подать. Стараются говорить жалобно и вразумительно и часто пересыщают речь сло-

вомъ «панъ» единственное, которое нѣмецъ понимаетъ...

Пропусти, панъ, ну что тебѣ, панъ, стоять, ну какъ же, панъ, ну куда же я дѣнусь, панъ...

Но «панъ» не виноватъ, правила нельзя нарушать. Впрочемъ, когда я отошелъ отъ воротъ, то скорѣ увидѣлъ, что старуха какъ то сумѣла убѣдить часового, и я въѣхал торжественно прослѣдовавъ черезъ открытые ворота.

Опять ночлегъ подъ открытымъ небомъ на землѣ. Сыро и холодно, но лучше, чѣмъ въ грязной избѣ единственной поблизости, уже полной проѣзжаго люда, отгнѣившагося ея обитателей — женщину работницу и двухъ дѣвочекъ. Одну помню ясно — имѣла какую-то кровавую сыпь вокругъ всего рта, такъ что производила впечатлѣніе маленькаго, давно не бритаго мужичка. Ея платье запачкано въ крови. Мать страдаетъ за нее, погладитъ и бьетъ — итѣе даже къ доктору сводить въ городъ нельзя. Дѣвочка плачетъ, но смѣло хватается за хлѣбъ и оставляетъ свою порцію.

Весь продрогшій отъ росы и тумана просыпаюсь утромъ. Тороплюсь къ воротамъ. Въ восемь часовъ пропускаютъ. Выстраиваютъ по военному образцу и ведутъ черезъ городъ къ баракамъ около вокзала. Тамъ нужно пройти целый рядъ формальныхъ процедуръ. Первая формальность — баня. Выпариваемся, мы паримся даже наше платье. Но сразу послѣ бани въ бараки, гдѣ вся грязь за одну ночь возвращается съ избыткомъ. На другой день записываемся у коменданта. Потомъ къ доктору прививка отъ тифа, оспы, холеры. Потомъ томительные дни ожидания эшелона — одиочными порядкомъ бѣженцевъ не пускаютъ.

Въ Псковѣ засталъ семью знакомаго инженера, съ которымъ укрѣпляли позиции служить гдѣ-то переводчикомъ и работаетъ на огородѣ, который даетъ больше, чѣмъ служба. — Видѣлся съ поэтомъ А. Х., который тоже застрѣлъ тамъ. Пишеть сутяжныя жалобы для крестьянъ, которые ищутъ унѣмца управы другъ на друга.

Наковонецъ, пришла и наша очередь. Въ дождливое раннее утро покинули мы лагерь и пошли съ вещами на ближайшую платформу, куда подходятъ наши вагоны. Долгая задержка изъ-за какой-то опяси въ слискѣ партій, — «старшій» солдатъ, который долженъ насъ принять, бѣгаетъ къ командиру, будить его высклещетъ ошибку... Мы тѣмъ временемъ забываемся, глядя, какъ старый еврей, идущій со своею семьей, перетаскиваетъ какіе-то громадныя грязныя ушлы, набитые, вѣроятно, самымъ изпозвожительнымъ тряпьемъ. Но вѣдь это все его имущество... Но вотъ ошибка найдена. Мы сажаемся въ вагонъ, опять потѣпался надъ усидками старика и надъ его перебранкой съ женою и сыномъ. — Въ поѣздѣ узнаемъ съ негодованіемъ, что насъ везутъ въ новый лагерь — центральный литовскій лагерь для бѣженцевъ въ Удьянахъ... Къ чему?

Пересадка въ Двинскѣ на узкую колею Пересадка въ Свѣнцанахъ на колею, еще болѣе узкую. Но вотъ мы и въ новомъ лагерѣ. Бѣгу къ заведывающему и показываю ему всѣ наши «шейны» о всѣхъ прививкахъ, о карантинѣ. Соглашается, что тутъ недоразумѣніе, и общается послѣ обѣда отпустить. Что за странное гостепріимство? Но дѣло не въ обѣдѣ, а въ обыскѣ послѣ обѣда начинается обыскъ, подробѣйшій осмотръ вещей. Первыми обыскиваютъ меня, —

вѣроятно, мой видъ, полу-штатскаго, полу военнаго, вызвалъ подозрѣнiе. Придирчиво, мелочно шарить въ вещахъ щегольской унтеръ-офцеръ. Особенное вниманiе привлекають газеты, даже худшья въ Псковѣ, даже нѣмецкя. Но по-русски не читаетъ и поэтому на всякій случай забираетъ русскую псковскую газету. Обыскиваетъ послѣднй чмоданчикъ — но въ немъ только пактiе. Беретъ въ руки свертокъ въ бумагѣ — смѣюсь, видѣ это только галстукъ. Да, но что написано на бумажкѣ? Гляжу — артикли утверждали потомъ, что я поблѣднѣлъ, какъ позотно — вижу проспектъ 2-го выпуска «Народъ и Армя», посвященнаго вопросу о воиста новленя восточнаго фронта. Въ проспектѣ даже обозначены статьи Болдырева, Верховскаго, Гоца, Розанова, на темы о гибельности Брестскаго мира, о возможности возобновленя военныхъ операций на востокѣ, о вѣроятной помощи союзниковъ. Между прочимъ, я носокромное имя я тема.

«Вооруженныя силы Литвы Бѣлоруссiи и др. оккупированныхъ нѣмцами областей»

Очевидно, что, насилье собирая вещи, я сумелъ галстукъ въ зажавшій на столѣ экземпляръ проспекта, оставленный и перепианный мною на машинкѣ во многихъ экземплярахъ. Осматривающй вертитъ бумажку въ рукахъ. Написана на ней мно фамилия — до прихода переводчика. Но когда пришла переводчица — у нея оказалось, дѣла по горло у какого-то наивнаго бѣженца кашди большевистскую брошюру и валютрированную дияжонку. «Звѣрства нѣмцевъ надъ плѣнными»... Дѣлая истерику! Я не трачу времени, бѣгу въ воятору лагера, получаю документы и, наконецъ, на свободу..

Послѣ вѣсичнаго пребывания въ Литвѣ —

ндо возвращаться обратно, хотя бы потому что въ Петроградѣ оставлена семья. Но не тутъ-то было. нужно разрѣшеніе, но его опредѣленно не даютъ. — «Можетъ быть, черезъ мѣсяцъ, теперь нельзя» .. Никакія хлопоты, никакія про- текціи не помогаютъ. Но кто-то надоумилъ обра- титься къ мѣстнымъ дѣльцамъ-комиссіонерамъ. За смѣлѣйшую сумму на другой день готово и разрѣшеніе и даже бесплатный билетъ для проѣзда... Правда, только до Бобруйска, но тамъ опять адресъ «дѣльца», который уже зна- етъ, какъ переправить въ Россію.

И, дѣйствительно, изъ Бобруйска дали раз- рѣшеніе до Оршѣ, а тамъ адресъ «дѣльца» въ Оршѣ... Но тамъ въ литовскомъ комитетѣ бѣ- женцевъ меня предупредили, что терроръ въ Совдопн свирѣпствуетъ не меньше, чѣмъ въ авгу- стѣ, и что нѣтъ надежды перебраться черезъ тѣниши Оршинской чрезвычайки. Уже съ раз- рѣшеніемъ на проходъ границы постоялъ передъ воротами границы и послѣ нѣкоторыхъ колеба- ній и размышленій рѣшилъ повернуть — въѣхать въ Кіевъ, гдѣ, по газетнымъ свѣдѣніямъ, собра- лось нѣсколько изъ моихъ политическихъ дру- зей. Опять мытарства, опять разрѣшенія, опять тѣснота въ вагонахъ, опять бессонныя ночи, без- численные пересадки, осмотры, обыски, про- вѣрки...

Но жуть и Кіевъ...

3. Въ Кіевѣ

Судьба Кіева была совершенно исключитель- ной. Правительства смѣняли другъ друга съ ка- номатографической быстротой. Сегодня Времен- ное Правительство, потомъ Рада, далѣе больше- вники, потомъ нѣмцы и Рада, потомъ нѣмцы и

Скоропадский. Теперь же править одинъ Скоропадский безъ нѣмцевъ, или, во всякомъ случаѣ, нѣмцы были за кулисами. — При такой кинематографической быстротѣ сѣйныхъ режимовъ въ жителяхъ не могло образоваться большой склонности къ дисциплинѣ, къ подчиненію вообще какому либо правительству. И Киевъ былъ городомъ оппозиціи. Эти настроенія отражались и на политическихъ кругахъ. Несомнѣнной аксіомой считалось бороться съ большевиками и со Скоропадскимъ. Такъ какъ Скоропадский былъ ближе, то главные удары критики направлялись противъ него. Ему ставилось въ вину прежде всего его «нѣмецкое происхождение», далѣе — реставраціонная внутренняя политика, далѣе — неясность его украинофильства и пр. Эта стихійная оппозиционность была такъ сильна, что даже поселившійся Киевъ и тотъ былъ захваченъ ею. Толпами нахаживающіе представители финансоваго, промышленнаго, художественнаго, артистическаго, адвокатскаго и другихъ мировъ, которыми изобилѣла Крещатикъ и были наполнены всѣ рестораны и кофейни — и тѣ на что-то негодовали, брани Скоропадскаго и его совѣтниковъ.

И это не было только разговоромъ. Характерная черта — оппозиція уже не мыслилась иначе, какъ «вооруженная», и политическіе разговоры наклоняли нѣтъ штатнымъ совѣщаніямъ въ минуту военныхъ дѣйствій... Число выстрѣловъ, солдатъ и патроновъ входило составной частью въ аргументацію за каждое политическое предложеніе.

Меня нѣсколько опечалила эта воинственность политиковъ. Мнѣ казалось, что, въ связи съ разгромомъ нѣмцевъ на западномъ фронтѣ и отпаденіемъ необходимости «мобилизованія во-

восточного фронта», въ значительной степени считалась необходимостью и внутренней вооруженной борьбы. и политика могла постепенно переходить на мирные тона. Но инерция вражды, ищущей разрешения споровъ лишь въ оружьи, была такъ сильна и такъ всеобща и неподатлива ни на какие доводы, что мои мирныя настроения, названные одноклассными мыслями и высказанными, быстро иссезали.

Германская революция и конецъ войны на западномъ фронтѣ были какъ-то не замѣчены въ этомъ угарѣ воинственныхъ идей. Когда были получены извѣстия о переворотѣ въ Германіи, мнѣ лично показалось, что раскрылась совершенно новая страница въ мировой исторіи, и человечество вступаетъ въ новую эру.

— Мы воткнули штыкъ въ землю, теперь втыкаютъ его въ землю наши противники.

Но мои друзья отнеслись къ этому гораздо холоднѣе. Въ германской революціи они видѣли только слѣдствіе поражения на фронтѣ и отказались приписывать какое-либо значение заразительнымъ идеямъ русской революціи. Въ бунтѣ германской арміи они видѣли только «безобразіе и кляксы надъ офицерами».

Во всякомъ случаѣ, на отношеніе къ большевизму и русской гражданской войнѣ конецъ мировой войны не оказалъ никакого влияния. Правда, восстановление восточнаго фронта, для котораго была начата внутренняя война, было уже не нужно, но гражданская война приняла такой размахъ и приобрѣла столько ненависти, въ особенности въ виду чрезвычайнаго террора большевизма, что теперь она уже стала самоцѣлью. Мысль была направлена лишь на присканіе новыхъ способовъ борьбы съ большевиками, и великимъ озорствомъ было, что слых

Украины оставались неиспользованными для этого.

Поддаваясь общему настроению, группа радикального офицерства в Киевѣ, опираясь на политическую поддержку лѣвыхъ организаций, рѣшила устроить политическій переворотъ въ самомъ Киевѣ. Цѣлью переворота было сверженіе Скоропадскаго и передача власти кругамъ, группирующимся около Союза Возрожденія Россіи, который долженъ былъ координировать свою дѣятельность съ Уфимской Директоріей и уже въ болѣе широкомъ масштабѣ вести борьбу съ большевизмомъ въ Россіи.

Я первый разъ работалъ въ такомъ заговорническомъ гнѣздѣ, и мнѣ все тамъ не нравилось. Свидѣнія и материалы, которыми приходилось орудовать, были крайне неопредѣленны такъ какъ о настроеніи десятковъ людей приходилось часто судить по показаніямъ одного человека. Во мракѣ подполья и заговора политическія контуры настолько терлились, что иногда, послѣ долгаго разговора съ какимъ-либо делегатомъ съ мѣста о техническихъ вопросахъ, я вдругъ убѣждался, что передо мной стоитъ не мой единомышленникъ, а политическій противникъ, лѣвый всерьѣ или даже большевикъ, съ которымъ меня лишь случайно соединила вражда къ существующей власти. Смущала и денежная сторона дѣла, такъ какъ значительныя суммы таяли въ какихъ-либо условіяхъ контроля. Смущала методы работы — у насъ была организация саботажниковъ, которые ставили своей задачей всѣми способами затруднить желѣзнодорожное движеніе, внося въ него разстройство. Эта организация пользовалась большою славой, такъ какъ разруха на желѣзныхъ дорогахъ была, дѣйствительно, очень большая, хотя одна ли она

нуждались въ питаніи отрядами саботажниковъ. — А вотъ изъ области подпольнаго права. Наша организация узнала, что въ Житомирѣ прокопалъ провалъ изъ-за того, что одинъ изъ членовъ организации выдалъ ее власти. Вопросъ былъ поставленъ на обсужденіе центра, и было рѣшено (противъ моего голоса и несмотря на мой протестъ) убить подозрѣваемаго доносителя. Исполнителемъ былъ намѣченъ, или, вѣрнѣе самъ намѣтился или вызвался молодой, румынскій, элегантный человѣкъ, съ чрезвычайно властичной походкой и кошачьими движеніями, сильный, всегда насторожившійся и ни разу не видѣлъ его улыбающимся. Мнѣ удалось потомъ удержать исполнителя назначить ему отъѣздную роль въ заговорѣ противъ Скоропадскаго.

Хотя я былъ въ руководящемъ кружкѣ, но и до сихъ поръ не могу сказать, было ли что-нибудь серьезное въ нашей попыткѣ или только авантюра. Доводы, что это было серьезнымъ, мы были въ контактѣ съ представителями высшаго военнаго командованія въ Киевѣ, рядъ офицерскихъ дружинъ заявилъ свою готовность всецѣло содѣйствовать намъ темные слухи о нашихъ намѣреніяхъ очень волновали и безпокоили Скоропадскаго, о чемъ намъ сообщали изъ ближайшихъ къ нему круговъ, субъективно мы были настолько увѣрены въ успѣхѣ, что былъ намѣченъ новый кабинетъ съ Одникомъ во главѣ, назначенъ день выступленія и даже приготовлены прокламаціи для распространенія въ день переворота. Но провѣрить значеніе нашихъ силъ нельзя было какъ разъ тѣ представители высшаго командованія, которые общались съ нами, были въ «многочислѣнн» у Скоропадскаго, и мы не могли точно выяснитъ ихъ реальныя возможности, о настроеніи офицерскихъ отрядовъ

мы знали только по словам отдельных офицеровъ, и проверить готовность отрядовъ выступить по сигналу было невозможно. Но въ назначенный для переворота день Скоропадскій самъ опубликовалъ, быть можетъ именно для предупреждения переворота, свою новую очередную ориентацию, уже на Единую Россію и тѣмъ внесъ разбродъ въ офицерскія дружины, такъ какъ часть офицеровъ признала, что болѣе ничего и не надо. Мы вынуждены были отнѣсти свое выступленіе. А тамъ надвинулись новыя событія, освѣщающіе вопросъ о Днѣпрѣ и Украинѣ съ новой стороны.

Одновременно съ подготовкой заговора изъ Кіева, изъ тѣхъ же круговъ исходила другая, болѣе серьезная попытка использовать Украину, какъ базу для операций противъ большевиковъ. Въ виду эвакуаціи Украинскихъ нѣмцевъ, было рѣшено призвать въ Украину союзниковъ и подъ ихъ прикрытіемъ организовать истинно-демократическую государственность и новую армию для похода на Совдецію. Поэтому было рѣшено отправить пословъ въ Мосу, гдѣ находились дипломатические представители союзниковъ. Миссіей была составлена убѣдительная докладная записка о положеніи дѣлъ на Украинѣ, о необходимости на первое время послѣ ухода нѣмцевъ защитить Украину передъ организованными силами большевизма. Делегация, въ составѣ Титова, Букакова и нѣкоторыхъ другихъ, отправилась изъ Кіева черезъ Одессу. Мы же ожидали результатовъ поѣздки съ тѣмъ большимъ терпѣніемъ, что положеніе на Украинѣ стало рѣзко мѣняться къ худшему, и мы уже не знали даже, что дѣлать, — неспировать Скоропадскаго или защищать его.

Уже и раньше въ политической работѣ чуж-

стровавшаяся, какая-то принципиальная незаконченность позиции. Русские общественные круги, нагнанные въ большинстве случаевъ изъ своихъ родныхъ мѣстъ, и находящиеся въ центрѣ украинскаго общественнаго движенія, не могли не задавать вопроса объ отношеніи къ украинской проблемѣ. И общей точкой зрѣнія было оптимистическое убѣжденіе, что этотъ вопросъ уладится къ обоюдному согласію и удовольствію. Но когда приходилось ставить вопросъ о реальныхъ переговорахъ съ реальными представителями украинскихъ теченій то неизмѣнно почти относительно всѣхъ давался тотъ же самый нескимистическій отвѣтъ: «Съ ними нельзя говорить», или «Съ ними не стоитъ договариваться». Сперва я недоумѣвалъ, считалъ это проявленіемъ какой то уловки со стороны представителей русскихъ партій. Но мнѣ пришлось самому побесѣдовать подробно со Славинскимъ. И его давно уже являлъ, какъ секретаря «Вѣстника Европы». Я помнилъ его патріотическое горѣніе въ началѣ войны, когда онъ жалъ руку мнѣ, привѣтствуя мою «шовинистическую» статью. Десять и сотни разъ онъ произносилъ: «Мы, Россія». И, къ моему изумленію, я нашелъ въ немъ не только украинофила, которымъ онъ былъ всегда, но явлаго самостійника, отстаивающаго самобытность не только нации, но и всѣхъ политическихъ условій Украины.

«Союзъ? Да, быть можетъ, когда Россія подымется... Но теперь лишь отдаленіе, лишь возможно болѣе отчетливая и непереходимая граница, отторжающая отъ затопления русскими бумажными деньгами, отъ русской культурной, экономической разрухи, отъ моральной и общественной анархикъ». И слышался уже отголоски его позднѣйшихъ утвержденій о томъ, что

Украина выполнила великую историческую роль, выдвинув Европу отъ России

И конечно, меньше всего склоненъ давать истинскую оценку этому явлению, которое было массовымъ и тоже, вѣроятно, вызывалось непреодолимыми влияниями среды. Но меня впервые остановила кинетическая сторона вопроса, сила центробѣжныхъ силъ въ Россіи.

Но какъ разъ наши заговорщическія и великороссійскія тенденции привели къ тому, что пришлось увидѣть на дѣлѣ силу украинскіхъ теченій и увидѣть украинскую аргументацію ружьями и пулеметами. Непосредственно послѣ новаго манифеста (скоропадскаго, залившаго себя сторонникомъ единой Россіи, началось возстаніе украинцевъ. Несомнѣнно, что нельзя якимъ образомъ объяснять успѣхъ украинцевъ, побѣду Винниченко и Петлюры силой и влияніемъ украинскіхъ національныхъ идей. Крестьянство приняло участие въ возстаніи, побуждаемое социальными мотивами, противъ помещика Скоропадскаго и противъ пѣнцевъ, на силу которыхъ опирался Скоропадскій, и которые стали ненавистны въсклѣвающимъ въ деревняхъ. Настроеніе крестьянства было въ плоскости украинской національной идеи. Но украинскія политическія теченія сумѣли со своимъ аппаратомъ влияния подойти къ этому настроенію и использовать его, сумѣли своего героя, атамана Петлюру, связать съ идеей освобожденія отъ пѣнцевъ и отъ скоропадщины, хотя тотъ же Петлюра когда-то привелъ пѣнцевъ въ Кіевъ...

Возстаніе развивалось крайне быстро. Сразу весь край оказался потеряннымъ для Скоропадскаго, кромѣ Кіева, который держался при помощи офицерскихъ дружинъ. Пушки загрѣмѣли

вокругъ Киева.. Для насъ, гостей изъ Россіи, положение было чрезвычайно сложнымъ и тягостнымъ. Кому помогать? Или социальной реакціи, воплощаемой Скоропадскимъ и ваццисае-мой немцами, или демократическому движению украинцевъ, идущихъ съ максимализмомъ не только социальнымъ, но и национальнымъ и открывающему дорогу максимализму настоящему, такъ какъ ни для кого не представляло сомнѣній, что вслѣдъ за украинцами въ Киевъ войдутъ большевики.

Среди насъ былъ социаль демократъ меньше-никъ, капитанъ Павловъ, офицеръ одного изъ гвардейскихъ полковъ. Чрезвычайно искренній, съ лицомъ дѣтски улыбающимся, на которомъ, казалось, были написаны всѣ его мысли, онъ очень тѣпостно воспринималъ духовную разруху. И когда пушки загрѣмѣли вокругъ Киева когда со всѣхъ сторонъ стали поступать извѣстія о томъ, что крестьянство массами двинулось, за-жавленное волной новой политической и социальной революціи, которая сметала послѣдніе остатки дореформеннаго строя и порядка — Павловъ сталъ произвѣщать нѣсколько загадочное безпокойство. Но ему не хотѣлось ставить свои сомнѣнія на обсужденіе — это была бы длинная и явно ни къ чему не приводящая канитель, — но въ одинъ прекрасный день онъ исчезъ съ нѣсколькими друзьями, оставивъ письмо о томъ, что не можетъ быть нѣтъ народа, когда народная масса борется за свои права. Онъ занялъ довольно значительное мѣсто въ арміи Петлюры и отличился въ бояхъ. Но онъ не долго оставался въ рядахъ украинцевъ. Когда волны народнаго движенія отхлынули отъ Петлюры и гребнемъ своимъ подняли уже настоящихъ большевиковъ, онъ перешелъ туда, опять искренно,

но съ еще большей тоской. На этотъ разъ онъ даже не прощался съ нами...

Петлюра вошелъ торжественно. Странно было смотрѣть на его дисциплинированные по виду отряды, идущие стройными колоннами по городу. Все это крестьяне, явившиеся на зовъ своего минутнаго народнаго героя. Въ сѣрыхъ шинеляхъ, молча, торопливо, но мѣрно шли отрядъ за отрядомъ. И мнѣ чудилось, глядя на нихъ, что война не умерла, но, наоборотъ, на много лѣтъ вошла въ привычку народа. Если намъ, городскимъ жителямъ, походъ кажется тяжкимъ и неприятнымъ дѣломъ, то для крестьянъ, привыкшихъ къ невгодамъ и непогодамъ, такая безкровная и малоопасная война могла казаться лишь предрождественскимъ развлеченіемъ, своеобразной прогулкой въ городъ . погулять. Не слишкомъ ли раскатался въ войнахъ и дракахъ русский народъ? Не лжится ли онъ угрозою для мира всего міра, а прежде всего — угрозою для самого себя?

Глава четвертая.

ВЪ СОВДЕЩІИ.

Декабрь мѣсяцъ для насъ въ Киевѣ былъ мѣсяцемъ серьезѣйшихъ разочарованій. Украина оказалась въ рукахъ ярыхъ противниковъ идеи восстановления Россіи, при чемъ было уже несомнѣнно, что власть Винниченко и Петлюры недолговѣчна, и они обречены быть поглощенными большевизмомъ. Уфимская Директорія, съ которой связывалось столько надеждъ, пала при невыясненныхъ обстоятельствахъ. Надежды на приходъ союзниковъ съ каждымъ днемъ становились слабѣе. — Однако, примѣръ украинцевъ, которымъ удалось поднять крестьянъ и эффектнымъ восстаніемъ смести гетмана, ставилъ на очередь вопросъ о возможности такого восстанія и въ самой Совдещи. Всѣ свѣдѣнія о настроеніи крестьянъ, которые мы имѣли, свидѣтельствовали о гнѣвномъ недовольствѣ крестьянъ совѣтской политикой, доказательствомъ чему служили постоянно вспыхивающія восстанія. Это недовольство находило отраженіе и въ самой красной арміи, о бунтахъ которой въ разныхъ мѣстахъ мы имѣли достаточно полныя свѣдѣнія. Казалось нужна только широкая организація, которая дала бы возможность координировать крестьянское движеніе, чтобы начать въ самой Совдещи борьбу съ большевизмомъ, съ известными шансами на успѣхъ.

Послѣ общаго мѣнянья по этому вопросу мы условились, что Однинецъ поѣдетъ въ Одессу, для того, чтобы прискипать средства для подобной организации. Я же отправился въ Москву и Петроградъ для подробной развѣдки.

Мое путешествие началось не особенно успешно. Два дня просидѣлъ я въ Кіевѣ въ санитарномъ поѣздѣ, который каждую минуту долженъ былъ двинуться, но все не двигался. Потомъ сѣлъ въ обычный поѣздъ на Гомель, но въ Бахмачѣ выяснилось, что около Гомеля идутъ бои, и поѣзда не пропускаются. Поѣхалъ на Ворожбу. Отъ Ворожбы на лошадихъ надо было перебираться черезъ границу въ ближайшей уже совѣтской станціи. Вольфено. Около Ворожбы на посту стояли еще германскіе солдаты. Меня пропустили даже не спрашивая документовъ. На разстояніи нѣсколькихъ верстъ отъ станціи, еще въ нейтральной полосѣ, у дороги сидѣли крестьяне и предлагали купить водку, расхваливая товаръ и крича, что въ Россіи такого товара не купить. Даже изловчился сталъ упрашивать купить. Но я отказался — по счастью, такъ какъ тутъ же, на поворотѣ дороги, стояли красноармейцы подъ предводительствомъ матроса, задержали меня и стали обыскивать, при чемъ матросъ все время кричалъ:

— Водку ищите, тутъ должна быть водка... И пусть только найдемъ — сейчасъ отправимъ въ чрезвычайку...

Но водки не нашли и отпустили во-своемъ.

При вѣздахъ на станцію Вольфено опять стоялъ постъ, хотя менѣе многочисленный, но болѣе внимательный. Опять обыскали, ничего не нашли и стали уже закрывать чемоданы. Но старшинѣ спросить меня, не беру ли я писемъ. Во избежаніе недоразумѣній я отвѣтилъ,

что беру несколько писемъ, и показать ихъ. Пачка оказалась весьма объемистой, такъ какъ многе внакомые хотѣли использовать мою поездку для того, чтобы дать вѣсть друзьямъ и знакомымъ. Старший повертѣль пачку, подозрительно, осмотрѣлъ меня съ ногъ до головы и заявилъ, что необходимо показать письма въ чрезвычайкѣ. Они дагъ мнѣ провожатымъ солдата — это уже было нѣчто въ родѣ ареста. Въ чрезвычайкѣ относились ко мнѣ сурово. Обыскали, отняли деньги, записки, документы. Потомъ стали читать письма. Тамъ среди самыхъ невинныхъ сообщений попадались фразы, которыя мнѣ не понравились напр., въ одномъ письмѣ сообщалось, что братъ поступилъ въ добровольческую армию. Однако, меня еще не арестовали, но «люди охраны» отразили въ чрезвычайку въ Коренево.

Въ первые моменты содержания подѣ «охраной» мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ весьма интересныхъ бытовыхъ сценъ. Въ томъ же товарномъ вагонѣ, куда отвели меня, сидѣло нѣсколько красноармейцевъ одинъ изъ нихъ былъ даже помощникомъ командира полка. Но, конечно, никакого «винопочитанія» не было, такъ какъ это была просто хорошая компания удачныхъ людей. Между ними была наипаче женщина, которая хотя и не была арестована, но изъ-за «дружбы» оставалась съ ними. Я внимательно прислушивался къ ихъ разговорамъ, буйнымъ взрывамъ смѣха при грубыхъ шуткахъ, упоминавшихъ о совершенныхъ подвигахъ. Пробовалъ прикинуть къ нимъ наши штампованные мѣрки, которыми мы оцѣнивали красную армию — ни понятие «боеготовности», ни «идейнаго воодушевленія», ни «крестьянскаго недовольства» — не подходили къ этимъ арестован-

ными, но, что было ясно, вполне типичными представителями большевистских войск. Старое казачество и современное хулиганство гармонично сочеталось здесь. Такая публика не уйдет из красной армии, она может учинить дебоши, безпорядки, она даже должна делать их, но она знает, что только из красной армии ей обеспечено истинное признание и влияние — Тут же я был свидетелем «открытого бунта», попытки друзей освободить арестованных. В зал вошла кучка вооруженных людей, приоткрыла револьвер к лицу часового .. Арестованные спокойно собрали вещи и стали выходить на волю. Так как все это происходило в неслыханных шагах от чрезвычайки, то тотчас была поднята тревога, появились пулеметы, вызвана была к оружию вся охрана. Начались переговоры, кончившиеся победой чрезвычайки — арестованные вернулись. Впрочем, на другой день они были освобождены.

Въездной чрезвычайки меня уже окончательно арестовали и отправили в Курск. Туда мы попали как раз накануне сочельника .. Чрезвычайка уже «не работала» Поэтому нас отвели из городской арестный домъ, где держали около 10 дней в самых неприятных условиях в маленькой комнате нас, арестованных, набилось потешно до 30 человек. На нарах не было места, пришлось спать на сыром, грязном полу, на еду выдавали по четверть фунта хлеба в день и больше ничего, даже мыло и тот же мы сами варили в печке, ломая карм на растопку.

Мне еще ни разу не приходилось быть так по-товарищески среди народной массы, так как арестованными были крестьяне, красноармейцы, один матрос и два комиссара

— одинъ по мнѣнцѣйскому, другой по продовольственному дѣлу. Изъ буржуазныхъ круговъ привели подъ конецъ одного бывшаго лапочника, нѣкогда человека состоятельнаго, но теперь лишеннаго всякаго имущества на него по старой памяти наложили 200 тысячъ контрибуции, но такъ какъ это были уже только потроха курицы, несшей золотыя яйца, то, конечно, пришлось ограничиться арестомъ.

Вотъ всего было крестынь — все пожилые, степовые мужики, сохраняющие благоприличіе даже въ чрезвычайнѣ. Сидѣли все по «навѣты» или «доносамъ». По рассказамъ было видно, какую глубокую внутреннюю разруху переживаетъ деревня, гдѣ большинству быть лишь фирмой, выѣской для своихъ, крестьянскихъ споровъ. Лица, догадавшіеся пораньше записаться въ коммунисты и получившіе власть, вымѣщали старые обиды и неприязни, сводили семейные счеты, исткали своихъ враговъ за стародавние прегрѣшенія. А отомстить такъ легко, достаточно взять нѣсколькихъ красноармейцевъ и арестовать и отослать въ чрезвычайну съ самыми подирными обвиненіями — и человекъ уже обреченъ на нѣсколько недѣль сидѣть подъ строжокъ вары, въ полной неувѣдѣнности, въ уныломъ сознаніи своей беззащитности.

Арестованные красноармейцы дѣлились на двѣ категории. Аристократію — развѣданныхъ молодцовъ, для которыхъ арестъ лишь забавный эпизодъ, за которыми неизбежно послѣдуютъ еще рядъ такихъ же забавныхъ и занимательныхъ; смѣльно, самоуверенные, чувствующие себя господами положенія, дѣлящие время между развратомъ, кутежами и добычаными средствами въ войсн средѣ своихъ и чужахъ. Другая категория — или, дѣйствительно, случайные арестован-

ные заданные мужички, или же тихих, подозрительных личности, которые даже о причинѣ ареста не любятъ говорить.

— Тамъ говорятъ, что будто бы ограбилъ кого-то...

Одинъ изъ нихъ все время выдавалъ себя за вернувшася изъ нѣмецкаго плѣна. Но вотъ привели арестованнаго, который, действительно, возвращался изъ плѣна, и онъ съ двухъ словъ обнаружилъ, что тотъ вракъ и никогда не былъ не только въ плѣну, но и на фронтѣ... Вѣроятно, бѣжавшій уголовный.

Но онъ не особенно выдѣлялся на фонѣ всей среды, которая на нашъ взглядъ, поражала развращенностью. Одинъ изъ самыхъ симпатичныхъ и душевныхъ крестьянъ, еще молодой человекъ, но уже хозяинъ, рассказывать въ течение цѣлаго часа преуморительную историю, какъ онъ своровалъ нѣшнокъ сахара на соседнемъ заводѣ... Кража ему была совсѣмъ не нужна, такъ какъ сахару всегда въ домѣ было вдоволь, и вообще онъ былъ зажиточный крестьянинъ, которому по тѣмъ временамъ одна, другая тысяча не составляла расчета. И украсть онъ съ маленькимъ рискомъ, и послѣ преслѣдованій съ трудомъ притащилъ домой. Рассказъ о всѣхъ перипетяхъ приключенія продолжался долго, не жене часа. И вся наша голодная, никуренная коммуна слушала съ затненнымъ дыханіемъ прерывая рассказъ въ драматическихъ мѣстахъ возгласами восхищенія и одобренія, словно дѣло шло объ удачной охотѣ въ кругу нашихъ охотниковъ.

И еще одна черта поражала меня: скверное слово Възъ страдаетъ вообще русскій человекъ. Но все же тутъ были геркулесовы столбы, и по непрерывности потока гражданскихъ словъ, а по

сочности выражений, где самое священное скрывалось в каком-то стиккином кощунстве с развратом и гадостью.

Странно, но этому как-то не противоречила и даже была гармонична квинтальная религиозность интеллигентней, или, точнее, идеологичность. Очень часто мои соотечественники по заключению рассказывали друг другу о различных чудесах, даже таких, которые направлены против большевиков. Например, большевики приказали обмыслить монастырь и даже зашли в раку с мощами святого, но святой чудесным образом исчез, оставив, вместо мощей, кату и кирпич. Другое чудо рассказывали, монхи, про священника, которого большевики вели на расстрел на автомобиле. Только тронулся — лопнул шина. Починили, тронулся опять — лопнула другая. За мной — третья. И большевики решили, что если лопнет четвертая, то они отпустят священника. Четвертая шина, действительно, лопнула, и таким образом Провидение спасло священника. — Все слушали эти рассказы очень внимательно, замолкая и даже не смевая спорить. Даже бывший с нами матрос подтверждал свое согласие с возможностью таких чудес. Вроде, он сам был бы рад рассказать что-нибудь, но не знал. Как-то была такая удирка, как залог чего-то существовала, как нечто, объединяющее всех, несмотря на кровавые события.

Вособщие сочувствие испытывал молодецкой и себя за умного коммуниста коммуниста, попавшись на то, что отпустил подполковника-спекулянта на фунты табаку. «Денег я не брал, это уже выдумывают, а этого уже не докажут никак». . У него было два горя. Первое — месяц тому назад женился. Порода свадьбы

онъ спрашивалъ не разъ невесту, почему она какъ-то прихрамываетъ .. Она отвѣчала, что на ногѣ мозоль. После свадьбы оказалось — кривая. Но это горе было легко поправимое, и при насъ комиссаръ читалъ прошение о разводѣ, гдѣ изобличала всю подлость и лживость своей жены. Къ тому же къ нему уже ходила новая невеста. Больше существеннымъ горемъ была потеря комиссарскаго мѣста и связанныхъ съ этимъ доходовъ. Вотъ онъ сидитъ на рѣшеткой, будутъ судить, а сюда же провѣдать его приходятъ его товарищи по службѣ и громко (разговоръ шелъ черезъ окно) похваляются, что сегодня заработокъ былъ больше тысячи, да и вчера недурно подработали...

Но всѣмъ арестованнымъ импонировалъ матросъ. «Нашъ матросъ», какъ его скоро съ гордостью стали всѣ называть. Его рассказы о привольной жизни, его перечисленіе добра, которое онъ уже скопилъ — дюжина золотыхъ портсигаровъ, множество колецъ, нѣсколько тысячъ деньгами. Его подвѣдъ, какъ онъ съ луткой матросомъ разстрѣливалъ купцовъ въ Нижнемъ Новгородѣ.. Наконецъ, его дѣло, по которому его арестовали разбилъ бутылкой голову коменданту, который кричалъ усмирять пьяную компанію — все это производило потрясающее впечатлѣніе, и матросъ былъ всеобщимъ кумиромъ. Даже степенные арестники относились къ нему съ отцовской снисходительностью, какъ къ удалому молодцу. Мой отказъ разговаривать съ матросомъ послѣ его рассказа о разстрѣлѣ купцовъ показался, вѣроятно, всѣмъ неумѣтнымъ, кромѣ, быть можетъ, самого матроса, который молча и какъ-то всегда смущенно замѣчалъ мои восклицанія этого... Мое дѣло попало случайно въ руки земляка, который далъ ему бы-

острый и благоприятный ход, и я вышел на свободу так же неожиданно, как попалъ въ чрезвычайку. Только денегъ своихъ я не могъ вернуть... За ними мнѣ пришлось опять ѣхать въ уѣздную чрезвычайку. Но тамъ прочли приказъ губернской чрезвычайки вернуть мнѣ деньги, поглядѣли на меня выразительно и сказали, что деньги уже отосланы въ канцелярство, да и вообще неизвестно, согласится ли коллега уѣздной чрезвычайки съ правильностью моего обоснования, не только что возвращенія денегъ... Конечно, я былъ радъ скорѣе уйти. Къ счастью, въ рукавъ были зашиты нѣсколько сотъ рублей черенками, не замѣченные при обыскѣ.

Москва и Петроградъ произвели невыгодное впечатлѣніе. Въ особенности Москва. Петроградъ уже былъ мертвымъ, безнадежно мертвымъ породомъ. Завесенный сѣткою, но чистый и опрятный, онъ производилъ впечатлѣніе спокойнаго кладбища, гдѣ жителями были лишь сторожамъ, недовольнымъ своею должностію, но не приискавшимъ еще новой службы. Москва же была еще только искаженіемъ прежней Москвы. Слѣды прежней бойкой, смышленой, энергичной жизни и предприимчивости, дѣла и работы видѣлись еще на каждомъ шагѣ. Но все это было уже побѣждено, валялось, какъ трупы на неубранномъ полѣ сраженія. А надъ всѣмъ этимъ уже выселись надгробныя надписи.

«Советская Лавка № такой-то», а въ лавкѣ сидѣли чиновники, стойко выносящій морозъ отопленнаго и почти пустаго, бѣнъ товаровъ, помещенія.

Были, конечно, слѣды и положительнаго новаго. Нѣсколько разъ видѣть манифестаціи по

какимъ-то поводомъ рабоче и служаще и красноармейцы шли сравнительно бодрой и веселой толпой, внося тяжелыя и пышныя красныя аламаны. Ръзали глаза своей пестротой футуристически раскрашенные заборы — не то искры востыивающаго взрыва, не то окаменѣвшій ужасъ, не то видѣние дотусторонняго, уже надвигающагося міра.

Но жизньне тихо и прилично. Порядокъ полнѣй и безопаснѣе, быть можетъ, не меньшая, чѣмъ при старомъ строѣ. Но и она не радуется. И все кажется, что тихо только потому, что население слишкомъ изголодалось, чтобы бунтовать, и воры слишкомъ отощали, чтобы вникаться своимъ ремесломъ.

Если на улицахъ тишина и порядокъ, то въ домахъ царитъ нужда. Страшная, которую издали нельзя понять. Ею, въ сущности, могутъ знать только тѣ, кто ее переживалъ, и лишь въ тотъ моментъ, когда переживалъ — потому самъ себя не въришь. Рассказывали и даже писали въ газетахъ, что мужъ убилъ жену, которая съѣла его «порцию» хлѣба... Но какъ бы такія кровавыя трагедіи? Въ каждомъ домѣ, въ каждой семьѣ, за каждымъ «обѣдомъ» и «ужиномъ» происходила трагедія величайшаго паденія человечности, когда близкіе люди равносильно слѣдили за каждымъ кускомъ, за каждой крошкой чернаго, запозвонку съ оскокомъ и отрубкомъ хлѣба. Семейныя несогласія получали богатую и уродливѣйшую поддержку въ этой нищетѣ, гдѣ мысль была боеспособна бороться съ надежностью души, загнувшись въ уголъ, все превозмогающимъ голодомъ животной неудовлетворенности. Даже въ сравнительно зажиточныхъ семьяхъ, среди предоставителей высшего по тому времени чиновнаго міра нѣтъ приходилось видѣть то же убожество

и нищете. Къ голоду присоединился тогда еще холод - 8 градусовъ считалось уже очень хорошей температурой, но въ большинствѣ случаевъ она была 6 и даже 4. Чтобы судить о тѣхъ модификаціяхъ пищи, къ которымъ приводилъ голодъ, достаточно указать, что въ городахъ дѣторождение приостановилось совсѣмъ, такъ какъ половое безжіе стало повседневнымъ явленіемъ.

Подъ гнетомъ такой нужды, конечно, вся духовная жизнь замерла, остановилась. Мысль все время поглощена вопросами добыванія пищи и денегъ. Все остальное заслонено, подавлено этимъ, не вызываетъ ни особаго энтузіазма, ни радости. О призваніи, профессіи никто не думаетъ. Лишь бы прожить. Да и что дѣлать инженеру, если работаетъ десятковъ фабрикъ? Что дѣлать писателю, если нѣтъ ни прессы, ни возможности издать книгу? Или ученому если нѣтъ ни мужскихъ препаратовъ, ни слушателей, ни всей атмосферы, создающей науку? Важно лишь заработать на двухъ или трехъ службахъ, по возможности такихъ, гдѣ выдаютъ не только деньгами, но и продуктами. Все естественно, но все примирено съ неестественностью какъ въ эвакуированномъ городѣ.

Исполнѣ возможно, что власть стремится къ самымъ лучшимъ дѣламъ.. Но въ ея рукахъ все превращается въ противоположность наміченному.

Власть старается быть послѣдовательной и принципиальной. Но хлебъ исчезаетъ или изводится до такихъ микроскопическихъ порцій, что становится сомнительнымъ его значеніе для питанія. Национализированныя фабрики не работаютъ изъ-за отсутствія сырья и материала, котораго едва хватаетъ даже для производства

кня военные дѣла», или убогое, обвинявшее население должно покупать какие то подозрительные товары изъ-подъ полы по десятикратной стоимости ... Национализированные лавки превращаются въ неудобныя, никому ненужныя канцелярии, гдѣ ничѣмъ не торгуютъ, а только пишутъ одинъ или нѣсколько чиновниковъ-бюрократовъ, замѣлившіхъ толковаго хозяина и приказчика.

Видя, что жизнь не укладывается въ принципальныя рамки, власть идетъ на уступки жизни и, въ отступленіе отъ основъ продовольственной политики, разрѣшаетъ отдѣльнымъ учреждениямъ посылать своихъ представителей за продуктами въ деревню. Но это создаетъ лишь цѣлая категория блуждающихъ и странствующихъ делегатовъ, которые, послѣ долгихъ поѣздокъ и траты массы денегъ, привозятъ такое незначительное количество продуктовъ, что выходитъ дороже, чѣмъ у спекулянтовъ.

Для того, чтобы спасти отъ голода дѣтей, рѣшаютъ отправить ихъ на югъ, въ Украину. Составляются широчайшіе планы о перевозкѣ не менѣе 200 тысячъ ребятъ — цѣлое переселеніе народовъ . Но комиссары развѣиваютъ вѣздъ и впередь, «организуя» это дѣло до тѣхъ поръ, пока на самой Украинѣ, въ мѣстахъ избранныхъ для колоній, хлѣбъ пропадаетъ, или пока не становится яснымъ, что для перевозки нѣтъ достаточнаго подвижнаго состава.

Съ чрезвычайнымъ размахомъ рѣшаются на продолженіе начатыхъ прежнимъ правительствомъ работъ по орошенію Голодной Степи . и отпускаятъ на это дѣло на десять лѣтъ 30 миллиардовъ . а на предварительныя изысканія 80 миллионовъ. Собирается даже партія инженеровъ и техникумовъ и выѣзжаетъ на расхаживанія. Но

въ Саратовѣ чрезвычайно заподозривается, что это бѣлогвардейцы пробараются къ Болчаку — инженеровъ и техникувъ забираютъ и на мѣсяць засаживаютъ подъ арестъ. Съ трудомъ Москвѣ удастся освободить своихъ сотрудниковъ. Но партія вынуждена вернуться обратно.

Серьезно принимаются за сооруженіе стѣннаго пути. Но потомъ инициаторы заподозриваются въ томъ, что производятъ какія то недовольныя дѣянія съ валютой или что то въ родѣ этого, и дѣло кончается опять-таки арестами.

Иногда приходилось слышать, какъ участники той или иной советской затѣи или начинанія говорить о своемъ дѣлѣ. Но начнешь внимательно спрашивать — и сразу видно, что этотъ энтузіазмъ напускной, не искренній, бюрократическій — вѣдь неприятно сознавать, что даромъ тыль глѣбѣ или числясь въ полублагодѣлительномъ архивномъ управленіи. Но при искреннемъ разговорѣ самъ энтузіазмъ и подчасъ инициаторъ оказывается ничего не выдать, только бумага, только заводъ денегъ.

Въ бумагу, если не въ кровь, превращается все въ рукахъ большевиковъ. И партія, войной внутри захотѣвшая добиться мира на фронтѣ, достигая лишь того, что война проникла во всѣ поры народной жизни, нищета, разореніе, разрушеніе и непродуцательный трудъ, бывшіе ранѣе только въ ограниченной области, на театрѣ военныхъ дѣйствій, охватили всю страну.

Общественныя настроенія — соответствующія обстановкѣ. О какой либо рѣшительной и дѣйствительной оппозиціи нечего было и говорить. Всѣ слишкомъ изголодались, исхудали. Казалось, население могло массами умирать. Но оно не могло бунтовать, ни даже лишать себя жизни.

добровольно для этого уже не хватало ни сил, ни темперамента. Всякие речи о самостоятельности — отскакивали, какъ горохъ о стѣну. О какой-либо серьезной анти-большевистской акціи говорить не приходилось и по техническимъ причинамъ никакая организация не была мыслима. Почтовые сообщения были некачественны, если даже и функционировали. Письма превратились въ такую выткву, что на нихъ можно было рѣшиться только въ случай крайней и безысходной нужды. Печать была абсолютно недоступнымъ деломъ, такъ какъ, не говоря о полудействующихъ предприятияхъ, не было бумаги, которая отпущалась только по карточкамъ на строго опредѣленные надобности.

Но зато, какъ всегда у слабыхъ людей, разгуливалась фантазия. Всякое извѣстіе, поступившее черезъ советскую печать или по слухамъ, которые въ изумительномъ количествѣ и разнообразіи распространялись всюду, комментировалось самымъ тщательнымъ и всегда бесовѣстно-оптимистическимъ образомъ. Завтра англичане возьмутъ Петроградъ, завтра советники предутъ съ сѣвера и прогонятъ большевиковъ изъ Москвы. Колчакъ готовъ къ наступлению, Деникинъ уже идетъ. И все на фонѣ безсильной, фанатической деятельности къ большевикамъ.

Въ болѣе тѣсныхъ кругахъ не было даже этой опредѣленности настроенія. Ни съ большевиками, ни противъ большевиковъ. Ни съ Англией, ни противъ ея. Ни съ Деникинымъ, ни противъ Деникина. Ни участвовать въ гражданской войнѣ, ни воздержаться противъ нея. Противъ всякаго рѣшенія и предложенія тѣла давно извѣстныхъ, извѣданныхъ соображеній, которые неизменно и всегда приводили къ ленинскому:

«Нить» Полная пассивность, даже без выжидания, без надежды, психология безысходно заблудившегося человека, которому всё трюки знакомы, такъ какъ всё приводитъ неминуемо въ глубь той же самой безысходной чащи

Но наибольшее впечатление произвели на строение не дѣвы и не правды, а женскія Они были особенныя, отчетливо нныя Прежде всего максимумъ энергія и мужества. Вотъ жена товарища, умершаго отъ испанки во время вынужденныхъ скитаний и подпольной жизни въ борьбѣ съ большинствомъ. Трое ребятъ, и приходится одной справиться со всѣмъ. Тащить молоко, которое откуда-то доставать для дѣтей, а однажды принесла на своихъ плечахъ цѣлый вѣшокъ картофеля Но почать писать книгу — писать какого-то комиссариата. И все смотритъ на себя подумавательно нить ли признакомъ отчаянія, нить ли упадка духа, достаточно ли духовной силой проявляется въ жизни Вотъ друица, одно имя которой составляетъ руководителемъ чрезвычайно осканивать зубы отъ ярости Но она отказывается покинуть Россию, и съ тѣмъ же энтузиазмомъ, съ которымъ воспріяла захватывающее счастье въ жизни, теперь встрѣчаетъ ее удары, вынужденная служить въ какомъ-то учрежденіи, работать на ребятъ и подрабатывать набивкой панирсовъ. А чѣмъ хуже та, которая въ началѣ не покинула войны? Ея мужъ, офицеръ-доброволецъ, пошедшій на войну противъ ее воли, вынужденъ былъ бѣжать, оставивъ ее безъ средствъ съ восьмилѣтнимъ ребенкомъ и двумя большими и беспомощными старушками на рукахъ. Но она поглощена утренней и вечерней службой, бодро учитываетъ крошки хлеба. И не прижимая, не простигшая

людямъ войну, даже не прожигаютъ такое вслуженное и всѣмъ событіями подтвержденное «И вѣдь говорила». И хотя красноармейцы съ регулярностью явлений природы приходятъ съ обмыслами, ищутъ мужа, увлакивая при этомъ небольшие остатки такъ насущно необходимаго добра. Итъ на мысли о новой, внутренней войнѣ. Быть можетъ потому, что опять не вѣрить, и не понимать. — И въ ихъ настроеніи, я удаивалась, проскальзывала жажда мира. Не мира-уступки не мира признанія безсилія. Но мира какъ прощенья, какъ встрѣчи какого-то давно ожидаемаго праздника любви.

И мнѣ показалось, что то же слышалось въ словахъ одного изъ крупнѣйшихъ, отважнѣйшихъ и широко воспринимающихъ всю стіхію русской жизни политическаго дѣятеля — женщины. После образнаго, яркаго и пламеннаго изображенія всѣхъ недочетовъ большевикамъ, вдругъ въ заключеніе послышалась нотка материнской тоски о мирѣ земли русской и готовности для этого мира переносить еще большее. «Быть можетъ, еще послѣднія пять минутъ истекаютъ, когда возможна работа отъ большевиковъ, безъ вооруженной борьбы съ ними. Но будутъ ли использованы эти пять минутъ?»

Это не было ни опредѣленнымъ желаніемъ, ни тенденціей. Вся политическая жизнь была въ какомъ направленіи. Но это была какая-то важная мысль русской жизни, мучущейся и влѣбывшейся въ безмысленный недугъ. Да и болѣе другихъ она понимала, что было бы чудомъ такое излеченіе мира. Слишкомъ много ненависти накопилось, чтобы жить наступить, пока имѣется хоть одна зажатая винтовка, хоть одна не взорванная снарядъ.

Но и, кажется, быть достаточно тактичнымъ.

И о планах внутреннего восстания съ ней я уже не говорю.

И странным мысли были во мнѣ, когда я изъ Москвы ѣхалъ въ Петроградъ. Кто виновать во всемъ этомъ?

Большевики?

Это вѣрно, что большевики теперь разрушаютъ. Но вѣдь начали разрушение, или во всякомъ случаѣ, начали его прежде мы сами. Если фабрики и заводы теперь стоятъ, то это, быть можетъ, лучше, чѣмъ если бы они продолжали попрежнему работать «на оборону», превращая въ снаряды, пушки и снаряженіе человеческій трудъ и богатство.

Большевики убиваютъ? Ну, а мы развѣ не убивали? Вѣдь сколько восторгались мы передъ казакомъ Крючковымъ, заколовшимъ много итъ-сколькихъ австрийцевъ. Что же удивляться, что теперь «казаки Крючковы» скачутъ по всей странѣ, убивая лѣво и направо. Развѣ не мы проносимъ 4 долгихъ года слова ненависти, разрушенія и смерти? . Что же удивляться, что народъ научился и ненавидѣть, и разрушать, и убивать. . .

«Выбора не дано: смертная казнь тому, кто не хочетъ сражаться за землю и волю» — такъ, кажется, говорили мы? . И гнали людей убивать, и даже заставляли ихъ при томъ улыбаться. Вотъ они и сражаются теперь по-своему за землю и волю съ тѣмъ противникомъ, который болѣе похотѣлъ и ненавистенъ и близокъ имъ. Иногда даже не за землю и волю, а просто за золотой портсигаръ. . . Но развѣ тутъ большая разница?

«Мы выжищались» . Но и нашъ противникъ выжищался тоже, и исторически оказалось, что ему угрожала большая опасность. . . Но вѣдь

и большевики тоже защищаются. И терроръ и массовыя казни появились лишь послѣ того, какъ мы имъ объявили войну.

Большевики разогнали Учредительное Собрание. Но старое правительство разогнало первую Думу, и мы все же не пошли на вооруженную борьбу съ нимъ. А Учредительное Собрание мы сами «доразогнали», если не физически, то морально.

Большевики «предали» націю въ Врестѣ... Но не оправдываетъ ли ихъ история? Выяснено ли уже съ достовѣрностью, кто больше разбилъ истребителей, танки западныхъ союзниковъ или впечатлѣніе большевизма на солдатскихъ массахъ противника? Я, вѣдь, видѣлъ въ Литвѣ этихъ солдатъ до поражения на фронтѣ и зналъ уже, что они не могутъ побѣдить.

Культура, нація, право... Но тутъ, въ яркіхъ словахъ и лозунгахъ, мы должны дать дорогу большевикамъ. Тутъ за ними намъ савѣдомо не угнаться... Первые слова всегда останутся въ памяти.

Все это были, конечно, мимолетныя мысли, не имѣющія практическаго значенія. Слабость, усталость и больше ничего.

Глава пятая

ПОСЛѢДНІЕ ДНИ ВЪ РОССІИ

Когда я вернулся въ Киевъ, тамъ уже были большевики. Съ каждымъ днемъ становилось меньше хлѣба и больше войны. Недавно поражающее изобиліе всѣхъ благъ земныхъ — исчезло, какъ по злому волшебству. Дороговизна — невѣроятная.

Пробовалъ пойти по мирной дорогѣ кормленія населенія и сталъ служить въ продовольственной управѣ. Но оказалось, что и продовольственное дѣло сводится къ военному. Большевики уже раньше совѣтовали рабочимъ, которые жаловались на дороговизну хлѣба, — взять винтовку и идти въ деревню за хлѣбомъ. Но и сама административная была построена на военный ладъ, и вводимые комитеты бѣдности въ деревнѣ и продовольственный паекъ въ городѣ означалъ не что иное, какъ войну при добываніи хлѣба и войну при распредѣленіи его. А иногда война и непосредственно врывается въ наши канцеляріи. Какъ-то разъ отрядъ коммунистовъ, усмиравшихъ сосѣднихъ крестьянъ, угрожая разстрѣломъ, требовалъ отъ насъ снабдить ихъ немедленно всѣми продуктами, такъ какъ они торопятся на дѣло, и имъ некогда ждать...

Литературная дѣятельность? Но газетъ

нѣтъ. Пробовалъ издавать рукописный листокъ. Но получались только военные антибольшевистские бюллетени, такъ какъ кнѣхъ свѣдѣній не было, да никто ничѣмъ инымъ и не интересовался, какъ только восстаниями крестьянъ, беспорядками рабочихъ, бунтами солдатъ, продвиженіемъ Колчака и положеніемъ фронта Деникина. Стояло ли выказывать нервы, печатая на гектографѣ эти свѣдѣнія по соседству съ чрезвычайкой, подъ аккомпаниментъ ночныхъ короткихъ залповъ, подвергая риску семью и знакомыхъ. Вѣдь обыскъ былъ уже въ квартирѣ намерку и въ квартирѣ виллы.

Политическія бесѣды? Страстные, ожесточенныя — вѣдь дѣло шло всегда о войнѣ, о дѣйствіи оружія. Вѣдь даже формулу привѣтствія мы, озлобленные и негодующіе, выбрали соответственную. одинъ говорилъ — «Въ морду», а другой отвѣчалъ — «Собственными руками».

Кое-кто сталъ поговаривать о необходимости опять «заятись за пашку» и пойти на одинъ изъ фронтовъ. Но на какой? Или такъ, вѣдь, много — около пятидесяти на Руси. Такъ много, что, въ концѣ концовъ, можно выйти на Крещатику и просто стрѣлять въ толпу съ утѣренностью, что въ какому бы фронту вы сами не принадлежали — вы пойдете въ противника, въ сторонника другого фронта — или въ украинца, или въ большевика, или въ сторонника крайней реакціи...

И главное — всѣ фронты составляютъ лишь осколки прежняго міала, обломки единой политической правды. На каждомъ изъ нихъ выйдутъ лѣтніе знакомые люди, которыхъ я вѣрю на землѣ, чѣмъ самому себѣ, и которые теперь

искренне и честно думают, что благо народа и даже человечества зависит именно от побѣды ихъ линии поведения. Куда же имъ пойти? Къ Денкину, представителю военно-национальной идеи, съ которымъ шла работа въ теченіе всей войны, и вмѣстѣ съ большинствомъ моихъ друзей бороться съ большевиками за то, что они искажали идею революціи? Или къ литовцамъ, такъ какъ я по происхожденію литовецъ, и вмѣстѣ съ другими дѣтства отстаивать независимость Литвы? Или пойти къ украинцамъ, на чьей гостеприимной территоріи я находился, и которые тоже были съ большевиками? Или къ донцамъ, по знакомству съ Красновымъ который приметъ прежняго комиссара гостеприимствъ, чѣмъ непримиримый Денкинъ? Или къ грузинамъ, которые отстаиваютъ близкія имъ идеи самоопредѣленія народовъ, и гдѣ работаютъ бывшіе соратники — Церетели и Войтинскій? Или къ Колчану и Ладериксу, торжественно продвигающимся къ Волгѣ? Или къ ихъ противникамъ въ Сибирь, которые не могутъ простить ему разгонъ Директоріи, изгнаніе изъ Россіи моихъ друзей? Или къ полякамъ — вѣдь мой родной языкъ польскій? Или въ Одессу, гдѣ были французы, передъ военнымъ гонимъ которыхъ я всегда восхищался? Или въ Архангельскъ къ англичанамъ, первенство культуръ которыхъ я всегда признавалъ и гегемонию въ мірѣ давно предчувствовала и ожидала? Или къ немцамъ — вѣдь я въ началѣ войны собирался защищать ихъ, если война закончится разгромомъ не ихъ милитаристическаго правительства, а самого народа? Или, наконецъ, къ большевикамъ — вѣдь они остатки русской свободы и революціи, у нихъ имѣлъ бы предоставленъ наибольшій просторъ, и даже въ военной средѣ

такъ и нашелъ бы людей, къ которымъ относиться съ большимъ уваженіемъ.

И что собственно значать эти безстрастныя, проясняющія сомнѣнія? Распадъ старой правды? Или отзвукъ новой? Или просто уста лютя? Или и наконецъ «безъ тѣни»?

Я получалъ возможность уѣхать изъ Россіи. Но война шла по пятамъ.

Въ Варшавѣ встрѣтилъ полка, о которомъ вспоминалъ въ началѣ и который когда-то съ такою пламенной вѣрой говорилъ о Россіи. Теперь же онъ о Россіи отзывается съ прошею и даже безъ горечи. Но съ пламенной вѣрой, юношескимъ воодушевленіемъ говоритъ о побѣдоносной польской арміи.

Встрѣтилъ знакомую, такъ точно и ясно воспринимавшую раньше Божій міръ. Теперь она въ страшной нуждѣ война разорвала всю семью и размотала во всѣхъ концахъ земли. Мужъ — выбитый изъ колеи студентъ. Но духъ бодръ, и рѣчь тѣ же о доблести польской арміи и о врагахъ, окружающихъ Польшу — Литву, Россію, Украину, Чехию, Германію... Въ последнее время къ врагамъ Польши явно начинаютъ присоединяться Англія и Америка... Но польскіе солдаты — удивительны. Кроме того, онъ — средство отъ безработицы.

Въ Германіи — неважность къ побѣдителямъ и фактическия дѣла и способы подготовленія «презаванія» съ Россіей — блокъ побѣжденныхъ противъ побѣдителей, съ Франціей — противъ доварной Англіи, съ Англіей — противъ чело-вѣкоукоммунистической Франціи.

Но Франція — вежливость уѣхать, что не доблестно и что вся будущая дѣла становится жить труднѣе...

Въ Англии - ростъ цѣнъ, жизнь все тяжелее, а въ газетахъ разсужденія, что война прошла и кажется совсѣмъ не страшной.

Ну а во мнѣ самомъ? Видѣлъ въ Варшавѣ демонстрацію безработныхъ съ нѣкогда дорогимъ краснымъ флагомъ. Видѣлъ пулеметы, выставленные противъ демонстрантовъ, видѣлъ солдатъ, перегораживающихъ дорогу. И думалъ: почему пулеметы не дѣйствуютъ и ружья не стрѣляютъ? Вѣдь пора! Развѣ не довольно опытовъ «слабой власти»? ..

Нѣтъ, отъ войны не уйти, пока она остается въ душѣ.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Прошло ровно пять летъ съ того момента, какъ государство, въ которомъ я жилъ своимъ психологическимъ аппаратомъ, который не же нѣе властенъ, чѣмъ аппаратъ физическаго при нужденія, втянуло меня въ войну. Пять летъ прошли въ напряженной разнообразной работѣ, при чемъ я добросовѣстно отдавалъ все свои силы государству. И теперь, выбравшись изъ-подъ развалинъ этого государства, вспоминая свою дѣятельность, я спрашиваю себя что было сдѣлано мною за это время дѣйствительно полезнаго? И, къ моему изумленію, несмотря на искреннее стараніе, я не припоминаю ничего. Говорятъ, правда, что крестьяне деревни Веретя устроили баню въ одномъ изъ убѣжищъ, построенныхъ мною на склонахъ горы. Но видъ я знаю, что для того же материала и тѣмъ же силами можно было построить нѣсколько бань, и при томъ болѣе удобныхъ. Между тѣмъ, больше ничего припомнить не могу. Ботальные для я тѣсноты напряженной работы, искривленіе моихъ мозговыхъ клетокъ, средства и силы, бывшія въ моемъ распоряженіи, превратились въ уродливыя, уже, конечно, развалившіеся оковы, въ разрытыхъ и испорченныхъ поляхъ, въ безплодно зарытый лѣсъ. Потому — въ гуды бухахъ, возманий, въ проповѣди вражды и убійства на фронтѣ, давшую такіе богатые плоды въ гражданской войнѣ, которая до сихъ

поръ опустошаетъ и сжигаетъ въ странѣ то, чего не успѣла выжечь и разорить война.

Быть можетъ, я чего-нибудь не додѣлалъ? Быть можетъ, мнѣ во время войны надо было самому идти въ пѣхоту и самому стрѣлять въ противника? Но я теперь живу въ странѣ противника... И у меня нѣтъ раскаянія, когда я вижу живого, неискалѣченного нѣмца или веселую, такъ наивно друтъ съ другомъ любезничающую пару. Я радъ, что я самъ не произвелъ ни одного физическаго выстрѣла въ сторону противника: вѣдь выстрѣлъ могъ попасть въ этого человѣка... И впредь стрѣлять не буду!

Быть можетъ, вина моя въ томъ, что во время революціи я былъ недостаточно суровъ, какъ представитель власти? Если правые круги обвиняютъ Керенскаго въ томъ, что онъ не разстрѣлялъ Ленина, а лѣвые — что не разстрѣлялъ Корнилова, то вѣдь свою долю этой вины несу и я. Но я упоренъ въ винѣ, радъ ей и даже горжусь.

Но я не знаю не только моей вины, но даже того, чего именно я не достигъ. Государственной власти для себя или моихъ друзей; основывался на макиавеллевской неразборчивости, или «кровью и желѣзомъ», какъ говорятъ теперь? Но я былъ и остаюсь врагомъ такой власти я, во всякомъ случаѣ, считаю ее ненужной: новое человечество нуждается въ иныхъ формахъ взаимоотношеній, чѣмъ слѣбное повиновеніе изъ страха передъ смертью или тюрьмой.

Или, быть можетъ, нужно было достичь того, чтобы Россія могла имѣть мѣсто за Версальскимъ столомъ побѣдителей? Но вотъ мнѣ теперь кажется, что какъ ни ужасенъ и безобразенъ русскій конецъ войны, онъ все же, лучше мира, за-

ключеннаго союзниками. Онь современнѣе. 10 миллионѣвъ людей, воткнувшихъ штыки въ землю и повернувшихся спиною къ вооруженному до зубовъ противнику, — это современнѣе, чѣмъ американскіе танки. Это, конечно, нелѣпо, но это соответствуетъ нелѣпости веденія войны въ эпоху, когда люди могутъ сооружать такіа могущественныя и чудесныя машины, какъ танки и аэропланы. Больше того, я иногда думаю, что русскій нелѣпый и безобразный миръ даже выгоднѣе, чѣмъ Версальскій... И, припоминая толпы нашихъ пьяныхъ дезертировъ, я, все же думаю, что эти толпы безсознательно шли по исторически правильному пути, ибо они, дѣйствительно, хотѣли закончить войну. И если они не сдѣлаютъ этого, то только потому, что мы, интеллигенція, не хотимъ или не умѣемъ помочь имъ...

Берлинъ, 10-го января 1920 года.

T3(2)524,013

T3(2)411.19-484,013